

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

Ученый. Публицист. Поэт. 9

ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ СОРОКИН: КАКИМ МЫ ЕГО ПОМНИМ

Н.В. Дмитрюк

ДРУГИХ ТАКИХ ЖЕ – НЕ БУДЕТ... 11

В.И. Жельвис

БОРЕЦ. УЧИТЕЛЬ. ДРУГ 16

Х. Шредер (ФРГ)

НА СМЕРТЬ Ю. СОРОКИНА 17

С.В. Власенко

ПСИХОЛИНГВИСТ ПО ПРОИСХОЖДЕНИЮ (*Дуэли мысли, гладиолусы и психолингвистика*) 18

ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ ЮРИЕМ СОРОКИНЫМ

(16 ноября 1997 года, Ювяскюле, Финляндия) 20

ОСНОВЫ ЛАКУНОЛОГИИ: главы задуманной книги 28

Часть I. Теоретические основы лакунологии

Ю.А. Сорокин

Глава «ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ, ЛАКУНОЛОГИЯ, СОМАТОЛОГИЯ И ИХ АПРИОРНАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ (ПОПЫТКА РАСШИРЕНИЯ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА)» 28

Часть II. Прагматические аспекты лакунологии. Теория лакун в исследовании проблем межкультурного общения

И.Ю. Марковина

Глава «ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ЛАКУНИЗАЦИИ» 34

Часть III. Прагматические аспекты лакунологии. Теория лакун в исследовании проблем перевода и переводоведении.

И.Л. Панасюк (ФРГ)

Глава «МЕСТО ФЕНОМЕНА ЛАКУНИЗАЦИИ В ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА»/
DEFINITION OF THE LACUNA PHENOMENON IN THE THEORY OF
TRANSLATION 42

КОЛЛЕГИУМ

В.Н. Базылев

ГЛУБИНА ПРЕБЫВАНИЯ В ЧУЖОЙ СЛОВЕСНОЙ СТИХИИ 47

В.И. Шаховский

ЭМОЦИИ В НАЦИОНАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ И СТЕРЕОТИПАХ КАК
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКАЯ
ПРОБЛЕМА 51

В.Г. Красильникова

МЕТАЛИНГВИСТИКА МОДЕРНИЗМА: М.М. БАХТИН И ДЖ. ДЖОЙС... 56

<i>А.А. Боронин</i> ПОНЯТИЕ <i>СТИЛЬ</i> В ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ	59
<i>Е.С. Никитина</i> ПОРОЖДЕНИЕ-ПОНИМАНИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В РАКУРСЕ КОММУНИКАТИВНОЙ ПАРАДИГМЫ	65
<i>К.Я. Сигал</i> РЕЧЕВЫЕ МЕХАНИЗМЫ СИНТАКСИЧЕСКОГО ПОСТРОЕНИЯ СЛОВСОЧЕТАНИЙ С ДВУМЯ АДЪЕКТИВНЫМИ КОМПОНЕНТАМИ (экспериментальное исследование)	76
<i>А.А. Воейкова</i> ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ	88
<i>Н.М. Юрьева</i> К ПРОБЛЕМЕ СТАНОВЛЕНИЯ ПОВЕСТВОВАНИЯ В ДЕТСКОЙ РЕЧИ .	100
<i>С.В. Власенко</i> ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ РЕФЕРЕНЦИИ.....	115
<i>О.В. Балясникова</i> ФЕНОМЕН «ЧУЖОГО» В ИНТЕР- И ИНТРАКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ	133
ПУБЛИЦИСТИКА	
<i>Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина</i> АЛЕКСАНДР ЛАЦИС КАК «КРИТИК» (ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ)	139
ГЛЕБ АРСЕНЬЕВ: поэтическое творчество Ю.А. Сорокина	143
НАШ АРХИВ	
<i>А.М. Шахнарович</i> ОБУЧЕНИЕ ВТОРОМУ ЯЗЫКУ	145
РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ	
В. БАТОВ. МОЙ ДРУГ ГЛЕБ АРСЕНЬЕВ. ПСИХОГЕРМЕНЕВТИКА СЛОВЕСНОГО ТВОРЧЕСТВА. М.: ГНОЗИС, 2008. – 223 С. (<i>Н.В. Уфимцева</i>)	150
Ю.А. СОРОКИН. ДЕВЯТЬ СТАТЕЙ О ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ. М.: ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН, 2009. – 146 С. (<i>С.В. Дмитрюк</i>)	151
Ю.А. СОРОКИН. НЕКАНОНИЧЕСКАЯ РУСИСТИКА (СТАТЬИ, ЗАМЕТКИ, РЕПЛИКИ). М.: АРИАДНА, 2008. – 172 С. (<i>Н.В. Уфимцева</i>)	152
ОБ АВТОРАХ	153
ABSTRACTS OF ARTICLES	154
ИНФОРМАЦИЯ	157

CONTENTS

FROM THE EDITORS

SCIENTIST. PUBLICIST. POET.....	9
---------------------------------	---

MEETING JURI A. SOROKIN

<i>N.V. Dmitryuk</i>	
THERE WILL BE NO ONE ELSE LIKE HIM	11
<i>V.I. Zhelvis</i>	
FIGHTER. TEACHER. FRIEND.....	16
<i>H. Schröder (Germany)</i>	
ZUM TODE VON JURIJ ALEKSANDROVIC SOROKIN.....	17
<i>S.V. Vlasenko</i>	
PSYCHOLINGUIST BY NATURE (DUEL OF THOUGHT, GLADIOLI AND PSYCHOLINGUISTICS).....	18

INTERVIEW WITH PROFESSOR YURI A. SOROKIN

(November 16, 1997, Jyvaskyla, Finland).....	20
--	----

FUNDAMENTALS OF LACUNOLOGY:

CHAPTERS OF THE FUTURE BOOK	28
-----------------------------------	----

PART I. Theoretical basis of lacunology

Yu.A. Sorokin

Chapter "LINGUISTIC CULTUROLOGY, LACUNOLOGY, SOMATOLOGY AND THEIR A PRIORI INTERRELATION (AN ATTEMPT TO EXPAND THE TERMINOLOGICAL APPARATUS)	28
--	----

PART II. Pragmatic aspects of lacunology. Lacuna theory in the intercultural communication research

I.Yu. Markovina

Chapter "PSYCHOLOGICAL AND SOCIALPSYCHOLOGICAL MECHANISMS OF CULTURAL LACUNISATION"	34
--	----

PART III. Pragmatic aspects of lacunology. Application of Lacuna theory in the theory and practice of translation

I.L. Panasiuk (Germany)

Chapter "DEFINITION OF THE LACUNA PHENOMENON IN THE THEORY OF TRANSLATION"	42
---	----

COLLEGIUM

V.N. Bazylev

THE DEPTH OF INSIGHT INTO A FOREIGN VERBAL ELEMENT.....	47
---	----

V.I. Shakhovskiy

EMOTIONS IN NATIONAL CHARACTERS AND STEREOTYPES AS A LINGUOCULTURAL AND LINGUODIDACTIC PROBLEM	51
---	----

V.G. Krasilnikova

METALINGUISTICS OF MODERNISM: M. BACHTIN AND J. JOYCE	56
---	----

<i>A.A. Boronin</i>	
THE NOTION OF <i>STYLE</i> FROM THE PSYCHOLINGUISTIC PERSPECTIVE	59
<i>E.S. Nikitina</i>	
GENERATION-UNDERSTANDING OF THE UTTERANCE FROM THE PERSPECTIVE OF COMMUNICATIVE PARADIGM	65
<i>K.J. Seagal</i>	
SPEECH MECHANISMS OF SYNTACTIC ARRANGEMENT OF WORD GROUPS WITH TWO ADJECTIVES (EXPERIMENTAL RESEARCH)	76
<i>A.A. Voeikova</i>	
PSYCHOLINGUISTIC RESEARCH OF ADVERTISEMENT TEXTS	88
<i>N.M. Yurieva</i>	
DEVELOPMENT OF NARRATIVE IN CHILD LANGUAGE	100
<i>S.V. Vlasenko</i>	
TEXT AS REFERENCING PERCEPT	115
<i>O.V. Balyasnikova</i>	
PHENOMENON OF 'ČUŽOJ' IN INTER- AND INTRACULTURAL ENVIRONMENT	133
JOURNALISM	
<i>Yu. A. Sorokin, I.Yu. Markovina</i>	
ALEXANDER LATSIS AS "A CRITIC" (A LETTER TO THE EDITOR OF THE LITERATURNAYA GAZETA)	139
GLEB ARSENIIEV: Yu. A Sorokin's poetry	143
OUR ARCHIVES	
<i>A.M. Shakhnarovich</i>	
SECOND LANGUAGE TEACHING	145
BOOK REVIEWS	
V. BATOV. MY FRIEND GLEB ARSENIIEV. LITERARY PSYCHOHER- MENEUTICS (<i>N. Ufimtseva</i>)	150
YU.A. SOROKIN. NINE ARTICLES ABOUT POETIC TEXTS (<i>S. Dmitryuk</i>) .	151
YU.A. SOROKIN. NONCANONICAL RUSSIAN LANGUAGE AND CUL- TURE STUDIES (ARTICLES, NOTES, REMARKS) (<i>N. Ufimtseva</i>)	152
NOTES ON CONTRIBUTORS	153
ABSTRACTS OF ARTICLES	154
INFORMATION	157

Юрий Александрович Сорокин

1936 - 2009

ОТ РЕДАКЦИИ

УЧЕНЫЙ. ПУБЛИЦИСТ. ПОЭТ

Этот выпуск, посвященный памяти ушедшего в прошлом году Юрия Александровича Сорокина, составлен с целью представить его многогранный, сложный и ни на кого не похожий талант ученого, публициста, поэта. Поэтому, прежде всего, читатель найдет в номере несколько публикаций самого Юрия Александровича, сделанных в разные годы и по разным поводам.

Журнал открывается несколькими эссе, продолжающими серию материалов-откликов на уход из жизни Юрия Александровича (см. Вопросы психолингвистики № 2(10), 2009), написанных людьми, много лет знавшими его, работавшими и дружившими с ним.

Этот выпуск журнала предоставляет читателям уникальную возможность «послушать» Юрия Александровича, вспомнить его замечательную «многослойную» манеру разговаривать: впервые на русском языке публикуется интервью, данное Ю.А. Сорокиным профессору Х. Шредеру во время их совместного пребывания в Финляндии в 1997. В заключительной части он говорит о планах ... Поразительно, как много он успел сделать!

Как ученый, Ю.А. Сорокин создал несколько научных направлений, одним из них является теория лакун, уже занявшая прочное место в исследованиях проблем межкультурного общения, этнокультурной специфики языкового сознания, перевода. К счастью, еще при его жизни вышла небольшая книга «Культура и текст. Введение в лакунологию» (ГЭОТАР-Медиа, 2008), появления которой он так ждал. В данном номере журнала мы публикуем фрагменты из задуманной Юрием Александровичем и его учениками книги

«Основы лакунологии» - работа над ней началась незадолго до его ухода. Научный потенциал теории лакун активно реализуется, как в нашей стране, так и за рубежом, свидетельством чему стала монография, вышедшая в ФРГ в 2006 г. к юбилею Юрия Александровича *Lakunen-Theorie. Ethnopsycholinguistische Aspekte der Sprach – und Kulturforschung. (Igor Panasiuk und Hartmut Schröder (Hrsg.). LIT Verlag. Münster-Berlin-Hamburg-London-Wien: 2006)*. Все это позволяет надеяться, что задуманная книга увидит свет.

Важным для нас является также раздел *Коллегиум*, содержащий авторский материал ученых, работавших или сотрудничавших с Юрием Александровичем в разные годы.

Раздел *Публицистика* представлен открытым письмом в редакцию «Литературной газеты», написанным в ответ на публикацию «Удар по лакунам» (1982 г.), содержавшую не только дилетантские комментарии в отношении нового научного направления, но и личные выпады в адрес исследователей. Статья Ю.А. Сорокина и И.Ю. Марковиной, включенная в данный номер, демонстрирует, прежде всего, блестящий полемический талант Юрия Александровича. К этому разделу можно отнести и публикацию, открывающую журнал – интервью, данное Ю.А. Сорокиным во время пребывания в Финляндии немецкому ученому Хартмуту Шредеру в присутствии нескольких русских и финских коллег. Выпуск журнала, посвященный Ю.А. Сорокину, был бы неполным без стихов Глеба Арсеньева – под этим псевдонимом писал и иногда публиковал свои поэтические произведения Юрий Александрович. Когда заканчивал-

ся очередной любимой им летний «кучковский» (от д. Кучки) период, близкие ему люди нередко получали в подарок переписанные на старенькой машинке «подслеповатые» странички с ни на что непохожими стихами. Потом некоторые из них были им опубликованы. Сегодня и у читателей нашего журнала есть возможность

познакомиться со стихами Глеба Арсеньева.

Как человек незаурядного ума, огромного таланта, энциклопедических знаний, Юрий Александрович Сорокин был сложным и разным – пусть каждый из прочитавших наш журнал увидит его по-своему.

ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ СОРОКИН: КАКИМ МЫ ЕГО ПОМНИМ

Н.В. Дмитриук

ДРУГИХ ТАКИХ ЖЕ – НЕ БУДЕТ...

*«Что вынесла я за прожитую жизнь,
какую философию? Самую простую.
Простую – как кружка воды, как глоток воздуха.
Люди не делятся на классы, расы, государственные системы.
Люди делятся на плохих и хороших.
На очень хороших и очень плохих. Только так.
Кровожадные революционеры, исступленно клявшиеся,
что на смену плохим людям наконец-то придут одни хорошие, –
врали! Плохих во все времена было больше, много больше.
Хорошие всегда исключение, подарок Неба.
Их надо беречь при жизни Других таких же – не будет».*

М.Плисецкая

Трудно поверить, что уже нет с нами удивительного, интересного, такого необычного человека, любимого шефа многочисленной армии соискателей – Юрия Александровича Сорокина, ЮСо, как он сам называл себя и мы вслед за ним. Не могу представить, как в очередной свой приезд в Москву я войду в Сектор психолингвистики, встречу с моими дорогими и родными учителями-друзьями-наставниками и ... Можно, конечно, по-страусиному спрятать голову в песок и придумать, что он просто вышел, вышел покурить, обсудить что-то очередное неотложное... Но того долгожданного трепета и праздника, с каким я привыкла за много лет (с 1981 года!) входить в Сектор, уже не будет – будет неизменная радость с неизбежным комом в горле.

В свое время в Сектор психолингвистики Института языкознания АН СССР меня привела Александра Александровна Залевская, большой ученый и большой

друг Юрия Александровича Сорокина, отрекомендовав ему меня как «ту самую девочку, которая занимается ассоциациями в Казахстане». Зная уже по именам и некоторым работам, а точнее всего, – по рассказам Александры Александровны об Алексее Алексеевиче Леонтьеве, Евгении Федоровиче Тарасове, Юрии Александровиче Сорокине, Наталье Владимировне Уфимцевой, я входила в этот храм науки как в совершенно иной, особенный мир, научный Олимп, потому что выше планки, чем Академия наук СССР, действительно не существовало. Определив себе место в углу за шкафчиком (Сектор тогда теснился на первом этаже в крохотной комнатке), я, безмолвная и невидимая, с восторгом впитывала удивительно доброжелательную атмосферу Сектора и смотрела на его обитателей как на небожителей, полубогов, творцов настоящей науки, такой привлекательной и такой недостижимой, как мне казалось (и кажется до

сих пор). И из этого состояния немоты и благоговения выводил меня Юрий Александрович самыми простыми, обыденными вопросами: «Чаю хотите? что вы там читаете? а какая погода в Чимкенте?» А через некоторое время оказывалось, что мы уже стоим у окна в коридоре, в курилке, и я довольно бойко рассказываю про Казахстан, про свою семью, про дела в институте и про то, как проводила ассоциативный эксперимент. В сектор мы уже возвращались с какими-то набросками, перечнем вопросов, списком литературы. Но от обращения ко мне «Коллега!» из уст великих я опять впадала в ступор, и опять Юрий Александрович выводил меня из него обыденными фразами: «У вас есть карта метро? возьмите на вахте календарики. Смотрите, у Толи новые книжки, вот эту вам надо почитать...». Так, как бы сам собою, решился вопрос о моем научном руководителе: Юрий Александрович, исчеркав мои листочки и размашисто начертав на их обороте план того, что нужно делать с «моими ассоциациями», вынес великодушный вердикт: «Работать можешь. Пиши».

Так с легкой руки Александры Александровны я «прикипела» к Сектору психолингвистики и обрела таких же мудрых и великодушных руководителей не только в науке, но и в жизни.

Это Наталья Владимировна Уфимцева, которая, случайно узнав, что я, приезжая по пятницам из Калинина (где обучалась на ФПК) на лекции А.А.Леонтьева, а потом оставалась ночевать на вокзале (золотые были времена!), чтобы на следующий день позаниматься в Ленинке, в ужасе запричитала: «Да вы с ума сошли! Едемте ко мне!» и поселила меня в своей квартире. Как оказалось потом – на долгие времена: все последующие мои приезды в Москву я жила у Наташи, передвигаясь вместе с ее переездами по Москве, – и в Кузьминках (или это были Текстильщики?), и на Чертановской, где в свое время «приземлился» и мой сын до получения комнаты в общежитии, и на Пражской, и

уже на Таганской, на Земляном валу. Низкий поклон тебе, Наташенька, мой ангел-хранитель!

Это и Евгений Федорович Тарасов, который (никогда не забуду!) в день моей кандидатской защиты помчался на такси через всю Москву (в майскую жару в зимних ботинках, завалявшихся в секторе, т.к. туфли случайно оказались в срочном ремонте!) к моему оппоненту В.Н.Гридину, который забыл прийти на заседание совета. Ну, кто еще мог так безоглядно кинуться на помощь? Такого такта, заботливости, доброжелательности и великодушия, такого галантного «светского» обращения, в сочетании с неподражаемым юмором, я, кажется, и не встречала никогда и ни в какой другой «служебной» обстановке. И отдельное спасибо за сына, которого Евгений Федорович и подкармливал, и подбадривал, и «становил на крыло» за все его много трудные аспирантские годы.

И Юрий Александрович в этом триумфирате главных ученых Сектора занимал свою очень четкую, особенную, а в какие-то периоды и резко обособленную позицию. Кажется, он никогда не шел на компромисс – вопреки своим убеждениям. Его знали как человека с необычным взглядом на все, неординарными суждениями, с собственным, порой, ни на чье не похожим мнением. Поразительной была его энциклопедическая начитанность – он успевал прочитывать практически *все* новинки! – и невероятная способность создавать своеобразный терминологический аппарат в своих исследованиях, вводить в научный обиход невероятное количество новых слов, терминов. Его статьи мне приходилось читать, порой, со словарями, по возможности, «приставать» и «допытываться» у него самого, поражаясь эротичности некоторых текстов – закрытых для непосвященных, как и он сам.

Действительно, при всей кажущейся простоте и доступности (он мог легко поддержать разговор на любую тему, пошутить-позубоскалить, припечатать ост-

рым словом – ох, лучше не попадаться ему на язычок!), Юрий Александрович был очень закрытым человеком, четко обозначал границы допустимой доверительности, избирательно относился к людям. Интереснейший остроумный собеседник, он любил крепкое словцо, и оно в его устах было поразительно точным, емким и органичным – точнее не скажешь! Заслужить его похвалу, расположение, доверие было нелегко. Но если это расположение было получено и устанавливались доверительные теплые отношения, то Юрий Александрович приоткрывался с совершенно необычной стороны – тонкий художник, лирик, романтик и сказочник, и при этом такой надежный и верный, что можно было не сомневаться в его обещанной помощи.

Неудивительно, что Юрий Александрович писал стихи – такие же необычные, со скрытым подтекстом, вторым дном, такие же «закрытые» и эзотерические, как он сам.

Принято считать, что поэзия – это всегда откровение, «исповедь души», лирический дневник, и мы бываем искренне признательны автору за его доверительность – возможность стать причастным к его сокровенному миру. Так, но и не совсем так в стихах Глеба Арсеньева – Юрий Александрович только приоткрывает завесу, осторожно и избирательно впуская в свой мир, в свой космос, и тогда родственные поэту души погружаются в иное время, иное измерение, иные события.

Душа ящерица

Греется на бажовском малахите

Усыпанном колким хвойным солнцепеком

Душа ящерица дышит впрок вместе с камнем

(8 ноября 1985г.)

Это не любительская поэзия «для внутреннего пользования» в семейном или дружеском кругу, хотя и очень личная. Мастерское, умелое владение автором стихией слова покоряет с первого знакомства: слог зачастую обрывистый, как слоган, но

изящный и весь пронизанный внутренним фоном, созвучием, «перетеканием» звуков, слово точно и сжато, как открытие, как чудотворство:

Стрекочет сорока в лесу

Водит кого-то нечистый

Качаются на весу

Судьбы потаенные числа.

(21 июня 1985 г.)

Сегодня, когда так много стало шаблона и фальши в привычном потоке умело-унылого графоманства, псевдотуристских трюизмов дурного вкуса, банальных и нелепых безвкусных рифмованных поздравлений, ежедневно навязываемых нам и тиражируемых всеми средствами массовой информации, — тогда глоток истинной, искренней, родниковой поэзии – подарок и радость, спасение и откровение.

Земля заливаётся альтам

Барабана небесного гул

Двоичной музыки альфа

На мерцающем берегу

(10 сентября 1985 г.)

Непробудная жара

Изнеможенье птиц

Восковое позавчера

Из-под изразцов и ресниц

(июнь 1984 г.)

Классическая формула, о которой говорил Юрий Александрович кому-то из своих ходоков-посетителей: «Если можешь не писать – не пиши!» – как проверка на зрелость, мерило состоявшегося, которое не может не выплеснуться, не отделиться от автора в образах, звуках, в музыке слов. Эта музыка, звуки и образы будут преследовать и мучить, пока не выльются на бумагу, пока не станут стихами. «И тогда, – говорил Юрий Александрович, – тогда они приобретают свою самостоятельную жизнь, принадлежащую уже не только мне. Они вышли из-под пера, вышли в свет и живут там сами, кому-то нравятся, кому-то нет. Я уже ничего не могу сделать». Да, тогда стихи становятся и наши тоже. Глазами поэта мы

видим новый мир, богатый и красочный, входя в него, проживаем те же мгновения радости, боли, открытия.

Береты и челки

Рубашки апаи

И парусиновые туфли начищенные

мелом

Веселых взрослых страна

Как блаженной Сиваи

Обмелела

(4 октября 1985 г.)

В редкие минуты откровения, доверительной искренности на вечерних посиделках в Секторе или в тот памятный приезд в Чимкент с лекциями, когда мы засиживались у нас на веранде за долгими разговорами, Юрий Александрович говорил: «Над стихами не работают – ими живут. Стихи – вне планов. Трудно заглядывать вперед, говорить о «творческих планах». Часто замыслы, как и жизнь, обрываются; часто врываются неожиданные образы, мысли; иногда боль, как нарыв, прорывается потоком не слез, а слов, а иногда радость, обновление взрывается ликующей музыкой стиха. Поэзия – лирика – и должна быть такой: взгляд – аспект – выхваченный образ, воплощенный в слове». Диктофона у меня не было, а потому записывала я обрывками его замечания и поправки к моим статьям вперемежку с поэтическими комментариями: «Отсюда и творчество – взгляд в себя, открытие своего внутреннего мира. А значит - и внешнего. Ибо поэт, как зеркало – отражает мир, но преломляя его через себя». И этот мир – глазами поэта – уже другой: не просто очевидная для всех действительность, а внутренний духовный мир лирического героя, всегда опосредованный через личность автора.

«Поэзия всегда фрагментарна, вся – только слово из фразы, за которой угадывается предшествующее и продолжение. В этом смысле поэзия повторяет жизнь, заставляя заново пережить, прочувствовать то, что не отпускает тебя, не дает покоя. Людские судьбы и эпизоды од-

ной жизни – те же слова из бесконечной фразы, называемой временем, историей. Детальность произнесенного, выхваченный взглядом ракурс, аспект только подчеркивают скрытое, непознанное, подразумеваемое, стоящее за словом. И чем больше угадывается за определенным эпизодом сопряженности, причастности каждого к духовному миру поэта – тем выше планка, взятая автором».

Не поручусь за доскональную дословность этих цитат (не всё успевала записывать), но в черновиках диссертаций сохранились вот такие обрывки бесед...

За долгие годы знакомства у меня скопилось немало писем и стихов Юрия Александровича (благо, в советские времена, в 80-е годы, почта работала исправно, и обычные открытки и письма в почтовых конвертах приходили из Москвы за 2–3 дня). Особенно оживлялась переписка летом, из деревни Кучки, где так любил отдыхать и работать каждое лето Юрий Александрович. После развала Союза такая роскошь общения стала уже недоступной.

Перебираю, перечитываю стихи и письма. Знаю, что много своих стихов Юрий Александрович дарил и Наталье Уфимцевой, и Ирине Марковиной, своей первой и любимой ученице, соавтору бесчисленных публикаций, открытий, верному другу и благодарной последовательнице. Надо бы собрать вместе «всех этих слов драгоценные россыпи», пожелтевшие листочки с напечатанными на старенькой машинке да через истертую копирку третьим экземпляром бесценные строчки и опубликовать отдельной книжкой. Уверена, что этим стихам еще «придет свой черед», по ним еще не одна научная работа будет написана, и не одна будет защищена диссертация.

Такова классика – проверенная временем истинность сказанного, прочувствованного, и причастность каждого к настоящей поэзии, как пушкинское «Я вас любил» или блоковское «О доблестях, о

подвигах, о славе» – об одном (себе) и обо всех (нас) одновременно.

Юрий Александрович обладал даром найти то самое нужное Слово, которое (об этом не только филологи знают) способно «творить удивительные дела»... Да, слово – это тоже дело, и нам надо бы спешить делать добрые дела, говорить друг другу хорошие слова, чтоб их слышали при жизни. Чтобы потом запоздало не спохватываться, не корить себя за суету и нев-

нимание. Вынесенные эпитафией слова несравненной Майи Плисецкой всегда всплывают в памяти в дни тяжелых потерь. «Людей надо беречь при жизни...Других таких же – не будет» [М.Плисецкая. Я, Мая Плисецкая ... М.: Новости. – 2004].

И светлая память о Юрии Александровиче Сорокине будет всегда для нас напоминанием об этом.

В.И. Жельвис

БОРЕЦ, УЧИТЕЛЬ, ДРУГ

Кажется, это было давно-давно, когда в России не было не только секса, но и мата. И когда меня всерьёз заинтересовала тема сквернословия, кажется, во всей стране было только одно место, где меня понимали – сектор психолингвистики и теории коммуникации Института языкознания РАН. Конечно, улыбались, но всегда охотно помогали советом. И прежде всего это были Алексей Алексеевич Леонтьев, Юрий Александрович Сорокин, Евгений Фёдорович Тарасов, Ревекка Марковна Фрумкина. Собственно, история моей диссертации и, соответственно, книги «Поле брани» началась с того, что я принёс Алексею Алексеевичу несколько разрозненных очерков на тему брани в языках и народах мира и спросил его, видит ли он в них докторскую диссертацию. «Вижу!», – сразу сказал мэтр, и это стало началом моей работы всерьёз.

Но боже мой, какая мука ждала меня и день и ночь, не отходя ни шагу прочь! Заниматься матом? «МатерШЫной», как выразилась одна учёная дама с моей кафедры. В педагогическом вузе! Вот от таких учёных, восклицали мои коллеги, и происходит Чернобыль!

И накануне дня, когда обсуждался вопрос, дать или не дать мне три месяца для завершения работы над диссертацией, я, предвидя бурю, позвонил Юрию Александровичу. «Еду!, – сразу среагировал Сорокин. – вот только заеду домой, возьму зубную щётку!» Почему-то эта зубная щётка запомнилась мне на всю жизнь.

И приехал в Ярославль, и выступал на заседании кафедры в мою защиту, был, как всегда красноречив и убедителен. Увы, одной убедительности оказалось ма-

ло: мои учёные коллеги, собственно, и не слушали доводы: изучать эту гадость? И за государственный счёт? Все доводы о том, что, мол, следователи тоже имеют дело не с самыми лучшими людьми, но никому не приходит в голову упрекать их за то, что они общаются с подонками и убийцами; что у венерологов всю жизнь перед глазами не самый приятный материал, что те же проктологи... Ю.А. говорил об уникальности темы, за которую в России ещё никто практически не брался и уж во всяком случае не печатался, что разобраться в этом феномене абсолютно необходимо, потому что нет в языке слов, которые не интересны филологу... Дамы грудью встречали все доводы, которые, как горох, отскакивали от их мощных бюстов.

В общем, мы с Сорокиным потерпели в тот раз поражение. Не буду цитировать мнение Ю.А. о моих коллегах, знания и поведение которых он оценил как раз в терминах, изучение которых показалось им столь предосудительным. Он уехал, а я, в порядке мести, старался писать свою работу как можно убедительнее. И всякий раз, бывая в Москве, заходил в Сектор психолингвистики к Ю.А. и его коллегам, задавал очередные вопросы, зачитывал свои изыскания, советовался насчёт дальнейшей работы. И уходил с новыми идеями, отточенными формулировками, проверенными фактами. Я думаю, нет, я просто знаю, что без помощи Сектора и прежде всего Ю.А. «здесь ничего бы не стояло». Я старше Юрия Александровича, но для меня он прежде всего – Учитель. И Друг.

Вечная ему память.

*Хартмут Шрёдер***НА СМЕРТЬ ЮРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА СОРОКИНА**

С именем Юрия Александровича Сорокина я впервые столкнулся в начале 90-х годов, когда мне в руки попала антология «Текст как явление культуры». Прочитав эту небольшую книжечку, я вдруг почувствовал, что всё как-то стало понятным, наполнилось смыслом и приобрело структуру в области межкультурной коммуникации в общем и в переводе в частности. Эту инновативную идею я решил сделать достоянием международной аудитории. В результате моих усилий появились доклады и публикации на немецком, английском и финском языках, а также кандидатская диссертация в Финляндии, которая наконец позволила мне лично встретиться с Юрием Александровичем. В ноябре 1997 года в финском городе Ювяскюля мы были одновременно руководителями и оппонентами на защите диссертации Наталии Турунен. Таким образом, у нас появилась возможность научного обмена. Эти дни, проведённые с Юрием Александровичем в Финляндии, были для меня временем интенсив-

ного проникновения в его мысли, которое увенчалось тем, что мы записали разговор в форме предметного интервью, в котором речь шла о научной деятельности Юрия Александровича, а также о признании её в России и за рубежом. Это интервью на немецком и английском языках мы опубликовали девять лет спустя к его семидесятилетию юбилею в сборнике, посвящённом теории лакун. Когда мы в этом интервью спросили Юрия Александровича, какие у него научные планы на будущее, он ответил: «Я хотел бы написать ещё несколько статей по библиопсихологии с новой точки зрения, наполнив их новыми мыслями. После чего займусь снова этнической и эко-этнологической конфликтологией и разберу их взаимосвязь, если Господь Бог и судьба отнесутся ко мне благосклонно.»

Многое ему суждено было сделать, но не всё, что в этом неутомимом духе кипело, смогло достичь своего завершения. Юрий Александрович оставил нам в двойственном смысле слова (глубокие) лакуны.

*Hartmut Schröder***ZUM TODE VON JURIJ ALEKSANDROVIC SOROKIN**

Der Name Jurij Aleksandrovic Sorokin ist mir zum ersten Mal Anfang der 90er Jahre begegnet, als ich die Anthologie „Text als Kultur“ in die Hände bekam. Die Lektüre dieses kleinen Büchleins brachte plötzlich Klarheit und Struktur in den Bereich der interkulturellen Kommunikation im Allgemeinen und des Übersetzens im Besonderen. Ich beschloss, diesen innovativen Ansatz einem internationalen Publikum zugänglich zu machen. Es folgten Vorträge und Publikationen in Deutscher, Englischer und Finnischer Sprache sowie die Betreuung einer Doktorarbeit in Finnland, die Jurij Aleksandrovic und mich schließlich zu einer persönlichen Begegnung zusammenführte. Im finnischen Jyväskylä waren wir im November 1997 gemeinsam Gutachter und Opponenten der Verteidigung von Natalija Turunen, so dass wir einige Tage die Möglichkeit hatten, uns wissenschaftlich auszutauschen. Für mich waren diese Tage mit Jurij Aleksandrovic in Finnland eine Zeit des intensiven Zuhörens, die darin gipfelte, dass wir ein Gespräch in Form eines fachlichen

Interviews aufzeichneten, in dem es um das wissenschaftliche Werk von Jurij Aleksandrovic sowie seine russische und internationale Einbettung ging. Dieses Interview haben wir neun Jahre später zum 70. Geburtstag in einem Sammelband zur Lakunen-Theorie in deutscher und englischer Sprache veröffentlicht. Als wir damals in diesem Interview die Frage stellten, welche Zukunftsprojekte sich Jurij Aleksandrovic selber stellte, antwortete er: „Ich möchte ein paar Artikel zur Bibliopsychologie – von einem neuen Standpunkt aus gesehen – schreiben und sie mit neuen Gedanken füllen. Danach greife ich wieder die ethnische und öko-ethnologische Konfliktologie auf und bespreche ihre Wechselbeziehung, wenn der Herrgott und das Schicksal mir gegenüber gnädig sein werden.“

Vieles war ihm noch vergönnt, aber nicht alles, was in diesem wachen Geist vor sich ging, konnte zu Ende gebracht werden. Jurij Aleksandrovic hinterlässt uns im doppelten Sinne (tiefe) Lakunen.

С.В. Власенко

ПСИХОЛИНГВИСТ ПО ПРОИСХОЖДЕНИЮ

Дуэли мысли, гладиолусы и психолингвистика

Нет национальной идентичности у ученого, которого питает Космос. Сорокин – это мир. Сорокин – это Вселенная. Скупой на эмоции в жизни, он позволял себе излиться в поэзии, где эмоциональная гамма порожденных им строк становилась неизмеримой. В его поэзии неповторимые хитросплетения слов, непреодолимое стремление слиться с мыслью Вечности, стать частью Природы – веткой камыша, каплей дождя или снежинкой в снежном вихре, ... летящим по ветру листком, спешащим угнаться за журавлями. Там также борьба беспомощного разума с социумом, с самим собой, с не-пониманием и не-прощением, там жажда бури восторга и стога ненависти, притягивающего, непреодолимая тяга к достойному по интеллекту партнеру-дуэлянту; там тяжбы разномыслия и волны надежды.

*«Крик узнай
мысли перемысли
окривела кривизна
провис
кратчайший путь
канатоходца между точек
промах перепляса точен».*¹

Тексты Сорокина лакунарны во всех возможных смыслах. Приписать значения его словам – дело почти безнадежное: они референтны его психической сущности. Его тексты обращают каждого в себя, помогая вынуть занозу самонеприятия, простить себе недопонимание быстрого полета чужой мысли, выхватить из движения смысловых потоков свой квант. Его тек-

сты бросают в бездну смысловой стихии, вихри которой сшибают ум медленный и питают ум быстрый, наполняют ум емкий. Пределов нет. Штучный, бунтующий, строптивый ум. Конструктор смыслов, исследователь смысловых скважин, заполнитель лакун, он и сам был лакуной. Непрозрачен для многих. Непрозрачен и для себя.

*«Хоть процеди меня
я не стану прозрачнее».*²

Колкий юмор утоплен в бороде. Пронзительная ироничность и порой беспощадность в иронии. Нетерпелив и нетерпим. Терпения всегда хватало на книги, на любимых домашних питомцев – собак – и ... на гладиолусы. Он рассказывал о гладиолусах так, словно находился с ними в постоянном внутреннем диалоге, и рождалось впечатление, будто бы цветы произрастали непосредственно из него. Он терпеливо и внимательно всматривался в раскрывающийся цветок гладиолуса, внимая возвышенной красоте непредсказуемых переходов красочных полутонов на изгибающихся лепестках. Цветы гладиолуса вызывали у него восторг и трепет. Быть может, распускающийся цветок гладиолуса и есть воплощенная душа Психолингвиста?

*«Семьдесят усталостей в душе
густеют цепкие вьюны
им жития повелены
любви и благодати
некстати пылкая приязнь
молитвенное панибратство
рассветными кавернами пестра
голубая цапля зелени
кузнечика усталости сестра».*³

¹ 25 февраля 1976 г. Цит. по: Глеб Арсеньев. Стихи и маргиналии. – Барнаул, Москва: Изд-во Алтайского ун-та, 2003. – С. 40.

Глеб Арсеньев – поэтический псевдоним Ю.А. Сорокина. Здесь и далее по тексту стихи Глеба Арсеньева цитируются в авторской графике и орфографии.

² 7 октября 1979 г. [Там же: 60].

³ «Из угасших стихов» 1975 г. [Арсеньев 2003: 48].

В человеке превыше всего ценил интеллект и ратовал за дуэли мысли, видя в них рост и развитие. Книги проглатывал в надежде встретиться с неизведанными ходами и непредсказуемыми зигзагами интеллектуальных творческих взлетов, переходов и конструкторов. Всегда в поиске мостов и мостиков над скважинами смысла – в каждом слове, каждой фразе, вне конкретного языка, вне конкретных языков вообще.

*«Скаты времени двусмысленно лукавы
неодоленна вещьность бытия
персть духа и придирчивая слава
забыли свое Я».*¹

...Вы ушли...

*«Плац мозга ветшает
застарелы увечья
согреет и ветошь чужая
мой вечер не вечный».*²

Как жаль, что Вы ушли... Вы были частью нашего мира, обогащая его своим самобытным характером, утонченно мягкими и жестко сильными стихами, в которых слышалась бесшумная мудрость Востока.

Спасибо Вам за то, что Вы ни на кого никогда не стремились быть похожим!

Спасибо Вам за Вашу самость!

Как жаль, что Вы ушли...

*«Когда останусь со смертью вдвоем
когда один из нас станет холодным и
белым
попрошусь в мертвом будущем быть
янтарем
и пусть меня море выбросит
на берег».*³

Границы нашего мира сузились: в них теперь недостает лаконичной сдержанности восторга перед многомерностью Слова, могуществом мысли и яркостью надежды. В них тускнеет воспетая Вами бесконечная Вечность и сложная простота чувствования.

Спасибо Вам за то, что Вы учили нас думать быстро, точно и жестко. И стоять по жизни самим, ни на кого не опираясь...

Мои первые шаги по льду психолингвистики проделаны под Вашим острым взором. *«Вы для себя сами и есть лучшая и самая надежная опора, на которую следует рассчитывать»*, – говорили Вы мне хриплым голосом. Плохо скрываемое недовольство человека, которого утомляет общение с незрелыми умами и лоскутными картинками мира. – *Ручка, лист бумаги и взгляд внутрь, в себя, – это Путь творчества. Светлана, за работу!»* Ваши слова и сейчас живут во мне, словно услышаны четверть часа назад, а вовсе не четверть века назад.

Спасибо Вам за то, что Вы нас слушали и слышали!

В памяти ярок Ваш образ – дуэлянта мысли, психолингвиста по происхождению, влюбленного в распускающийся цветок гладиолуса...

Мы будем помнить Вас!

10 октября 2009 года

¹ 10 ноября 1978 г. [Арсеньев 2003: 58].

² 20 февраля 1979 г. [Арсеньев 2003: 60].

³ 8 мая 1985 г. [Арсеньев 2003: 98].

ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ ЮРИЕМ СОРОКИНЫМ

Интервью было записано на пленку 16 ноября 1997 года, расшифровано и переведено на немецкий язык. Текст интервью предоставлен редакции журнала «Вопросы психолингвистики» доктором филологии Игорем Панасюком (ФРГ), готовившим к печати немецкую версию беседы, опубликованную в монографии *Lakunen-Theorie: Ethnopsycholinguistische Aspekte der Sprach- und Kulturforschung. Igor Panasiuk und Hartmut Schröder (Hrsg.). LIT Verlag. Münster-Berlin-Hamburg-London-Wien: 2006.*

Редакция выражает признательность И.Л. Панасюку за подготовку аудиотекста к печати.

Участники: проф. Ю. А. Сорокин, проф. Х. Шрёдер, проф. И. П. Лысакова, д-р. Н. Турунен.

Хартмут Шрёдер: Я попрошу Вас сначала немного рассказать о себе. Чем Вы занимались, где учились?

Юрий Сорокин: Начну с учёбы. Учился я в Московском университете. В нём был – и ещё существует – Институт восточных языков (сейчас – ИСАА), с несколькими отделениями. Я закончил китайское отделение историко-филологического факультета.

Х. Ш.: Значит, Вы знаете еще и китайский язык?

Ю. С.: Как я Вам уже говорил, прилично этот язык знают только китайцы, и то не все. Именно в Институте потихоньку втянулся в науку (до сих пор не пойму, к радости или к печали) и незаметно «оброс» заботами. Первая сфера, которая остаётся всё-таки предпочитаемой, – психолингвистика, и любимое дело в ней – смысловое восприятие текста. Затем я назвал бы национально-культурную специфику речевого поведения – тоже заманчивая тема. В последнее время стал заниматься этнической конфликтологией.

Х. Ш.: Да, поговорим ещё и о конфликтологии. Но вот сейчас я бы хотел

задать ещё один, я думаю, очень важный вопрос. Вы один из так называемых отцов теории лакун. Что означает понятие «лакуна», кто её изобрёл, или как она появилась в русской лингвистической литературе, откуда вообще этот термин «лакуна»?

Ю. С.: Вы знаете, это и достаточно просто, и в тоже время сложно объяснить. Я заинтересовался этнико-ментальными различиями между русскими и китайцами: нужно было как-то противостоять китайской пропаганде. Я тогда работал на радио.

Х. Ш.: На радио? В Москве или где?

Ю. С.: В Москве, в одной из редакций Радиокomiteта, а эта редакция вела пропаганду против Китая. Оттуда и пришла эта идея. Она была бессознательной, хотя я задумывался ещё раньше, в чём тут дело, как можно китайцам противостоять. И тогда я стал присматриваться и к китайским текстам – оригинальным и переводным, – а также к нашим текстам, которые готовились для передачи на Китай.

Х. Ш.: Это были политические тексты или художественные? Или...

Ю. С.: Разные тексты. В основном информационные, хотя иногда делались и художественные передачи, я, слава Богу, их не делал. Их писал один из лучших наших китаистов. Но они его больше не интересуют. Уже давно не интересуют. Он занимается другими делами, которые близки и дороги всем русским – он пьёт. Я его не осуждаю: он талантливый переводчик, и такова, видимо, его судьба. С этими художественными передачами начальство соглашалось со скрипом. Оно считало, что он, наверное, их «сочиняет». А начальству, конечно, виднее. Но, как выяснилось попозже, именно его художественные передачи имели громадный успех в Китае. Их или хвалили, или обещали авторов, которые делают такие передачи, крепко-накрепко запомнить. А в одном из откликов из Китая было сказано следующее: «Когда мы придём на Красную площадь, всех вас (перечисляли поимённо) повесим на фонарных столбах». Начальство ликовало, и он был очень доволен, и в этот же день, сознаюсь, мы вдвоём очень «крупно» выпили. А наутро я начинаю спрашивать себя: «А что он такое сделал? Что он написал? Что так возмутило китайцев?». Оказывается, что он бессознательно использовал приём, на который сразу же реагирует носитель китайского языка и литературы – аллегорический рассказ о политических событиях, издавна используемый в китайской литературе. И тогда-то я стал «разматывать» эту проблему на другом материале, не связанном с Востоком (английские тексты). И сопоставлять «западное» с «восточным», но ничего не получалось, т.е. не устраивали объяснения слишком общего порядка.

Х. Ш.: Когда это было вообще?

Ю. С.: Первые наброски, даже не наброски, а маленькую статью о лакунах я напечатал в 1977 году. Прежние крохотные публикации – не в счёт. Их никто не заметил. Когда появилось это понятие и как оно появилось, сказать не могу. Был вечер, и я почему-то вспомнил, что суще-

ствовали ведь какие-то летописи, какие-то изводы, в которых что-то не понимали, что-то почему-то комментировали. Потом соотнёс «углубление» и «провал» с лат. *Lakuna*. Вышло, что комментируют именно то, что куда-то и непонятно по каким причинам «провалилось». Стоило это сообразить – всё стало на свои места, оставалось лишь объяснить, что это такое, и, основываясь на собранных материалах, выявить типы лакун, существующих в речевом и неречевом поведении.

Х. Ш.: Когда Вы начали на радио работать, Вы уже тогда занимались этими научными вопросами?

Ю. С.: Они меня как раз и погубили. На радио нельзя заниматься ничем, кроме радио, там только один путь – или уйти в радиодело, или уйти из него. Тех, кто оставался, ждал ещё один полу-путь, кое-кто из моих коллег пошёл по нему – они спились. Знаете почему? По очень простой причине. Если работать там и оставаться не совсем глупым и не совсем мерзавцем, приходится осознавать: врётся два раза в день. Минимум два раза в день. От вранья портится настроение, от плохого хочется избавиться, ну а потом привыкаешь к «разрядке».

Х. Ш.: Да, а что потом?

Ю. С.: Потом выпала счастливая случайность. В 1977 году я уже работал в институте.

Х. Ш.: А где? В каком институте?

Ю. С.: В институте языкознания. Леонтьев собирал группу, которая могла бы заняться психолингвистикой.

Х. Ш.: Молодой Леонтьев?

Ю. С.: Молодой Леонтьев, Алексей Алексеевич. Он присматривался к людям и после одного разговора со мной сказал: «Давайте, попробуем. Самое главное, чтобы Вы не оказались не тем человеком, которого я себе представляю». Он понимал, что в сотрудниках важны не только профессиональные качества. Словом,

нужны были, как мы говорим, хорошие люди. Ну, видимо, он меня и зачислил в хорошие. А потом всё и началось. Мы получили полную свободу (Леонтьев, слава Богу, всегда так работал!) заниматься, чем хотим, свободу высказывать идеи и отвечать за них.

Х. Ш.: Вы тогда уже были кандидатом филологических наук?

Ю. С.: Я пришёл, как это ни странно, не кандидатом.

Х. Ш.: Да?

Ю. С.: Вольным стрелком, Вильгельмом Теллем. И когда попал в группу, Леонтьев сказал: «Значит так: тут у нас «высокое» научное окружение, будь любезен быстренько защититься».

Х. Ш.: Защита когда была и о чём?

Ю. С.: Это особая история, и началась она не в Радиокomitee и не в Ленинской библиотеке, где я стал рыться в рубакинском архиве. Началась она в старом доме в Кунцеве. У нас тогда был старый дом, настоящий старый дом, кстати, деревянный, представляете? Двухэтажный, с садом. А там, у деда - он был крупным библиографом - я нашёл старые учебники и журналы, сваленные под лестницей. И среди них – книгу Рубакина 1929 года издания. Потом выяснилось: таких книг, наверное, в Москве, а может быть, тогда в Советском Союзе, оставалось экземпляра четыре. Когда я сказал, что у меня есть свой экземпляр, библиотекари ахнули. Я прочитал эту книгу и очень ею заинтересовался, и когда пришёл в библиотеку работать, то сказал: «Имейте в виду, буду ходить в архив». Они ответили: «Ну и ходи». Знакомился с ним год: читал, читал и читал. И в результате написал диссертацию «Смысловое восприятие текста и библиопсихология».

Х. Ш.: Это когда было?

Ю. С.: Господи благослови, я уже и не помню.

Х. Ш.: В 70-х годах, да?

Ю. С.: Кажется, тогда. А затем начались уже другие песни и другие разговоры, хотя я и продолжал интересоваться рубакинской библиопсихологической теорией. Аспиранты появились. В. П. Белянин, кстати, мой ученик. Он написал очень интересную работу: верифицировал гипотезу Геннекена-Рубакина. Ему, правда, в ней несколько тесно и недобытчиво, он хочет славы, памятника и бессмертия, а мне в ней хорошо. Наверное, оттого, что не хочу памятника. Вот с бессмертием я не знаю, как быть: сложный вопрос.

Х. Ш.: Вы занимались очень серьёзно вопросами перевода, художественного перевода, это когда было?

Ю. С.: Ещё во время учёбы в Институте. К переводам меня подтолкнуло следующее соображение: для совершенствования своей технологии поэтической речи нужно видеть, как она справляется с чужим стихом (например, со старокитайским и новокитайским). Итак, я стал переводить, и почти сразу же возникли некоторые разногласия (назовём их так) с существующими переводческими установками. В частности, с мнением Льва Залмановича Эйдлина, ученика, как он говорил, академика Алексева. К академику-китаисту Алексеву он имел, правда, достаточно отдалённое отношение, во всяком случае, любимым учеником академика Алексева он не был. Когда знаком немного с технологией чужой поэтической речи, когда знаком с ней «изнутри» и видишь, что предложенное на выходе банально (посредственно), начинаешь и злиться, и спорить. Я и злился, и спорил. Лев Залманович видеть меня не мог, а если встречал, то морщился, а если и не встречал - всё равно злился. Всё началось с одной из китаистических конференций в Ленинграде, с первого и последнего моего приезда туда, ибо больше меня не приглашали. Тогда ещё был жив Борис Борисович Вахтин, там-то мы с ним и подружились.

Перед приездом на эту конференцию я застраховался: напечатал тезисы под одним названием, а выступил с докладом, не имеющим отношения к этим тезисам. Основная установка доклада была очень проста: у нас есть переводческая школа, но у неё нет точек опоры, она ничем не может обосновать свой подход, и самое главное (что особенно, как мне сказали, обидело сторонников Л. З. Эйдлина и его самого) – наши переводчики не знают русского языка. И пользуются, в лучшем случае, шаблонизированной поэтической речью – речью для всех. После этого выступления я оказался изгоем, но зато, как уже говорил, познакомился с Борисом Борисовичем Вахтиным, удивительно талантливым человеком, который рискнул выступить в мою защиту.

Х. Ш.: Это когда было?

Ю. С.: В семидесятых годах. Я уже закончил университет, а где работал, не помню: то ли в Радиокomiteе, то ли в Ленинской библиотеке, то ли в Институте. Итак, Вахтин меня поддержал, и мы одно время дружили, если можно так сказать, потому что он был другим человеком, чем я: старше, опытнее, тёртый литературный калач. Я бывал у него дома, мы беседовали, спорили. Он точно понял, против чего я возражал, и в одном из разговоров признался: «Знаете, я тоже грешен, и начну по-иному переводить Мэн Хаожаня». Сделал ли он это – не знаю. Тайно поддерживал меня и Кроль, сказав в кулуарах: «Не обращайтесь внимания на то, что о Вас говорят».

Короче, мне перемывали кости три дня – с утренних до вечерних заседаний. Посчитали необходимым «отметиться» по моему адресу даже те, кто и в литературоведении не числился. Кроль добавил также: «Идите и переводите». Ну, я и ушёл переводить. Потихонечку. Но и за это тоже отругали, но уже в те времена, когда работал в Институте. Нужно было выручать серию избранной зарубежной лирики. Издавалась она «Молодой гвардией». Меня

пригласил туда В. П. Бурич, сказав, что он – один из кураторов этой серии. Потом он оказался и моим куратором, хотя сначала это был другой человек: важный, надутый, завистливый, комплексующий – наверное, потому, что закончил факультет журналистики.

Мне предложили перевести поэзию Ай Цина, очень известного современного китайского литератора. Я это сделал, но, видимо, переусердствовал в передаче сего смысла китайских метаболов, считая, что если разрабатывать теорию перевода и выдвигать постулаты, то их нужно подтверждать соответствующей вербальной фактурой. Лев Залманович Эйдлин не поленился написать рецензию и опубликовать её в журнале «Иностранная литература». Смысл рецензии: он мало в чём смыслит и переводить не может. Университетские преподаватели хвалили переводы и обещали их использовать (в лекциях), ибо Ай Цин стал для них хотя бы «внятным». А я задумался над тем, что такое перевод, не является ли он эфемерным занятием (и результатом), симулякром, существует ли он как таковой. И в результате написал статью – не знаю, будет она опубликована или нет – «Перевод древнекитайской лирики: реальность или фантом?». Думаю, эта лирика – и реальность, и фантом, и неизвестно, чего больше. Я ответил на Ваш вопрос?

Х. Ш.: Да. А Вы тогда уже использовали понятие «лакуна»?

Ю. С.: Да. Я забыл упомянуть, что эта статья появилась позже, когда нам, кандидатам наук, разрешили опекать аспирантов. Раньше это могли делать только доктора наук. Вот тогда Ирина Юрьевна Марковина и поступила в аспирантуру (она приехала из Ярославля). Я сказал: «Ирина Юрьевна, есть вот такая идея, она, должно быть, придётся Вам по душе, Вы же переводчица».

Х. Ш.: Она тоже китаистка?

Ю. С.: Нет, она англистка, и второй её

язык, по-моему, немецкий, дорогой профессор. И я говорю: а что если это посмотреть повнимательнее в работе? И она решила, что тема заманчива. И мы стали обсуждать её.

Х. Ш.: Я хотел бы спросить о Вашем первом определении понятия лакуны... Каким оно было?

Ю. С.: Я процитировал бы дословно первое определение, но я его не помню. Помню только содержательно. Это пробел, пропуск, белое пятно, смысловое зияние. Все они «требуют» комментариев, парафраз, дополнений и компенсаций. Сначала я думал, что лакуны становятся видны лишь в результате контрастного сопоставления. Оказалось, что и внутри родного языка существуют аналогичные феномены. Недаром Вы рассматривали табу и дискурс. Видите, что получается? И в немецком, и в русском языке обнаруживаются семантические зияния, но при сопоставлении они выявляются успешнее. Наверное, Вы согласитесь с этим?

Х. Ш.: Да, я согласен, конечно. Я хотел бы спросить: вот в зарубежной литературе на английском, немецком и разных других языках используется тоже такое понятие, как *gap* или *Lücke* – это перевод его на немецкий. Как Вы считаете, это одно и то же или всё-таки у Вас имеется в этой теории лакун что-то ещё дополнительное?

Ю. С.: Думаю, что в сущности это почти одно и то же. Нам, наверное, удалось более или менее точно определить, что это такое, и «вычертить» классификационную сетку, согласно которой можно распределять лакуны. Иначе сталкиваешься с достаточно разнородным материалом, с которым трудно работать. Это я считаю главным достоинством, её микроэвристичностью. Недаром эту сетку стали использовать и в переводоведении, и в анализе художественной литературы.

А что если человек является лакуной? Тогда и его поведение можно рассматривать под этим углом зрения. И сферу пре-

подавания. Лет 15 назад с нами сотрудничала венгерка – Ж. Ленделл. Она с мужем приехала в Россию. Он хорошо зарабатывал, и у неё было вдоволь свободного времени. И она поступила на психологический факультет. И написала диплом, в котором доказала, что интерес к предмету изучения опосредован личной установкой, начиная с установки на внешность. Она установила, что одежда, причёска, тембр голоса и т.д. и т.п. влияют на восприятие и оценку преподавателя и косвенно на интерес к предмету.

Х. Ш.: Как Вы смотрите на место страноведения в преподавании иностранных языков? И хотелось бы Вас спросить также о том, существует ли специальная классификация лакун. Я не уверен в том, функционирует ли эта классификация. В основном, мне кажется, нет иных лакун, кроме языковых и тех, которые связаны с культурой.

Ю. С.: Можно только так сказать: все «пробелы» - не что иное, как вербальные и невербальные лакуны.

Х. Ш.: А как это вообще возможно? Все как-то связано с языком?

Ю. С.: Вряд ли. На мой взгляд, вербальный язык – только крошечная часть тех средств общения, которые мы используем. Почему не признать, что существуют предметное мышление и предметный язык? Почему бы не задуматься над тем, что, кроме вербальных средств, существуют кинесика и проксемика и что значительный объём информации бессознательно передаётся через эти «каналы». Именно там следует искать то, что можно назвать невербальными лакунами. Вот Вы придумали новый термин, и меня берёт зависть. Представьте себе, что существуют люди, которым интересно знать, как строится имидж. А он строится не только вербальными средствами, и я не знаю, чего больше в этом построении. В любом случае можно предполагать, что вербальные и невербальные лакуны существуют как некоторые микст-образования. Следо-

вательно, для создателей имиджа весьма прогностическими окажутся лакуны в сфере ментальной и нементальной и м и д ж и в и к и. Вы не будете отрицать, что при построении образа человека и при его оценке большое значение имеет обмен взглядами? Тогда выходит, что в имидживу входит и то, что следовало бы называть а й с и м и к о й (от англ. *eye*).

Вас, наверное, смущает тот факт, что И. Ю. Марковина зачастую делает акцент на лакунах вербального характера. Иначе и быть не могло: требовалось, чтобы рассматривался прежде всего языковой (речевой) материал. Кроме того, считалось, что невербальные семантические зияния находятся вне пределов лингвистики. И ещё: классификация будет зависеть от того, какие диады – типологически близкие или типологически далёкие языки, типологически близкие или типологически далёкие культуры – участвуют в сравнении. Оно и продиктует изменения в классификации.

Х. Ш.: Да, конечно, это функционирует, но интерпретация невербальных терминов происходит через язык, всегда посредством языка. Поэтому я думаю, что просто коммуникация только посредством языка – это, в принципе, невозможно. Но когда люди коммуницируют друг с другом, хотя бы невербально, всё-таки язык играет существенную роль.

Ю. С.: Не отрицаю, роль языка существенна. И всё-таки психологические работы свидетельствуют, что многие оценки невербальны: в них «вмонтированы» другие коды. Недаром Н. И. Жинкин, а за ним и И. Н. Горелов столь много внимания уделяли Универсальному Предметному Коду (УПК). Если Вы будете настаивать, что главное – это язык, отвечу апофатически: «Мышление протекает на таком уровне, на котором нет ни вербального, ни невербального». Что есть? Не знаю. Существуют, видимо, какие-то поля, какие-то энергетические поля (на их характер/структуру и намекает синергетика?),

за тайной которых будут гоняться в 21 веке. И строить метафорические модели восприятия и понимания текста, восприятия и понимания человека человеком. Снизится и роль её формализации, ибо её «эвристики» исчерпали себя, хотя никто не возражает, что она полезна.

Х. Ш.: Какая из Ваших публикаций, статей или монографий, связанных с вопросами теории лакун, является самой важной? Что обязательно нужно прочитать?

Ю. С.: Я не стал бы навязывать что-нибудь обязательное: хорошее для меня может показаться другим не совсем удачным. Наталье Турунен я привёз учебник по переводоведению. Не знаю, может быть его и издадут здесь. Но вряд ли. Перечитывая, кое-что поправил. Некоторые статьи уже не нравятся, но я не хочу от них отказываться: от себя, прошлого, нельзя уходить. Забудем об учебнике, поговорим лучше о Ленинграде и о его людях. О Вахтине, например. Немногие, наверное, знают, что он не только переводил старокитайскую поэзию, но и писал прозу. Был и прозаиком и диссидентом, и диссидентствующим учёным. К сожалению, он не дождал до «новой» власти, а если дождал бы – она, может быть, оказалась бы хоть чуточку иной.

И. Л.: А его сын?

Ю. С.: С сыном не знаком. Правда, переписывался с ним некоторое время. Он человек другого поколения.

Х. Ш.: Есть ли у Вас уже переводы текстов о лакунах на иностранные языки?

Ю. С.: Не знаю. Вот Астрид Эртельт-Фит опубликовала мою статью в своём сборнике. Очень «конденсированную», и трудно, наверное, было ей переводить. Она, я заметил, кое-что сократила, потому что некоторые фрагменты оказались «непрозрачными». Меня ругают за то, что я пишу иногда (?) таким образом: единицу записываем, а десять держим в уме. Пишу, как задаю вопросы Вашей студентке.

И. Л.: Она поняла.

Ю. С.: И всё-таки мне говорят: ты пишешь так, что перевести твои статьи нельзя. Правда, Пётр Никитич Денисов утешил: «Прочитал Вашу книгу - «Этническую конфликтологию». Вы знаете, ну просится она, чтобы её перевели, и причём на английский. Очень хорошо ляжет». Видите, какие оценки.

Х. Ш.: Вы упомянули свою работу «Этническая конфликтология». Это Ваша, вроде, новая область, и она всё-таки, мне кажется, тесно связана с теорией лакун, не так ли?

Ю. С.: Связана? Наверное. Я понимал: существуют этнические (лингвокультурные) противостояния. От них никуда не денешься. Писали об этих противостояниях многие: Виндельбанд, Шпенглер, Данилевский, Леонтьев, Тойнби, Л. Гумилёв. И не только они. В недавно вышедшей «Антологии исследований культуры» (СПб, 1997 г., т.1) – веер мнений: и Ф. Боаса, и Л. А. Уайта, и А. Л. Крёбера, и Р. Бенедикт, и Б. Малиновского, и Р. Л. Карнейро, и А. Р. Радклиф-Брауна.

Наши, российские работы, связанные с культурой, читать не могу. Удручает отсутствие каких-либо солидных теоретических схем. Но если мы их не имеем, двигаться дальше нельзя. Поэтому в своей книге я попытался обсудить нечто дедуктивно-индуктивное, но пригодное для будущих исследований в сфере этнолингвокультурологии. В ней я использовал цепочку метафор, полагая, что они в ряде случаев оказываются более эвристическими, чем точные определения. И, может быть, кое-где попал в цель, а если нет – меня легко поправить, предложив другую метафору. Подталкивало ещё и другое: разобраться в некоторых проблемах без помощи радио и телевидения. Поэтому вслед за «Этнической конфликтологией» я написал статью о том, на какие составляющие можно разложить этноконфликты внутри России: участники, этапы, субстратный слой, в котором развиваются

конфликты. Ими интересуются не только в Москве, а, например, в Барнауле. Там оказалась кафедра конфликтологии. Я настолько удивился, что решил на неё зайти. На меня посмотрели неприветливо, а когда я сказал, что из Москвы и интересуюсь «конфликтами» не потому, что из Москвы, а ради интереса, сотрудники удивились и подарили свою книгу – очень толковую, причём рассчитанную на студентов и аспирантов. Поговорили, и выяснилось, что делаем, кажется, нужное дело. Конечно, западные приёмы и методики не переносятся напрямую, следует выбирать и отбирать, приспособлять теорию к ситуации в России. В «Этнической конфликтологии» я написал и о современной художественной литературе: она очень показательна. Кстати, от моих прогнозов – жёстких и неутешительных – отказывался каждый издатель, который соглашался взглянуть на них, а прогнозы-то оправдались. В них я попытался ответить на вопрос: «Что мы будем читать?» Помню, указал даже в примечании год написания этого микрораздела.

И. Л.: Что же в этом разделе?

Ю. С.: В нём рассматриваются возможные конфликтующие слои: личностные – между литераторами, между установками классической и «новой» художественной словесности, а также конфессиональной литературы и литературы о сексе и насилии, власти и деньгах. Я угадал, что будут восхвалять нуворишей и их «красивую жизнь». Снимать кино- и телефильмы о «среднем классе». Вспомните, как обаятелен А. Абдулов в таких фильмах. А? А фильмы интереснейшие, но фильмы-то «по заказу». Своего рода отдушины и оправдания «новых русских». Удачный получился микрораздел, прямо хочется себя погладить.

Х. Ш.: Да, ещё такой тактический вопрос. Я думаю, в области науки это, конечно, всё очень интересно и важно, это теория, и ею можно объяснять разные проблемы, связанные с вопросами пере-

вода, можно даже использовать её сейчас в изучении истоков конфликтов. Вы думали уже, как это использовать в преподавании? Например, в преподавании иностранных языков или вообще в школе или в университете. На Западе, Вы уже знаете, есть специальные курсы о межкультурной коммуникации, межкультурной компетенции и т.д. Теория лакун могла бы быть хорошей основой для этого, не так ли?

Ю. С.: Боюсь это утверждать, но я надеюсь, что теорию лакун можно использовать в этих целях. Правда, не в России: у нас нет ни желания, ни сил. Решаются другие проблемы.

Х. Ш.: Стало ли это уже в России предметом разговоров?

Ю. С.: К сожалению, это только предмет для разговоров!

И. Л.: Мне кажется, это не совсем точно, потому что всё-таки в научный оборот понятие *лакуны* вошло, и не может быть ни одного серьёзного исследования без работ с этим понятием.

Ю. С.: Если вошло, нужно ждать, что оно будет осмыслено и принесёт какую-то пользу. Но я не преподаватель (прагматик), и плохо понимаю, как это нужно сделать. Что-то, может быть, и получится.

И. Л.: Что-нибудь должно получиться.

Ю. С.: Тогда, слава Богу! А что касается использования конфликтологии в этой сфере, то она будет очень специфической. Но какой – не знаю. Может быть, в духе будущих изменений, обсуждаемых А. Тоффлером. Болевые точки явны: взаимоотношения мужчин и женщин, родителей и детей, виртуальные миры и их прессинг, «театрализация» жизни вкупе с потреблением как смыслом существования. Сейчас у нас тоже хотят неумеренно потреблять. Всё что угодно.

И. Л.: Эти отношения тоже могут быть этническими или нет?

Ю. С.: Скорее - интраэтническими. Заниматься ими заманчиво: они указывают на глубинные установки, обуславливающие то или иное «внешнее» поведение.

И. Л.: Вот, минуточку! Этология связана с этикой?

Ю. С.: Нет.

И. Л.: А что это?

Ю. С.: Этология – не что иное, как «поступочная» конфликтология. Нет, так говорить негоже: корявая стилистика. А конфликтология поступков – вряд ли понятно.

И. Л.: Это поведенческая конфликтология.

Ю. С.: И всё-таки «поступочная» конфликтология или, если угодно, этологическая конфликтология. Я не разделяю точку зрения, согласно которой между поведением человека и поведением животных существует пропасть. Короче говоря, нам нужны и милые зверюшки с их «привычками», позволяющими идти на риск метафорических переносов в область человеческого и слишком человеческого.

Х. Ш.: Хорошо. Ещё в конце один вопрос. Ваши научные планы на будущее? Какие проекты ещё будут и как они связаны с вопросами лакун?

Ю. С.: Хотел бы написать несколько статей: о библиопсихологии по-новому, с иной точки зрения и кое-какими новыми мыслями, затем вернуться к этнической и эколого-этологической конфликтологии и обсудить – если судьба и Бог будут к нам милостивы – их взаимосвязи.

16 ноября 1997 г., Ювяскюле,
Финляндия

ОСНОВЫ ЛАКУНОЛОГИИ:

главы задуманной книги

Монография задумана тремя авторами (Ю.А. Сорокиным, И.Ю. Марковиной и И.Л. Панасюком) как продолжение Введения в лакунологию (И.Ю. Марковина, Ю.А. Сорокин. Культура и текст. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2008) и имеет три части: теоретическую и две прикладные, рассматривающие применение модели лакун для построения современной этнопсихолингвистической теории межкультурного общения и для исследования проблем перевода. Планировалось, что все авторы будут участвовать в написании всех трех частей книги. Так получилось, что в данной рубрике журнала мы представляем три фрагмента из разных частей книги по теории лакун, написанные разными авторами. Глава Игоря Панасюка публикуется по-английски, так как с самого начала нам

хотелось выпустить монографию на двух языках. И русские, и английский тексты носят характер набросков к новой книге. Вот только не у всех членов авторского коллектива будет возможность внести свою правку в окончательный текст...

Глава, написанная Юрием Александровичем, посвящена важному для нас и всегда интересовавшему Ю.А. терминологическому вопросу: соотносимости/ несоотносимости ряда понятий, правомерности/неправомерности использования других, взаимодополняемости третьих. Глава из второй части представляет собой попытку рассмотреть полученные при создании теории данные через призму других наук. Третий фрагмент является введением к этнопсихолингвистическому рассмотрению явления перевода.

ЧАСТЬ I.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЛАКУНОЛОГИИ

УДК 81'23, 81:001.4

Ю.А. Сорокин

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ, ЛАКУНОЛОГИЯ, СОМАТОЛОГИЯ И ИХ АПРИОРНАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ (ПОПЫТКА РАСШИРЕНИЯ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА)

В главе рассматривается современное состояние терминологического аппарата, применяемого для изучения проблем лингвокультурологии, лакунологии и соматологии. Критический анализ ряда терминов сопровождается предложением новых, более удачных, с точки зрения автора. Особое место отводится уточнению понятия «культура» и обоснованию целесообразности применения терминов «культуральные аттракторы» и «культуральные осцилляторы», «этноинтрузивность», «этноинвазивность». Обосновывается возможность составления «соматологических»/ «доксаграфических» грамматик. По мнению автора, использование в рамках вышеперечисленных исследовательских направлений понятия «концепт» представляется неэффективным.

Ключевые слова: лингвокультурология, соматология, лакунология, культура, концепт

Прежде всего, укажу на работы некоторых авторов, в которых рассматриваются те или иные проблемы, имеющие прямое или косвенное отношение и к лингвокультурологии, и к лакунологии, и к соматологии – Красных 2002; Гудков 2003; Быкова 1999; Лакуны в языке и речи 2003; Вопросы психолингвистики, 2006; Lakunen-Theorie 2006; Романов, Сорокин 2004; Журавлев, Никитина, Сорокин, Рут, Тхостов 2005. Имея эти работы в виду и отсылая к ним интересующихся, попробую обсудить возможность использования новых понятий, небесполезных, на мой взгляд, для тех, кто занимается исследованиями в рамках этой триады или на том или ином диадическом стыке.

Пункт первый: лингвокультурология. Принято считать, что основной целью лингвокультурологии является фиксация / знаковое опредмечивание тем или иным языком антропогенного / неотприродного ландшафта / рельефа (в самом широком понимании этих слов). Такая точка зрения вполне удобна, ибо позволяет сосредоточиться «на подсчете» и группировке языковых / речевых единиц, в которых «находят» те или иные культуральные ценности / «видят» те или иные культуральные метки. Ей можно и, очевидно, нужно противопоставить и другой подход: считать термин лингвокультурология слишком узким и противопоставить ему другой термин, а именно **лингвокультурософия** или, что еще, на мой взгляд, лучше **семиокультурософия**. Оправдать использование этих двух терминов можно, по-моему, тем, что если лингвокультурология антропоцентрична, то лингвокультурософия / семиокультурософия антропофилична, ориентируя (в противовес лингвокультурологии) не на вещи, а на предметы, точнее говоря, на образы этих предметов, являющиеся «сгустками» рефлексии. Они, по словам М. Мамардашвили, и есть «... некий первичный фонд или фонд, к которому мы можем выходить лишь путем аналитического употребления термина “сознание”. Это некое пространство или

тигель человечества, в котором совершаются какие-то события, по отношению к которым реальные эмпирические социальные и культурные структуры являются лишь конкретизациями, вариациями, знаковыми культурными образованиями и т.д. < ... > ... мы должны говорить о сознании в том случае, если неотмыслимые от него явления есть реальные объективные и несводимые события в мире. То есть такие, которые мы действительно можем отличить (согласно лейбницеvскому принципу неразличимого) и которые не являются калькой, дубликатом каких-либо других, физических. Например, сознательные явления... явно отличаются тем, что они индивидуируют себя... Они, во-первых, индивидуируют себя – индивид есть единственная данная бесконечность – и во-вторых, экранируют себя» [Мамардашвили 1996: 224-225].

Фиксирует ли лингвокультурология «несводимые события» и «фиксирует себя» - вопрос спорный, но, по-видимому, ей, прежде всего, важны знаковые тела, «обволакивающие» вещи, и языковые / речевые экраны и даже смыслы как **представления о намерениях**. Если для лингвокультурологии «язык – это обычай, гигантский... обычай влиять на определенные вещи» [Келлер 1997: 96], то для лингвокультурософии / семиокультурософии «...язык – ненамеренное коллективное следствие ненамеренных действий индивидуумов» [Он же: 109], хотя, вопреки Р. Келлеру, я считаю, что и естественные языки и «языки» вторичных знаковых систем являются феноменами симбиотического вида – и естественными феноменами, и артефактами третьего порядка. Ср. с точкой зрения Р. Келлера: «Я называю вещи, которые являются результатами действий людей, но не целью их намерений, “феноменами третьего вида” < ... > Феномены третьего вида – это, конечно, те самые фергюсоновские «учреждения», которые являются результатом действий человека, но не выполнением его воли». Что я хотел бы утверждать? Во-первых,

что естественные языки являются феноменами третьего вида, а не естественными феноменами и не артефактами. Вторых, я хотел бы утверждать, что рассмотрение языка как феномена третьего вида позволяет сделать как раз то, чего страстно желали лингвисты XIX века, но что и поныне остается пределом мечтаний: дать понятие языка, отвечающее его постоянному изменению» [Келлер 1997: 115-116].

Примечание: Согласно Р. Келлеру, результаты человеческой деятельности следует подразделять на артефакты и феномены третьего вида [Он же: 115]. Но основания для такого разделения все-таки остаются не очень четкими, так как основой появления артефакта является **менте-факт / план-образ**, по схеме которого тот или иной артефакт и конструируется. Действия / поступки также подчиняются этому правилу, ибо всякое действие направляется и управляется намерением / мотивом / интенцией. Иными словами, если феномены третьего вида / порядка телеонимичны, то не в меньшей степени они и **каузаномичны** / полипричинны.

Показательно и скептическое отношение Р. Келлера к понятию *мема* Р. Докинса: «В книге “Эгоистический ген” он далеко зашел в аналогиях между биологической и культурной эволюцией и с этой целью изобрел даже новое (может быть, понимаемое не вполне серьезно) соответствие для гена в области культуры – мему. < ... > Мемы – это, так сказать, единицы памяти, величина которых как раз такова, что они “блоками” могут переноситься из одной памяти в другую. < ... > Как и гены, некоторые мемы тоже собираются в совместимые мемокомплексы, чтобы повысить выживаемость или заразительность. < ... > Мемы конкурируют друг с другом. < ... > Слова и формы Макса Мюллера, которые борются за существование, и мемы Ричарда Докинса, конкурирующие за более высокую частотность в мемофонде, имеют одну общую черту: и те, и другие стилизованы под действующие

лица» [Келлер 1997: 258-259]. И в развитие идей Р. Докинса Р. Келлер добавляет: «По аналогии с генофондом – множеством генов совокупной популяции – мы могли бы представить себе языковой мемофонд. Это было бы множество всех языковых мем языкового сообщества, то есть всех языковых единиц, значимость которых как раз достаточна для того, чтобы попасть из одной индивидуальной компетенции в другую» [Он же: 259].

Примечание в примечании: Понятие мемофонда как динамической суммы вопросов и ответов на воздействие среды / на контактное и дистантное воздействие ГЕО-БИО и ХОМОЛАНДШАФТОВ аналогично, по-видимому, понятию МНЕМАТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА/ АНСАМБЛЯ Н.А. Рубакина (1929 г.). Но он полагал, что не лексемы / не мнемомкомплексы «...стилизованы под действующие лица», а мнематические ансамбли стилизуют действующих лиц.

Предположение Р. Докинса весьма заманчиво, но оно сразу же заставляет задать вопрос: «А все-таки ЧТО же есть культура?»

В самом общем виде культуру можно определить как адаптивно-адаптирующий «механизм» (Э. Маркарян; но, по-видимому, этот «механизм» не только адаптирующий, но и адаптирующийся к хомоландшафтам). Культура есть природная-неотприродная инфраструктура (симбиоз природы творящей и природы сотворенной), существующая в виде ПРЕДМЕТНО-ВЕЩЕСТВЕННЫХ и СЕМИОТИЧЕСКИХ комплексов, хотя, например, Э. Сепир вряд ли согласился бы с такой точкой зрения, полагая, что «внутреннее содержание всех языков одно и то же – интуитивное знание опыта. Только внешняя их форма разнообразна до бесконечности, ибо эта форма, которую мы называем морфологией языка, не что иное, как коллективное искусство мышления... < ... > Культуру можно определить, как то, что данное общество делает и думает. Язык же есть то, как ду-

мают» [Сепир 1993: 193]. (Обзор существующих точек зрения на это понятие см.: [Донец 2001; Степанов 1997; Философия культуры 1998]).

И все-таки можно предположить, что МЕМЫ / МНЕМЫ суть составляющие этой природно-неотприродной инфраструктуры, причем они фрактальны, или, иными словами, самоподобны, процессуальны, объективно-субъективны, «... изменяются в пределах от строгой регулярности до хаоса» [Степанов 2004: 191]. Ср. также: «...обозначим в качестве основания экстраполяции (экстраполяции понятия фрактал на текстовую деятельность – Ю.С.) понимание Б. Мальдебротом фракталов как нерегулярных, но самоподобных структур, для которых свойственно бесконечное дробление и подобие мельчайших частиц целому (части лишь в каком-то смысле подобны целому)» [Старолетов 2005: 175].

Видимо, именно фрактальность МЕМ и МНЕМ как составляющих природной и неприродной среды и позволяет языкам (языки суть диахронно-синхронические мемы?) и культурам существовать в качестве специфических, отличающихся друг от друга семиотических и вещно-предметных конфигураций. Мы интуитивно улавливаем их свойства и качества, называя эти конфигурации «жаркими» или «холодными» культурами, хотя в большинстве своем культуры, по видимому, «МЕЗОТЕМПЕРАТУРНЫ» (очевидно, таковы ЛИНГВОСФЕРЫ и СЕМИОСФЕРЫ, с которыми и внутри которых мы живем). На мой взгляд, «жаркие» и «холодные» культуры оправданнее было бы называть эктогенетическими и антигаптическими культурами. Культуры первого рода можно считать гаптическими, вторые – антигаптическими. Эктогенетические / гаптические культуры ЭТНОАНИЗОТРОПНЫ (ибо этнос есть не что иное, как мнемическое образование), т.е. зависимы от направления развития среды – своей и чужой, автогенетические / антигаптические

культуры ЭТНОИЗОТРОПНЫ, т.е. независимы от направления развития среды (от ее энтелехии). (См. в связи с этим: [Голд 1990]).

В культурах первого рода мощнее **культуральные аттракторы** (в них высок порог устойчивости и труднее находимы «точки бифуркации» (см. в связи с этим: [Пригожин, Стенгерс 2001: 147-156]), во-вторых – мощнее **культуральные осцилляторы**. Их можно также противопоставить и по другому признаку: эктогенетические культуры ЭТНОИНВАЗИВНЫ, автогенетические – ЭТНОИНТРУЗИВНЫ, и, следовательно, полагать, что существуют ИНВАЗИВНАЯ и ИНТРУЗИВНАЯ ментальность (инвазивное и интрузивное умо- и миропологание).

Пункт второй: лакунология. Исходя из вышеизложенных соображений можно, в свою очередь, утверждать, что те или иные лингвокультурософические / семиокультурософические общности неизбежно противопоставлены друг другу как «суммы» таких составляющих, которые прозрачны / узуальны в одной общности и непрозрачны / неузуальны в другой. Целью лакунологических исследований является фиксация и истолкование такого рода непрозрачностей как в рамках одной общности (*интра*лингвокультурософические / интрасемиокультурософические исследования), так и при сопоставлении ее с другой (*интер*лингвокультурософические / интерсемиокультурософические исследования).

На мой взгляд, лакунология является частью ДОКСОГРАФИИ / ДОКСОЛОГИИ, которую целесообразно разделить на синхроническую (СИНДОКСОГРАФИЯ / СИНДОКСОЛОГИЯ) и диахроническую (ДИАДОКСОГРАФИЯ / ДИАДОКСОЛОГИЯ). Целесообразен такой же подход и к лакунологии. В свою очередь, доксография / доксология (но и лакунология тоже) может быть вербальной и невербальной.

Выявление непрозрачных лакунологических отдельных частей позволяет создавать

соответствующие словари (о первой попытке такого рода см. [Быкова, Фраер 2006], в которых словарные статьи выглядят как синтагматические цепочки, как амплификаторы (версии / варианты) той или иной непрозрачной отдельности. Неизбежно, по-видимому, и появление лакунографических грамматик, чьими облигаторными «единицами» можно считать конкретные вербальные и невербальные образы воспринимаемого (вербальные и невербальные **перцептивы**), а также вербальные и невербальные образы ситуаций (вербальные и невербальные **менталитивы** как образы сущего и должного). И перцептивы, и менталитивы столь же эндореферентны, сколь и экзореферентны.

Пункт третий, но связанный с пунктом вторым: соматология. Она также является частью доксологии / доксографии. И может быть ориентирована и на синхронические исследования (СИНСОМАТОЛОГИЯ), и на диахронические исследования (ДИАСОМАТОЛОГИЯ). В рамках соматологии рассматривается человеческое тело как специфическая карта, которая прочитывается и оценивается, исходя из предсознательных / бессознательных допущений о приемлемом / аттрактивном или неприемлемом / неаттрактивном образе представителя той или иной лингвокультурософической / семиокультурософической общности. Естественно, что эти предсознательные / бессознательные допущения могут фиксироваться и внутри какой-либо общности (ИНТРАСОМАТОЛОГИЯ), и при сравнении их с бессознательными / предсознательными допущениями, существующими в другой общности. Целью соматологии является составление портретов представителей той или иной общности и сопоставление / сличение их с портретами представителей какой-либо другой общности, что позволяет устанавливать причины положительного, нейтрального или отрицательного отношения людей друг к другу.

На мой взгляд, самое непосредственное отношение к соматологии имеют такие

«...наиболее крупные частные науки, из которых складывается невербальная семиотика...» [Крейдлин 2002: 22], как кинесика, окулесика (на мой взгляд удобнее / удачнее был бы другой термин – АЙ-СИВИКА), аускультация, гаптика, гастика, ольфакция и проксемика [Он же: 2002]. Но самой важной для соматологии является ИМАДЖИВИКА (в узком смысле – ВИЗАЖИСТИКА) – ментальная и фактуальная, – или говоря иначе, «технология» составления реальных / фактических и прогностических портретов. Несомненно, что лакуны могут быть зафиксированы на любом уровне невербального общения, начиная с кинесического и окулесического и кончая ольфакционным и проксемическим» (неизбежны, по-видимому, и имадживистические, и визажистические лакуны).

Если допустимость использования в рамках соматологии понятий коллокация и коллигация остается неясной (СОМАТОЛОГИЧЕСКАЯ КОЛЛОКАЦИЯ и СОМАТОЛОГИЧЕСКАЯ КОЛЛИГАЦИЯ? СОМАКОЛЛОКАЦИЯ и СОМАКОЛЛИГАЦИЯ?), то вряд ли можно сомневаться в возможности составления соматологических словарей и тезаурусов (неизбежно лакунизированных), а шире – ДОКСАГРАФИЧЕСКИХ / ДОКСАЛОГИЧЕСКИХ словарей и тезаурусов, а также соматологических / доксаграфических грамматик, чьи разделы вряд ли окажутся идентичными с разделами канонических грамматик.

И в заключение одно, может быть спорное, но существенное замечание: в рамках вышеперечисленных исследовательских направлений использование понятия КОНЦЕПТА неэффективно и в силу этого неправомерно. **Концепт** есть не что иное, как результат / сумма предельно рациональных усилий (веера рационализаций). Если это не так и в нем находят нечто НЕ ОТ ИНТЕЛЛЕКТА, то тогда это не концепт. **Докса** противопоставлена интеллекту: она дочь разума и чувства.

Список литературы

1. *Быкова Г.В.* Феноменология лексической лакунарности русского языка. Благовещенск, 1999. – 170 с.
2. *Быкова Г.В., Фраер В.Л.* Лакуны русского языка. Благовещенск, 2006, вып.1.
3. Вопросы психолингвистики, 2006, №3.
4. *Голд Дж.* Основы поведенческой географии. М., 1990. – 304 с.
5. *Гудков Д. Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003. – 288 с.
6. *Донец П.Н.* Основы общей теории межкультурной коммуникации: научный статус, понятийный аппарат, языковой и неязыковой аспекты, вопросы этики и дидактики. Харьков, 2001. – 386 с.
7. *Журавлев И.В., Никитина Е.С., Сорокин Ю.А., Реут Д.В., Тхостов А.Ш.* Психосемиотика телесности. М., 2005. – 152 с.
8. *Келлер Р.* Языковые изменения. О невидимой руке в языке. Самара, 1997. – 307 с.
9. *Красных В.В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М., 2002. – 284 с.
10. *Крейдлин Г.Е.* Невербальная семиотика. М., 2002. – 592 с.
11. *Лакуны в языке и речи.* Благовещенск, 2003. – 257 с.
12. *Мамардашвили М.К.* Необходимость себя. М., 1996. – 355 с.
13. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. М., 2001. – 432 с.
14. *Романов А.А., Сорокин Ю.А.* Соматикон: аспекты невербальной семиотики. М., 2004. – 253 с.
15. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. – 656 с.
16. *Старолетов М.Г.* Методика фрактального анализа текста // Языковое бытие человека и этноса. Психолингвистические и когнитивные аспекты. М., 2005, вып.9.
17. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. М., 1997. – 824 с.
18. *Степанов Ю.С.* Протей. Очерки хаотической эволюции. М., 2004. – 224 с.
19. *Философия культуры.* Становление и развитие. СПб., 1998. – 448 с.
20. *Lakunen-Theorie: Ethnopsycholinguistische Aspekte der Sprach- und Kulturforschung.* Igor Panasiuk und Hartmut Schröder (Hrsg.). LIT Verlag. Münster-Berlin-Hamburg-London-Wien: 2006. – 352 S.

ЧАСТЬ II.

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛАКУНОЛОГИИ. ТЕОРИЯ ЛАКУН В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОБЛЕМ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ

И.Ю. Марковина

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ЛАКУНИЗАЦИИ

Глава из будущей книги «Основы лакунологии» представляет собой попытку рассмотреть этнопсихолингвистический феномен лакунизации с позиций других наук, в первую очередь, культурологии и социальной психологии. Исследуются психологические механизмы, лежащие в основе явления культурологической лакунизации. На основе экспериментальных данных характеризуется проблема элиминирования культурологических лакун.

Ключевые слова: теория лакун, культура, культурологическая лакунизация, элиминирование.

В процессе межкультурного общения (непосредственного или опосредованного, текстового), независимо от целей взаимодействия, коммуниканты, как правило, знакомятся с «чужой» культурой, получают информацию о ее специфике. Необходимость взаимодействовать с психологически и культурологически новой/иной реальностью вступает в противоречие с возможностями восприятия, «приёма» специфической (неавтохтонной) информации инокультурным участником коммуникации. Лакунизированный характер информации, отражающий неконгруэнтность двух образов мира, затрудняет деятельность, направленную на понимание «чужой» культуры. Трудности понимания во многом обусловлены психологическими проблемами: получение новых знаний, постижение «чужого» требует серьезных психических и интеллектуальных усилий по осмыслению различий, проявляющихся в условиях межкультурного диалога.

«Своя» культура обеспечивает субъектов коммуникации внутри социума общ-

ностью миропонимания, готовыми поведенческими и когнитивными схемами, благодаря которым оказывается возможным взаимопонимание, а следовательно, и совместная деятельность членов социума [см.: Лурье 1997: 160; Тарасов 1996]. Взаимодействие в межкультурной ситуации требует осознанного усвоения «чужих» схем, что неизбежно означает привлечение дополнительных психических ресурсов. Участники межкультурного взаимодействия вынуждены использовать резервы психики, затрачивать дополнительные усилия на выработку индивидуальных поведенческих (в широком смысле) решений, от принятия которых они освобождены, находясь в автохтонном социуме благодаря, в частности, регулятивной функции культуры [Стефаненко 1999: 175, 185-186; Асмолов 1990: 271-272].

Межкультурное общение носит «патологический» характер [Тарасов 1996], создает условия для сбоя в социотипическом поведении [Асмолов 1990: 102, Сте-

фаненко 1999: 175], когда неэффективными для выработки собственных стратегий поведения или ошибочными для прогнозирования и оценки поведения других (напр., *ложная атрибуция* и др. См. подр.: [Стефаненко 1999: 174]) оказываются усвоенные в процессе социализации в «своей» культуре наборы типовых программ регуляции поведения в стандартных (для той или иной общности) ситуациях.

В условиях межкультурного общения психическая деятельность индивида вместо автоматизированного приобретает «затратный» характер: на осознаваемый уровень выводятся действия, которые «в норме» осуществляются неосознанно, что, как правило, придает существованию в чужой культуре в той или иной степени дискомфортный характер, создает угрозу психическому здоровью человека [Кочетков 2002: 300; Лебедева 1999: 193; Марковина 1996]. В новой культурной реальности (культура по Л.С. Выготскому – это способ освоения социальных знаков) человек оказывается дезориентированным во «множестве символов социального окружения» (см. подр.: [Кочетков 2002: 300-301]), утрачивает способность автоматически прогнозировать вербальное и невербальное поведение партнера по коммуникации в ситуациях повседневной жизни. Кроме этого, в соответствии с социально-психологическими механизмами межгруппового восприятия (*этноцентризм, групповой фаворитизм* и др.) [Поршнев 1973; Кон 1983; Стефаненко 1999: 236-238], «своя» культура выступает в качестве некоего стандарта сравнения, эталона или «оптимума», в силу чего «свое» (это могут быть любые элементы автохтонной культуры: традиции, обычаи, нормы, роли, ценности, знания и др.) воспринимается как «естественное» и «правильное», «универсальное/ общечеловеческое», а элементы других культур оказываются на противоположном конце оппозиции как «неестественные» и «неправильные» [Поршнев 1973; Кон 1983; Стефаненко 1999: 236-238].

Причиной *стрессогенности* столкновения с реальностью новой культуры, является необходимость существовать и взаимодействовать с людьми, обладающими иными знаниями и иным пониманием мира, действующими по иной «аксиологически ориентированной технологии» (термин В.Н. Сагатовского), что свидетельствует об *относительности* (т.е. не универсальности) «своего» как «нормального», «правильного», «естественного», «необходимого» [Марковина 2004: 59; Байрам 1996: 6; Кочетков 2002: 301; Лебедева 1999: 175-181]. Иными словами, «чужое» необходимо принять в качестве еще одной *нормы*, имеющей равные права на существование с нормами «своей» культуры. По мнению ряда специалистов, не столько столкновение с «новым/чужим», а именно нехватка «своего» как привычного, естественного и необходимого и нежелание или невозможность (психологическая неготовность, психологическая ригидность) признать право «чужого» быть *нормой* «для других» является причиной тяжелого психологического стресса, соотносимого с состоянием «культурного шока» [Adler 1975; Вуган 1996; Кочетков 2002: 301; Лебедева 1999: 175-181; Марковина 1996; Сорокин 1991; Стефаненко 1999: 281-290].

С психологической точки зрения попытка пройти «социализацию третьей степени» [Байрам 1996], приобщиться к «другому большинству» (по аналогии с положением Л.С. Выготского о первичной и вторичной социализации), принять и усвоить новые ценности, установки, модели поведения, имеет двойственный эффект. С одной стороны, это требует преодоления «напряжения усилия адаптации», являющегося результатом, как мы уже отмечали, переживания чувства потери и лишения, отверженности («психологической изоляции»), а также неспособности ориентироваться в ролевых ожиданиях и др., приводящих к проблемам с самоидентификацией и ощущению неполно-

ценности, что сопровождается целым спектром негативных проявлений в отношении «чужой» культуры и ее носителей: от тревоги до отвращения и негодования [Кочетков 2002: 3000-304; Лебедева 1999: 175-181; Марковина 1996; Adler 1975]. При таких состояниях неизбежны в той или иной степени значительные затраты психологических, интеллектуальных и даже физических усилий. С другой стороны, готовность затратить усилия, желание принять новые ценности, установки, модели поведения и, как следствие, включить в «свою» картину мира новые составляющие – есть не что иное, как возможность развития, обогащения личности, приобретения новых качеств, выявление скрытых интеллектуальных и психологических потенциалов участников межкультурного общения [Леонтьев 1996; Марковина 1996; Вугам 1996; Кочетков 2002: 308]. Именно таким представляется наиболее эффективный путь к достижению взаимопонимания в межкультурном диалоге.

Не случайно, в современных кросс-культурных методических концепциях обучение иностранным языкам рассматривается как *обучение общению*. Обучение *использованию* иностранного языка в целях достижения *взаимопонимания* в межкультурном общении подразумевает обучение *культуре* [Леонтьев 1996; Марковина 2007; Тарасов 1996; Халеева 1989; Вугам 1996]. Особое внимание в этих подходах уделяется психологическим проблемам сосуществования и взаимодействия двух образов мира [Вугам 1996; Шейман, Варич 1976; Markovina 2007]. Одной из наиболее сложных, на наш взгляд, задач межкультурного обучения является формирование психологической готовности признать и принять *относительность* собственной культуры как оптимального понимания мира, а также психологическая готовность к усвоению еще одной «нормы жизни». При подходе к изучению языка как способа изучить иную культуру, иной образа мира, про-

цесс взаимодействия с «чужим» приобретает для субъекта обучения креативный характер, становится вызовом самому себе, возможностью открыть в себе новое, развить себя как личность [Леонтьев 1996; Вугам 1996; Марковина 1996].

С этнопсихолингвистических позиций в процессе межкультурного общения, рассматриваемого нами как «оппозитивный диалог сознаний» (определение Ю.А. Сорокина), осуществляется аксиологическая категоризация семиотической массы «чужой» культуры. Инструментом такой категоризации служит культурная константа (постоянный принцип культуры) «свой-чужой» [Степанов 2001: 84–85]. То, что не совпадает, различается в двух культурах (т.е. в двух образах мира, в двух национальных сознаниях), воспринимается как *странное, чужое/чуждое, неестественное, неправильное* и, как следствие, является причиной непонимания, т.е. делает межкультурное взаимодействие трудным и неэффективным. Элементы вербального и невербального аспектов «чужой» культуры, вызывающие реакцию недооценки, неприятия, несогласия, непонимания, обозначаются в этнопсихолингвистике термином *лакуна*, точнее, *культурологическая лакуна* [Сорокин, Марковина, 1987; Текст как явление культуры 1989; Марковина 2006].

Основные оппозиционные признаки лакун фиксируют отличия «своего» от «чужого» в восприятии психологически и культурологически иного мира: естественное – *чуждое*, привычное – *экзотичное*, знакомое – *незнакомое/новое*, понятное – *непонятное*, верное – *ошибочное* [Текст как явление культуры 1989; Марковина, Сорокин 2008]. Дополнительные признаки лакун, маркируют аксиологическую разницу между «своим» и «чужим» - (хорошее) – *плохое*, (необходимое) – *избыточное*, (предсказуемое) – *неожиданное* [Текст как явление культуры 1989; Сорокин, Марковина, 1993; Цивьян, 2001]. Важным свойством культурологи-

ческой лакунизации, как ясно из выше сказанного, является *аксиологичность* [Марковина, Васильченко 2005; Сорокин 1991; Grodzki 2003; Jolowicz 2006; Panasiuk 2006]. Лакуны возникают в результате проекции тех или иных элементов вербального и невербального опыта носителей «чужой» культуры на «аксиологическую ось» автохтонного образа мира [Цивьян, 2001] (см. также [Сорокин, Марковина 1988; Марковина 2006; Panasiuk 2006]).

Исходя из этнопсихолингвистического понимания межкультурного общения как диалога неконгруэнтных национальных сознаний, установление, характеристика и систематизация того, что не совпадает в двух культурах и, как следствие, вызывает затруднения для взаимопонимания коммуникантов, т.е. различного рода *культурологических лакун*, может рассматриваться как способ выявления и описания этнокультурной специфики культур-коммуникантов как форм существования национального сознания.

Рассматривая общение как деятельность и культуру как способ деятельности и как основу общения [Маркарян 1983; Леонтьев 1996; Тарасов 1996; Сорокин 2007; Уфимцева 1996; Петренко 1988; Кочетков 2002], мы выделяем следующие составляющие процесса общения: (1) субъекты (деятельности) общения (являющиеся носителями национально-культурных психологических типов), (2) собственно процесс деятельности общения (как любая совместная деятельность реализующий культурные стереотипы и национальные модели деятельности), (3) «пространство» культуры (как контекст общения и «условия деятельности» по А.А.Леонтьеву, включающее национальный, традиционный комплекс явлений, предметов/ артефактов, а также знаний и представлений (об окружающем мире), которыми владеет и которыми оперирует типичный (средний) носитель той или иной культуры. Данная модель положена нами в основу сопоставления и описания

специфики культур-участников диалога в качестве схемы организации «семиотической массы» культуры. Предлагаемая модель представляется оптимальной для выявления, описания и систематизации экстралингвистических проблем, с которыми сталкиваются коммуниканты в тех или иных ситуациях межкультурного общения. Такой подход позволяет охарактеризовать роль, значение и степень деструктивности специфики каждой из составляющих для результатов межкультурного взаимодействия, а именно, для достижения взаимопонимания в процессе диалога.

Культурологические лакуны, таким образом, рассматриваются нами как сигналы специфики 1) участников коммуникации – *субъектные лакуны* (или *национально-психологические*); 2) деятельности, осуществляемой коммуникантами в «родной» культуре – *деятельностно-коммуникативные лакуны*; а также 3) культурного «пространства», в котором существуют субъекты общения, и на фоне которого происходит восприятие, как партнера, так и содержания самого межкультурного диалога – *лакуны культурного пространства* (подр. см.: [Марковина, Сорокин 2008]. Выявляются лакуны культурологической группы при непосредственном общении представителей разных культур, либо при восприятии инокультурного текста (опосредованное межкультурное общение) и носят преимущественно экстралингвистический характер. Культурологические лакуны «опознаются» в условиях межкультурного диалога как элементы вербального и невербального аспектов «чужой» культуры, вызывающие у коммуникантов реакцию неприятия, несогласия, недооценки, непонимания [Сорокин 1991; Сорокин 2007; Марковина, Васильченко 2005; Марковина, Сорокин 2008].

Взаимодействие коммуникантов в условиях межкультурного диалога представляет собой попытки совместить и согласовать «свои» и «чужие» фрагменты ценностного опыта. При этом участники

общения проявляют эксплицитное или имплицитное стремление «защитить» автотонные установки и нормы («свои точки зрения», по Ю.А. Сорокину), что принимает форму (различной степени выраженности) *недооценки* «чужого» и *переоценки* «своего» [Сорокин 2007: 6], см. также [Кочетков 2002: 301-304; Поршнева 1973; Стефаненко 1999: 236-238]. Такое совмещение и согласование по сути является, с одной стороны, попыткой установить сходство – *дифференциация через сопоставление*, с другой стороны, - зафиксировать различия между «своей» и «чужой» культурами – *дифференциация через противопоставление* [Стефаненко 1999]. Социально-психологические механизмы соотнесения «своего» и «чужого» образа мира, служащие для преодоления оппозитивности межкультурного диалога, по сути являются механизмами *элиминирования* культурологических лакун [Марковина 2006].

Процессы установления, осознания и элиминирования лакун можно соотнести с проявлением социально-психологических механизмов межэтнического взаимодействия следующим образом.

Первоначальное действие социально-психологического *механизма «отталкивания»* проявляется в фиксации отличия между «своей» и «чужой» культурами, которое оценивается с позиций *внутригруппового фаворитизма* [Стефаненко 1999: 236-240] как «*неправильное*», «*плохое*», «*странное*», «*чуждое*», «*неестественное*» [Текст как явление культуры 1989; Марковина, Сорокин 2008]. Таким образом «пробел на семантической карте» одной культуры по сравнению с другой приобретает статус *лакуны*. Лакун являются результатом неконгруэнтности сознаний коммуникантов и, как следствие, препятствием для достижения взаимопонимания. На втором этапе действует *механизм «притяжения»*, формирующий потребность понять «чужую» культуру, осмыслить обнаруженные различия между «своим» и «чужим», что и приводит к

необходимости элиминирования лакун. Эта стратегия межкультурного взаимодействия представляет собой элиминирование лакуны способом *заполнения*, суть которого заключается в различной степени развернутых комментариях, разъяснениях специфики фрагментов неавтохтонного опыта. Результатом является получение новых знаний о «чужой» культуре при попытке в той или иной степени полного ее постижения.

Стремление наиболее полно перенести специфику одной культуры в другую крайне затрудняет постижение реципиентом фрагментов неавтохтонного опыта. Трудности понимания во многом обусловлены явлением *этноцентризма* (см., напр.: [Стефаненко 1999: 236-240]) и связаны с психологическими проблемами: получение новых знаний, постижение «чужого» через осмысление различий, как мы уже отмечали, всегда требует серьезных усилий, в известной степени признания *относительности* «своего» как «нормального», «правильного», «естественного», «необходимого».

Альтернативная стратегия межкультурного взаимодействия проявляется как первоначальное действие *механизма «притяжения»*, благодаря которому несходство между культурами-коммуникантами *компенсируется* за счет подбора в «своей» культуре квазиэквивалента, аналога неавтохтонному фрагменту вербального или невербального опыта. Однако действие *механизма «отталкивания»* фактически прекращает межкультурный диалог: найденный аналог «заслоняет» чужую специфику, компенсирует лакуну, что делает неактуальным получение новых знаний об иной культуре.

Компенсация как способ элиминирования лакун преследует противоположную заполнению цель общения. Элиминирование происходит не за счет получения нового знания о «чужой» культуре, а за счет нейтрализации различия между культурами-коммуникантами и приводит к дости-

жению функционального, прагматического воздействия на реципиента, сходного воздействию, оказываемому текстом в автохтонной культуре. Это, как видим, принципиально иной способ приближения «чужой» культуры к культуре-реципиенту.

Проведенные нами аналитические, а также экспериментальные (см., например: [Васильченко 2005; Марковина, Васильченко 2005] исследования культурологической лакунизации позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, в рамках теории лакун взаимная адаптация национальных сознаний носителей культур-коммуникантов в условиях межкультурной коммуникации/общения, представляющая собой поиск способов совмещения и согласования «чужого» со «своим», может рассматриваться как явление элиминирования лакун. Во-вторых, элиминирование лакун осуществляется двумя основными способами: путем заполнения и путем компенсации и происходит под влиянием социально-психологических механизмов межэтнического взаимодействия. В-третьих, два способа элиминиро-

вания лакун – заполнение и компенсация – по сути, являются действием социально-психологических механизмов «притяжения» и «отталкивания». В-четвертых, социально-психологические механизмы «притяжения» и «отталкивания» действуют в противоположной последовательности при реализации одного или другого способа элиминирования.

В целом, лакуны, выявленные в условиях реального или смоделированного межкультурного общения, являются сигналами специфики двух национальных сознаний, двух образов мира и позволяют вполне обоснованно судить о мере их конгруэнтности, о характере и степени различий, указывающих на дистанцию, которая разделяет субъектов общения, принадлежащих двум культурам-коммуникантам. Теоретическое и экспериментальное изучение явления лакунизации, а также стратегий элиминирования лакун способствует более глубокому пониманию процессов межкультурного взаимодействия, что необходимо для построения современной теории понимания «чужой» культуры.

Список литературы

1. *Асмолов А.Г.* Психология личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. - 367с.
2. *Байрам М.* Нужно ли изучать иностранный язык, чтобы общаться с другими народами? //Этнопсихолингвистические аспекты преподавания иностранных языков. М.: ММА им. И.М. Сеченова, Ин-т языкознания РАН, 1996. С. 5-12.
3. *Васильченко Т.А.* Особенности восприятия комического инокультурного текста с невербальным компонентом // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. – 21 с.
4. *Кон И.С.* Этноцентризм./Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. – С. 812.
5. *Кочетков В.В.* Психология межкультурных различий. М.: ПЕР СЭ, 2002. – 416 с.
6. *Лебедева Н.* Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М.: «Ключ-С», 1999. – 224 с.
7. *Леонтьев А.А.* Язык не должен быть «чужим». /Этнопсихолингвистические аспекты преподавания иностранных языков. М.: ММА им. И.М. Сеченова, Ин-т языкознания АН СССР, 1996. - С. 41-47.
8. *Лурье С.В.* Историческая этнология. М.: Аспект Пресс, 1997.– 448 с.
9. *Маркарян Э.С.* Теория культуры и современная наука: (логико-методологический анализ). М: Мысль, 1983. – 284 с.
10. *Марковина И.Ю.* Новая культура и способы адаптации к ней: современные подходы к проблеме «культурного шока»/ Этнопсихолингвистические аспекты пре-

- подавания иностранных языков. М.: ММА им. И.М. Сеченова, Ин-т языкознания АН СССР, 1996. – С. 57-66.
11. *Марковина И.Ю.* Элиминирование лакун как действие социально-психологических механизмов «притяжения» и «отталкивания»/ Вопросы психолингвистики, №3, 2006. С. 12-33.
 12. *Марковина И.Ю.* Межкультурное общение как «оппозитивный диалог» сознаний: стратегии совмещения «своего» и «чужого»/Вестник МГЛУ. Выпуск 525. Серия Лингвистика. Языковое сознание как образ мира. М.: 2006. – С. 111-117.
 13. *Марковина И.Ю.* Психолингвистическая теория межкультурной коммуникации и обучение иностранным языкам/Вестник МГЛУ. Вып.548. Серия Лингвистика. Изд-во «Эйдос». М.: 2007. – С. 145-157.
 14. *Марковина И.Ю., Васильченко Т.А.* Культурная константа «свой-чужой» на аксиологической оси модели мира: механизмы защиты. //Язык. Сознание. Культура. Сб. статей. Под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. М.-Калуга, 2005. С. 217-229.
 15. *Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А.* Культура и текст. Введение в лакунологию. - М.: ГЭОТАР-медиа, 2008. – 144 с.
 16. *Петренко В.Ф.* Психосемантика сознания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. - 208 с.
 17. *Поршнев Б.Ф.* Противопоставление как компонент этнического самосознания. М.: Наука, 1973. – 15 с.
 18. *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. М.: Наука, 1979. – 235 с.
 19. *Сорокин Ю.А.* Теория лакун и оптимизация межкультурного общения/ Русский язык и литература в киргизской школе, № 6, 1991. - С. 38-41.
 20. *Сорокин Ю.А.* Этническая конфликтология. М.: Институт проблем риска, 2007. - 120 с.
 21. *Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю.* Опыт классификации лакун как один из способов описания национальной специфики/Теория лингвистических классификаций. Межвузовский сб. научных трудов.. М.: МОПИ, 1987. – С. 91-97.
 22. *Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю.* Понятие «чужой» в языковом и культурном контексте/Язык: этнокультурный и прагматический аспекты. Сб. научных трудов. Днепропетровск: 1988. - С. 4-10.
 23. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. - М.: Академический проект, 2001. – 992 с.
 24. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. - М.: Ин-т психологии РАН, «Академический проект», 1999.- 320 с.
 25. *Тарасов Е.Ф.* Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания./Этнокультурная специфика языкового сознания. - М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. - С. 7 – 22.
 26. *Текст как явление культуры.* Антипов Г.А., Донских О.А., Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Новосибирск: Наука, 1989. – 197 с.
 27. *Уфимцева Н.В.* Русские: опыт еще одного самопознания/Этнокультурная специфика языкового сознания, М., 1996. - С. 139-162.
 28. *Халеева И.И.* Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков). М.: Высшая школа, 1989. – 238 с.
 29. *Цивьян Т.В.* Модель мира и (аван) текст. / Slavic Almanach. The South African Year Book For Slavic, Central And East European Studies. Vol 7/10, 2001. – p. 45-58.

30. *Шейман Л.А., Варич Н.М.* О "национальных картинах мира" и об их значении для курса русской литературы в нерусских школах/ Вопросы преподавания русского языка и литературы в киргизской школе. - 1976. - Вып. 6.- С. 33-40.
31. *Adler, P.* The transitional experience: An alternative view of culture shock. *Journal of Humanistic Psychology*, 15, 1975. P. 13-23.
32. *Grodzki, Erika.* Using Lacuna Theory to Detect Cultural Differences in American and German Automotive Advertising. Frankfurt am Main; Berlin; Bruxelles; New York; Oxford; Wien: Lang, 2003. - 185 p.
33. *Jolowicz, Jens Olaf.* Lacuna theory in intercultural communication: Focus on axiological lacunae/ Вопросы психолингвистики, №3, 2006. С. 58- 77.
34. *Markovina, Irina.* Investigating and Teaching Multiliteracy: an Ethnopsycholinguistic Approach. *Fremdsprachenkompetenzen für ein wachsendes Europa. Das Leitziel "Multiliteralität"*. Daniela Elsner/ Lutz Küster/ Britta Viebrock (Hrsg.). Peter Lang GmbH. Frankfurt am Main: 2007. - P. – 61-74.
35. *Panasiuk, Igor.* Lakunen-Theorie und quivalenzproblematik / Вопросы психолингвистики, №3, 2006. С. 187-215.

ЧАСТЬ III.

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛАКУНОЛОГИИ. ТЕОРИЯ ЛАКУН
В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОБЛЕМ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ

И. Л. Панасюк (ФРГ)

DEFINITION OF THE LACUNA PHENOMENON IN THE THEORY OF
TRANSLATION/МЕСТО ФЕНОМЕНА ЛАКУНИЗАЦИИ В ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

В главе рассматривается проблематика этнопсихолингвистического подхода к теории перевода. В центре внимания находится определение и применение феномена лакунизации в теории перевода. Феномен лакуны объясняется исходя из определения понятия эквивалентности, сформулированного Романом Якобсоном. В соответствии с этим, эквивалентность заключается в различии, что является основным признаком понятия эквивалентности, т.е. выражаясь понятийным аппаратом этнопсихолингвистики, в основе эквивалентности лежит лакуна, семантическая величина межкультурной разницы, измеряющаяся разницей в структуре денотативного значения, которая зависит в первую очередь от контекста. Отношение лакуны к эквивалентности можно объяснить обратной пропорциональностью отношения их величин к друг другу: чем больше семантическая величина эквивалентности, тем меньше семантическая интенсивность лакуны и наоборот. Этот закон обратной пропорциональности двух семантических величин и определяет разницу и дистанцию между культурами в семиотическом смысле и подтверждает этнопсихолингвистический постулат о принципиальной возможности межкультурной коммуникации, разновидностью которой является перевод. В статье определена также семантическая градация эквивалентности, в основе которой лежит семантическая интенсивность лакуны - вариативность, разновидность контекстуальной эквивалентности, основанной на контекстуальном семантическом (денотативном) сдвиге, т.е. лакуне.

Ключевые слова: лакуна, эквивалентность, вариативность, денотат, семантическая интенсивность лакуны, семантическая величина эквивалентности, семантический сдвиг.

The chapter deals with the theory of translation in its psycholinguistic and cognitive aspects. I will focus on the creative aspect of the translation process and try to answer the question, how the lacuna phenomenon can influence the creative decision making process of a translator. It is the next step in applying the lacuna theory in the framework of the theory of translation. The creative aspect of translation consists in a polyvariety and variety of lexical meanings and falls into the

sphere of the equivalence relations. Lacuna as an ethnopsycholinguistic phenomenon shows how languages and cultures differ in their cognitive structures. To overcome these differences a translator has to apply some creativity. In order to understand how it functions we should take a closer look at these processes.

So, the Lacunae Theory is the main area of research of Russian ethnopsycholinguistics. The history of ethnopsycholinguistics

originates in the mid-sixties, when the School of Psycholinguistics was established by A.A. Leontyev (1974) in Moscow. The entire set of terms used in psycholinguistics was taken over from A.N. Leontyev's Activity Theory, which had been derived from L.S. Vygotskiy's Historico-Cultural Psychology. The basis of Activity Theory, or Speech Activity Theory is Vygotski's speech utterance model. According to this model there is, at the beginning of each utterance, an idea generated by a person, which is used to solve a specific communicative task. Thus a spoken utterance starts with an idea, and then turns into audible external (verbal) speech that shapes the idea and creates an image of it. Thus the speech generation system begins with the generation of the idea about a specific issue or subject (initial phase), then enters the image-making phase, where the idea is turned into an audible and understandable vocal flow during communication (final phase). The system was later modified and divided into single phases. But the Speech Activity Theory did not involve differences existing between individual languages. Therefore the modification of the system did not pertain to cultural specificity.

Hence the modification consisted in the fact that the cultural specificity of different verbal segmentation arises from the specifics of the transformation of ideas into speech in the interim phase of speech generation. The cultural specifics of verbal activity in particular, but also of non-verbal activity, are of a mental nature and are primarily based upon the mental activity of comprehending extra-verbal reality, its mental segmentation, which is oriented towards an already existing order of objects and issues and is then re-coded into linguistic signs. Thus a new task emerged for psycholinguistics, that of fixing external (audible) verbal behaviour in different cultures and of uncovering differences, which led to the introduction of ethnopsycholinguistics. The main fields of research in ethnopsycholinguistics can be derived from it, which, according to Sorokin, Tarasov and Ufimtseva (1982: 5), are the

analysis of relations between language and thought (the influence of different languages on the cognitive activities of their users), the problem of differing categorization of reality (non-congruence of linguistic segmentation of reality), and the problem of the influence of language on human behaviour (the influence of activity patterns on current activity). This also leads to the introduction of a new theory as part of ethnopsycholinguistics, which could be capable of comprehending intercultural differences, and it received the name of "Lacunae Theory". The founder of this theory, which is part of ethnopsycholinguistic research, is Yuri Sorokin (1977), who derived the term "lacuna" from Contrastive Linguistics (Lexicology) (q.v. Y.S. Stepanov (1965: 120) in the first instance) and developed it into an ethnopsycholinguistic research category. This has permitted the application of the category of the lacuna in various spheres of cultural and linguistic research, which has led to the development of an entire taxonomy of semantic differences. Thanks to Irina Markovina (1983, 1989, 2006, 2008), it took the shape of the lacunae model as a method for the analysis of artefacts from foreign cultures.

The first point of view in the definition of the term „lacuna“ in the theory of translation is the structural approach to the definition of the term of Roman Jakobson's equivalence. Jakobson saw the equivalence in difference, which is „the cardinal problem of language and the pivotal concern of linguistics“, in his opinion (Jakobson 1959: 233/1978: 14). According to Jakobson, the contextual equivalence can be seen in structural differences of meanings which result from the use of a certain meaning in a certain context. This proves the postulate of translatability and theoretically grounds the translation practice:

„... the relationship between the extralinguistic content to be communicated and its linguistic expression is not one-to-one but one-to-many; the concept of 'equivalence in difference' (Jakobson 1959, 233) is what makes translation at all possible...“ (Vladimir Ivir 1983: 62)

The lacuna phenomenon plays the main part in this process. Lacuna is the opposite side of equivalence and characterizes it as an approximation of a different semantic dimension. It is expressed as a complete or partial absence of the structural elements in the meaning to be compared or translated in the framework of the context. According to Irina Markovina (2009), in a broader sense, lacunae are gaps on the “semantic map” of a language, text, or culture as a whole, i.e. on the “semantic map” of a certain ethnic verbal consciousness that can be identified only by comparison of two national languages, or texts, or cultures (as a form of verbal consciousnesses). Such comparison typically occurs in the process of intercultural communication. So, the lacuna shows the absence of the meaning (a complete gap) or its structural elements and is a signal or a marker of presence of an intercultural or interlingual difference in the meaning and the starting point for the semantic assessment of an equivalence relation.

The starting parameter for the determination of the semantic intensity of the lacuna is the denotative as a main structural unity of each lexical meaning. The absence or convergence of the separate elements of the meaning allows for talking about the semantic character of the approximation. The lacuna appears to be a semantic dimension, which determines the kind of the equivalence relations. Such characteristic feature leads to the establishment of the relation between the two inversely proportional terms: the greater the semantic extent of an equivalence relation between the lexical meanings to be compared or translated, the lower is the semantic intensity of the lacuna frequently used to express the approximal similarity (equality) of such lexical meanings in the context. On the other hand, greater semantic intensity of the lacuna indicates lower equality of the equivalents to be compared. Lacuna and equivalence mutually complement one another. Equivalence and lacuna are linked to the changing of the denotative structure of the meaning in the intercultural comparison

of languages. Both terms – lacuna and equivalence – are two sides of the same coin (Panasiuk 2005: 156-157).

One of the German translations of Roman Jakobson’s equivalence definition quoted above shows the equivalence in variety (*Äquivalenz in Verschiedenheit*). Erich Prunč (2008: 32-33) speaks about it referring to Mary Snell-Hornby (1995: 17), who said, that the translation of the known Jakobson’s equivalence definition as *Äquivalenz in der Differenz* into German was the result of the fault translation of this oxymoron – the same but on the other hand different - by linguists. In Snell-Hornby’s opinion the terms equivalence and *Äquivalenz*, difference and *Differenz* do not cover each other semantically. The author proposes the more precise or more adequate translation of this definition into German as *Ähnlichkeit in der Vielfalt* (similarity in variety). This circumstance leads the discussion about the equivalence into the sphere of human communication, the basis of which is the context. The lacunized character of equivalence makes it possible to speak about equivalence as a variety or equivalence in variety. Such relations of equivalence are based on the interlingual synonymity, the lexical meanings with different denotative structure, which are similar contextual connotative meaning. The creative aspect of translation also consists in the lacunized or polyvariate character of equivalence.

Applied to translation, the aspect of the polyvariety is the area of translator’s creativity. The adequacy of translation can be reached by the invariance of the context and the variety of lexical meanings. This fact makes it possible to apply the stylistic experiment of the Russian translation researcher Fedorov (1971). The stylistic experiment begins there where the translator switches on his creative thinking. The stylistic experiment begins there where there is no over-literal rendering. According to Lakoff (1987) and Kußmaul (2000), the thinking of translator is a fluent chaining of categories, which is not limited by any boundaries except the context and the functional goal of

translation (the *skopos*). Thus, the creativity of translation consists in the polyvariety of the lexical meanings limited by the context.

The variety of lexical meanings is a lacunized phenomenon. The translator looking for some lexical meanings in the target language makes decisions in the form of translation strategies. Those are some target oriented cognitive behaviours, plans for solution of the translation problems. The translator applying procedures or methods of translation can not realise that the target variant has been found, which has a lacuna in its denotative structure compared with the source meaning.

Such semantic shifts are the “category jumps” in the chaining of translator’s thoughts, which produce that denotative shifts and are creative solutions of the translation process. The determination of a semantic shift (of the semantic value of lacuna) is only possible through the act of translation, which consists in this semantic shift. In order to determine the semantic value of lacuna in the framework of the context the translator has to do the act of translation. On the other hand, the act of translation is accomplished by the determination of the semantic value of lacuna, which is a semantic shift or a “category jump”.

The phenomenon of lacuna gives us the possibility to have a look at the process of translation from a new perspective. The creative thinking is a visual thinking, so the translator imagines a picture (a scene) during

the understanding of the utterance and tries to verbalize this utterance in the target language, to find a frame for it, at the same time. So, the determination of the lacuna kind becomes the starting-point for the equivalence relations, so having determined the semantic value of lacuna the translator is choosing a variant from some semantic field in order to avoid the over-literal rendering in direct sense and mistakes in the choosing of variants. So, the lacuna model presents detail inventory for semantic measurement of the equivalence, the lack of which in the theory of translation the famous German translation researcher Wolfram Wilss (1977: 157) paid attention at.

Lacuna is an invisible witness and the result of the creative activity of the translator. It is omnipresent, it accompanies translators at every step, because the language asymmetry is the result of the human speech activity in different cultures: the words from different semantic fields form a cognitive community to allow the people to understand each other through translating. This confirms the ethnopsycholinguistic postulate about a possibility of intercultural communication: In the human culture there are no totally original codes, which makes the communication between individual local cultures in principle possible (Markovina, Sorokin: 2008). This, in its turn, confirms the possibility of translation as a variant of intercultural communication.

Bibliography

1. *Fëdorov, A. V. (1971): Očerki obščej i sopostavotel'noj stilistiki. Izdatel'stvo „Vysšaja škola“ Moskva*
2. *Filipec, Josef (1971): Der Äquivalenzbegriff und das Problem der Übersetzbarkeit. In: Fremdsprachen, Beiheft V/VI, p. 81-85*
3. *Ivir, Vladimir (1983): Reasons for Semantic Shifts in Translation. In: Gert Jäger & Albrecht Neubert (Hrsg.): Semantik und Übersetzungswissenschaft. Materialien der III. Internationalen Konferenz „Grundfragen der Übersetzungswissenschaft“. Übersetzungswissenschaftliche Beiträge 6, p. 62-67*
4. *Kussmaul, Paul (2000): Kreatives Übersetzen. Stauffenburg Verlag*
5. *Lakoff, George (1987): Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind. The University of Chicago Press Chicago and London*

6. *Leont'ev, A. A. (1974): Rečevaja dejatel'nost'//Osnovy teorii rečevoj dejatel'nosti. Izdatel'stvo „Nauka“ Moskva, p. 21-28*
7. *Markovina, Irina Ju., Sorokin, Ju. A. (2008): Kul'tura i tekst. Vvedenie v lakunologiju. Učenoje posobie. Moskva: Izdatel'skaja grupa „GEOTAR-Media“*
8. *Markovina, Irina (2009): Ethnopsycholinguistic Research of Intercultural Communication (see in this volume)*
9. *Panasiuk, Igor (2005): Kulturelle Aspekte der Übersetzung. Anwendung des ethnopsycholinguistischen Lakunen-Modells auf die Analyse und Übersetzung literarischer Texte. Semiotics of Culture. LIT Verlag Münster*
10. *Prunč, Erich (2008): Entwicklungslinien der Translationswissenschaft. Von den Asymmetrien der Sprachen zu den Asymmetrien der Macht. Frank & Timme Verlag für wissenschaftliche Literatur*
11. *Snell-Hornby, Mary (1995): Translation Studies. An Integrated Approach. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins*
12. *Sorokin, Jurij (1977): Metod ustanovlenija lakun kak odin iz sposobov vyjvlenija specifiky lokal'nych kul'tur. In: Leont'ev, A. A.; Sorokin, Ju. A.; Tarasov, E. F. (Hrsg.): Nacional'no-kul'turnaja specifika rečevogo povedenija (Akademija nauk SSSR. Institut jazykoznanija). Moskva: Izdatel'stvo „Nauka“, p. 120-136*
13. *Sorokin, Ju. A., Tarasov, E. F., Ufimceva, N. V. (1982): „Kulturnyj znak“ L. S. Vygotskogo i gipoteza Sepira-Uorfa. In: Leont'ev, A. A., Tarasov, E. F., Sorokin, Ju. A. (Hrsg.): Nacional'no-kul'turnaja specifika rečevogo obščeniya narodov SSSR. Izdvo „Nauka“ Moskva 1982, p. 5-12*
14. *Sorokin, Ju. A., Markovina, I. Ju. (1983): Opyt sistematizacii lingvističeskich i kul'turologičeskich lakun. Metodologičeskie i metodičeskie aspekty. In: *Leksičeskie edinicy i organizacija struktury literaturnogo teksta*. Kalinin, p. 35-52*
15. *Sorokin, Ju. A., Markovina, I. Ju. (1989): Nacional'no-kul'turnaja specifika chudožestvennogo teksta. Konspekt lekcij. Goskompečat' SSSR. Vsesojuznyj institut povyšenija kvalifikacii rabotnikov pečati. Kafedra lingvistiki. Moskva*
16. *Sorokin, Ju. A., Markovina, I. Ju. (2006): Systematisierungsversuch linguistischer und kultureller Lakunen. In: Igor Panasiuk & Hartmut Schröder (Hrsg.): *Lakunen-Theorie. Ethnopsycholinguistische Aspekte der Sprach- und Kulturforschung*. Semiotics of Culture. LIT Verlag Berlin, p. 21-34*
17. *Stepanov, Ju. S. (1965): Francuzskaja stilistika v sravnenii s russkoj. Moskva.*
18. *Wilss, Wolfram (1977): Übersetzungswissenschaft. Probleme und Methoden. Ernst Klett Stuttgart.*

УДК 81.255.2.

В.Н. Базылев

ГЛУБИНА ПРЕБЫВАНИЯ В ЧУЖОЙ СЛОВЕСНОЙ СТИХИИ

Поведи меня в китайский ресторанчик –
Я хочу, чтобы все было красиво.
Поведи меня в китайский ресторанчик.
Надо, чтобы все было красиво
Вероника Долина

Статья посвящена вопросам перевода на русский язык классической китайской поэзии. Оценивается вклад в разработку вопросов Ю.А. Сорокиным. Рассматриваются проблемы, связанные с переводом с китайского при использовании оригинала и языка-посредника.

Ключевые слова: поэтический перевод, перевод с китайского, вольный перевод, подстрочный перевод, традиции перевода

Название статьи в память Юрия Александровича Сорокина – это цитата-недоговорка из его автобиографических «Стихи и маргиналии (от случая к случаю)», где он вспоминает о том, как два раза уничтожал свои переводы китайской поэзии, так как в Москве его попытки опубликоваться успеха не имели. Он долго «работал в ящик». По его словам, «поднакопил толику добра: переводы из старокитайской поэзии (Ван Вэй и стихотворцы эпохи Мин) и новокитайской поэзии и прозы (Лю Баньнун, Ин Сюжэнь, Пань Мохуа, Сюй Дишань); перевел по заказу стихи Ай Цина и прозу Ван Мэна – повесть «Мотылек»¹.

Переводы Ю.А. Сорокина – это, помимо всего прочего, повод и сегодня еще поразмышлять о переводческих принципах применительно к дальневосточной литературе в целом, к китайской, в част-

ности. Сколько еще нерешенных и неразрешимых проблем здесь накопилось².

Переводов поэзии может быть множество: их столько, сколько переводчиков. Но каждый из переводчиков старается передать мысль и поэзию оригинала. И старается, чтобы переведенные стихи стали фактом родной литературы. Ведь в поэзии не может быть двух красот – только внешней или только внутренней. Когда сам перевод стихов представляет собой поэзию, он тоже не устаревает, как и его нетленный оригинал. История человечества свидетельствует, что настоящая поэзия не знает дряхлости и не уходит в небытие. Перевод же если и не вечен, то уж во всяком случае, долговечен. Но для такой судьбы он должен быть на уровне лучшей оригинальной поэзии своей современности. За примерами ходить недалеко: до сих пор свежи и чарующи стихи

* От лат. *Collegium* – союз лиц, объединенных общей профессией, культом

¹ Глеб Арсеньев. Стихи и маргиналии. М.: «Советский писатель», 2008. С. 185-186.

² Сорокин Ю.А. Переводоведение: Статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М.: «Гнозис», 2003; Базылев В.Н. Теория перевода: В 4 кн. – М.: ГосИРЯ им. А.С.Пушкина, 2009.

бунинского перевода «Гайаваты» Лонгфелло.

Разного обращение с собою требуют современность и классика. Современность волнует непосредственностью отношения, близостью совершающейся жизни, и переводчик волен обращаться с нею свободнее, не боясь ошибиться.

Классика вдалеке от нас и по времени, и по жизненным обстоятельствам. Нельзя забывать и того, что десятилетия и века отшлифовали и отграничили ее, как обкатывает море камни на дне у себя. Десятилетия и века доказали незыблемость пришедшего к нам. Так стоит ли и возможно ли великую зрелость, уже принадлежащую не одному человеку, а ставшую гордостью и радостью целого народа, даже целого мира, возможно ли общий итог ума и красоты заменять или, по крайней мере, преображать своею личной, пусть и удачной, мыслью или фигурой, хотя бы все вместе знали мы уже волею развития человечества намного больше того поэта, жившего до века до нас. Классика требует осторожности.

Существенна для переводчика разница и в характере поэзии. Есть поэзия, окутывающая нас облаком чувств и звуков, неясной музыкой ощущений, и, конечно, точность передачи ее следует искать в иных направлениях, чем для перевода той поэзии, в которой мысль выражена словами зримыми, образами, имеющими явственные границы очертаний, лежащими в стихотворение, как кирпичи в стену здания.

Но, как и все прочее в жизни, упомянутые мною два противоположных вида поэзии, редко встречаются в чистом виде. Но определить их приблизительно мы всегда в состоянии.

В какой степени относится все вышесказанное к классической китайской поэзии? Она очень стара. Она кратка. Краткость ее усугубляется моносиллабичностью, когда каждый слог (то есть каждый знак) представляет собою слово, и слово это очень редко является проходным.

Классическая китайская поэзия пред-

метна. Она, как правило, начисто лишена заумности. Ее сложность в другом: в намеках, реминисценциях, но никогда не в зыбкости мысли, никогда не в неопределенности чувства. Это поэзия прямоты и недвусмысленности, при условии, что читатель найдет в себе достаточно понимания, чтобы самому прийти и к прямоте этой, и к недвусмысленности. Скажем, так. Китайский поэт мог бы написать по-блоковски:

Я живу в отдаленном скиту
В дни, когда опадают листья.
Выхожу – и стою на мосту,
И смотрю на речные цветы.

Но, беря в пример того же Блока, китайскому поэту совершенно чуждо:

Я миновал закат багряный,
Ряды строений миновал,
Вступил в обманы и туманы –
Огнями мне сверкнул вокзал...

Потому что для него противостоит естественно сочетание предметного с умозрительным: он не может миновать строения наряду с закатом, а тем более одновременно со вступлением в туман «вступить в обманы». Переводчик должен знать национальную эту особенность китайской классики и не увлекаться легким путем, на который может привести его начитанность в европейской поэзии.

Мы воспринимаем классическую поэзию как люди XX века, умудренные опытом и знаниями времени. Нам нет необходимости «приспосабливаться» к чувствам читателей – современников поэта. Из этого ничего и не выйдет, кроме отдаления от читателя – нашего современника. Мы не знаем меры архаизации, не знаем, насколько его и не существует, соотношения времен – того, чужого, и искомого нашего. Стих и язык переводчика должны быть современными, хотя бы для того, чтобы поэзия оригинала оказалась столь же близкой и столь же понятной, какой она была в ее век.

Современность языка перевода, конечно, не устраняет ни необходимости передачи национального своеобразия, ни

полезности той легкой патины в языке, которая нет-нет да и намекнет на возраст подлинника. Но современность языка перевода ни в коем случае не дает права на собственные домыслы, о которых уже говорилось выше: она должна помочь читателю проникнуть в глубину зрелости переведенной поэзии без всякого приукрашивания, без всякой замены мыслей оригинала глубокомыслием переводчика, то есть без замены своим, мгновенным, того, что стало уже вечным.

Переводчик старой китайской поэзии должен отразить в своем переводе два рода преимуществ – преимущества современника оригинала и преимущества современника перевода.

Такая задача помогает ответить и на вечный вопрос о комментарии. Комментарий разрушает поэтическое настроение, рвет его на части, но без комментария трудно понять то, о чем говорится и на что намекается в старых стихах.

Думаю, что в терпимых дозах, с соблюдением необходимого такта комментарий может вплестаться в ткань стиха, и это будет приближать нас к точному воспроизведению оригинала и создаваемых им настроений, потому что древний читатель не отвлекался для розысков намека или какого-нибудь упоминания. Таково одно из условий близости к подлиннику, не всегда создаваемой прямым отражением его. Близость к подлиннику не есть величина абсолютная. Она понимается по-разному в переводах различной поэзии. Я уже упоминал бунинский перевод «Гайаваты». Так вот, в предисловии к своему переводу И.А. Бунин писал, что старался держаться возможно ближе к подлиннику, сохранять простоту и музыкальность речи, сравнения и эпитеты, характерные повторения слов и даже, по возможности, расположение стихов. Сам Бунин признает, что это было нелегко; иногда приходилось даже сознательно жертвовать легкостью стиха. Возможно, не все в бунинском переводе восхищает тех, кто рассуждает ныне о переводе, но для перевода

китайской классики, с моей точки зрения, это прекрасная программа. И осуществляемая, я бы сказал.

Ведь у нас давно переводится китайская поэзия с других переводов и с оригинала. Я не ставлю своей целью критическое рассмотрение переводов в свете высказанных мною соображений. Но на двух стихотворениях, на этот раз семисловных, я остановлюсь. Одно из них принадлежит Фету.

Надо сказать, у переводчиков сейчас стало чем-то вроде хорошего тона укорять Фета его переводами. У Фета есть стихотворение «Тень» – перевод (возможно, с немецкого перевода-подстрочника) четверостишия Су Ши «Тень от Цветов». Вот подстрочный перевод его с указанием цезуры:

Уступ за уступом, ступень
за ступенью
поднимаюсь на нефритовую башню.
Сколько ни приказываю
мальчику-слуге,
он никак не сметет ее.
Только сейчас великое светило
(успело) убрать ее.
Но ясная луна
ее принесла с собой.

У Фета:

Башня лежит – все уступы сочтешь –
только ту башню ничем не сметешь.
Солнце ее не успеет согнать,
смотришь – луна положила опять.

А. Фет не передал сохранившуюся китайскую рифму, да он и не знал ее. Он не обратил внимания на цезуру, которая ему тоже была недоступна. Он показал лишь параллелизм двух последних строк. Лишил стихотворение (наверное, не по своей вине) прелестных подробностей двух первых строк. Сохранил, однако, композицию, а отсюда и логический ход мысли поэта: начало – развитие – поворот – заключение, благодаря чему стихотворение «состоялось». То есть он понял главное. Условие необходимое, но все еще недос-

таточное. Стихотворение Фета – один из ранних отечественных переводов с китайского, созданный в большой мере интуитивно, – заслуживает положительной оценки. Но оно же приводит к размышлению о том, сколь важно удерживать так явно упущенное переводчиком.

Мне кажется приближающимся к идеальному идеалу перевод Ахматовой стихотворения Ли Бо «На западной башне в городе Цзиньлин читаю стихи под луной».

В ночной тишине Цзиньлина
Проносится свежий ветер.
Один я всхожу на башню,
Смотрю на У и на Юэ.
Облака отразились в водах
И колышут город пустынный,
Роса, как зерна жемчужин,
Под осенней луной сверкает.
Под светлой луной грущу я
И долго не возвращаюсь.
Не часто дано увидеть,
Что древний поэт сказал.
О реке говорил Се Тяо:
«Прозрачней белого шелка», -
И этой строки довольно,
Чтоб запомнить его навек.

Ахматова переводила с китайского стихи Цюй Юаня, Цзя И, танских поэтов Ли Бо и Ли Шан-иня. Все шесть переведенных ею стихотворений Ли Бо переведены без рифмы. Значит, поэтесса нашла важным для себя как можно лучше сохранить остальные особенности китайского стиха. И сохранила их - доцезурную и послецезурную части строк, порядок строк, образы, всю композицию. И благородный выбор слов. У Ли Бо это стихотворение семисловное, Ахматова же делит строку

цезурой поровну, по три стопы. В стихотворение вкралась маленькая неточность – вина подстрочника, – о которой не стоит и говорить.

Перевод, даже когда он принадлежит перу такого поэта, как Ахматова, прежде всего представляет оригинал. Перевод для этого и существует. Этому подчинены и все его достоинства, вплоть до самого неременного из них – поэтической безупречности. Исследователь литературы, в данном случае китайской, основывает свои доказательства на переводе; не обязан же читатель верить на слово. Известно, что нередко историк иностранной поэзии, обращаясь к переводу, как к документу для подтверждения результатов своего исследования, не находит и следа от нужных ему особенностей оригинала. Назовем это необходимейшее свойство перевода, скажем, цитатоспособностью. Она частично, в общем плане присутствует у Фета, она почти безусловна у Ахматовой.

В начале настоящего рассуждения о принципах перевода я выразил свою солидарность с программой И.А. Бунина. Дальше я постарался показать конкретное применение ее к старой китайской поэзии. Таков идеал. Надеюсь, что перевод Ахматовой доказывает и достижимость идеала.

Точки зрения на способ выполнения задач, поставленных перед переводчиком стихов, могут быть разные и даже противоположные. Но задачи одни: создание стихов, передающих мысли, чувства, образы – короче говоря, поэзию оригинала – и прежде всего достойных русской поэзии.

Список литературы

1. «Приходи, пожалуйста, пораньше...» // Долина Вероника. Бальзам: Сборник стихов. – М.: «Гудьял-Пресс», 2000. – 320 с.
2. Глеб Арсеньев. Стихи и маргиналии. – М.: «Советский писатель», 2008. – 188 с.
3. Сорокин Ю.А. Переводоведение: Статус переводчика и психогерменевтические процедуры. - М.: «Гнозис», 2003. – 160 с.
4. Базылев В.Н. Теория перевода: В 4 кн. – Кн. 1.– М.: ГосИРЯ им. А.С.Пушкина, 2009. –240 с.

УДК 81'23

В.И. Шаховский

ЭМОЦИИ В НАЦИОНАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ И СТЕРЕОТИПАХ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В статье поднимается проблема аккультурации языковой личности как через родной, так и через иностранный язык. Рассматривается исторический ракурс подхода лингвистики к этой проблеме через осознание своего и чужого Здания Культуры. Поднимается проблема эмоциональной / эмотивной субкомпетенции как неотъемлемого конституента коммуникативной компетенции. Показывается зависимость этой субкомпетенции от национального характера культуры и его стереотипов. Доказывается необходимость специального лингводидактического внимания к этой проблеме.

Ключевые слова: эмоциональный компонент межкультурного общения, национальный характер, национальные стереотипы, эмоциональная / эмотивная субкомпетенция, лингводидактическая необходимость, адаптация к чужой культуре

Проблема «Культура и личность» в антропологической парадигме «Национальный характер» (30–50-е гг.) породила кросскультурное направление в ряде наук: сравнительной психологии, лингвистике, лингводидактике, а в последнее пятилетие и в лингвокультурологии, особенно, в отечественной [Красных 2003; Крейдлин 2001; Ларина 2003; Леонтович 2003; Сорокин 1994 и др.].

Долгое время, однако, в науке превалировало мнение, что концепт «национальный характер» достаточно полно объясняется всего лишь историческими причинами. При этом игнорировалась роль научения в вербальном поведении как внутри своего родного Здания Культуры, так и за его пределами. Ну и уж совсем не учитывался эмоциональный компонент межкультурного общения, который всегда выступает в качестве специфического доминантного тренда в национальном характере и в национальных стереотипах любой культуры. Это, прежде всего, касается художественной коммуникации, в том числе, и через переводную литературу [Сорокин, 2003].

Только недавно лингвисты стали выделять эмоциональную / эмотивную субкомпетенцию как константную составляющую коммуникативной компетенции [Шаховский 2003а]. А признание того, что эмоции являются мотивационной системой человеческого сознания, имянаречения и всего вербального и авербального общения *homo sentiens* привели лингводидактов к разработке аффективной методологии в интенсивном обучении неродному языку [Шаховский 1995].

Национальные стереотипы: «We Dutch are honest», «Русские долго запрягают, но быстро едут», «Умом Россию не понять» и т.п. эмоционально-оценочно маркированы и все указывают на неоспоримый факт о психологических различиях национальных культур.

Сопоставительные исследования культуры эмоций англоговорящей и русскоговорящей языковых личностей, зафиксированные в их национальном характере и в их национальных (а)вербальных стереотипах, позволяют создать словарь нового типа – словарь различий в эмоциональном поведении этих языковых / коммуника-

тивных личностей. Использование такого словаря в общеобразовательных учреждениях (школах и вузах) внесло бы существенный вклад в совершенствование, в том числе, и в интенсификацию научающей коммуникации. Тем более, что в таких словарях доминировала бы предписывающая функция – как понимать ксенофонного коммуниканта. Именно через национальный характер и национальные стереотипы (гетеро- и ауто-) осуществляется экспликация национально-специфических ценностей и способы, кодированные средства описания [см.: Эмотивный код языка..., 2003], классификации, наблюдения, понимания и предчувствования своей реальности и своих мифов внутри неё.

Сложность изучения этнических ценностей, в том числе, и эмоциональных, заключается в том, что *homo sentiens*, с одной стороны, является источником этих ценностей, а с другой – их инструментом (и актёром-имитатором).

Уже точно известно в лингвокультурологии и во внешней коммуникативистике, что нельзя нормы своих ценностей применять к иным национальным характерам / культурам без ущерба для успешной межкультурной коммуникации. Суждения и действия в «чужом» стане должны предшествоваться информацией (знаниями) о культурных правилах этого стана, их корнях, иных культурных отличиях и о последствиях их игнорирования. Но вначале надо эти различия знать.

Поскольку любое общение разных культур сопровождается всегда эмоциональными модальностями, знание / незнание культурно-вариативных правил этих модальностей речевыми партнерами не может не влиять на эффективность их общения.

В эти правила входят такие базовые знания, как знания об индивидуальном эмоциональном дейксисе и национально-этническом тренде речевого партнера. Так, например, у всех американцев доминируют патриотизм, гордость за свою

страну, чувство превосходства над другими народами, которые не всем нравятся, но которые необходимо учитывать в общении с ними во избежание "эмоционального удара" по ним или от них.

Знание межкультурных правил эмоционального общения – это проблема сознательного формирования эмотивной компетенции через научающую коммуникацию, которая должна предшествовать реальной. Среди факторов успешного общения в последней особую роль выполняет такой эмоциональный фактор, как глорификация, заключающаяся в повышении самооценки речевых партнеров в результате их общения друг с другом. Это возможно только при условии соблюдения всех правил, максим, принципов общения Грайса, Лича и др. на межкультурном уровне. Однако практика общения людей и его стилизованная репрезентация в художественной литературе показывают, что соблюдение всех этих правил невозможно по множеству причин, главной из которых является слабая управляемость эмоций речевыми партнерами и отсутствие соответствующих знаний о чужой культуре эмоций. Тем более сложна задача целенаправленного моделирования необходимых эмоций у инокультурного речевого партнера в конкретной категориальной ситуации. Эта коммуникативная задача осложняется ещё и тем, что эмоции не только зарождаются и реализуются в эмоциональных ситуациях, но и сами создают такие ситуации. Эмоции речевых партнеров и эмоциональные ситуации находятся в параллельных или пересекающихся транзакциях, которые являются единицами любого общения. Эмоция в МКК (межкультурной коммуникации) часто выступает в функции психологической разрядки одного из речевых партнеров и в функции коммуникативного стимула для другого, и наоборот. Ими обоем создается эмоциональная ситуация, которая и управляет их (а)вербаликой и сменой их стимулов. Этот момент представляет одну из существенных проблем в

МКК. Эмоции её могут облегчать / затруднять в зависимости от уровня их эмоциональной / эмотивной компетенции.

Речевые партнеры должны знать эмоциональный потенциал используемого ими чужого языкового кода и иметь одинаковое представление об основных эмотивных доминантах в коммуникативном поведении, к примеру, англичан в сопоставлении с русской лингвокультурой [Ларина 2003; Sternin 2003].

Национально-этнические правила экспрессии конкретных эмоций, естественно, различаются и у индивидуумов, и у социальных групп. У американцев, например, степень внешней выраженности таких эгоцентрических эмоций, как страх и гнев гораздо выше, чем у других культур. Разумеется, перечень таких правил в каждой культуре существует, но не описан, не протранслирован на другие культуры и лингводидактикой не включен в обучающую ин(а)культурацию.

Поэтому эмоциональные проблемы в реальной МКК неизбежны. Выражаются они, в лучшем случае, в лакуарности "эмоционального поглаживания" и в индивидуальной толерантности речевых партнеров при непонимании тех / иных эмоциональных проявлений друг друга. В худшем случае, наблюдается полное непонимание друг друга, за которым могут следовать обиды и вербальные дуэли в виде "эмоциональных ударов" или провалов в общении и в его прерывании.

Общеизвестны следующие примеры:

1. Американцы, как правило, очень приветливы с иностранцами в первой встрече, но при последующих встречах общаются с ними уже без прежних эмоций, которых ожидают от них инокультурные партнеры. Это обескураживает последних и приводит к их ситуативному замешательству, неловкости.

2. В отличие от русской речевой культуры, американцы, согласно национальным правилам, всегда должны быть оптимистичны, радостны, они не должны жаловаться. В правилах их эмоциональ-

ной (а)вербалики постоянная демонстрация оптимизма, успешности, энтузиазма, патриотизма, здоровья. Для русскоязычных партнеров это правило создает определенные коммуникативные проблемы в общении с американцами.

3. В американской традиции – открытость и эмоциональная поведенческая интерактивность. Сами они эти национальные правила объясняют многочисленными стрессовыми ситуациями в их мегаполисной жизни. Через (а)вербальную шумность, эмоциональность они снимают эту стрессовость и такая внутрикультурная норма их общения друг с другом переносится ими на инокультурных партнеров.

4. К эмоциональным проблемам МКК относится и проблема интерференции прагматики отправителя и получателя, которые, как правило, могут не совпадать из-за того, что значения слов находятся не в языке, а в головах коммуникантов, на которые влияют их сердца (т.е. их эмоции): поэтому при общей упаковке одни и те же соотносительные слова у межкультурных коммуникантов всегда означают не одно и то же и особенно в области эмотивных коннотаций, передаваемых и воспринимаемых слов и ФЕ (friend и друг, страх и Angst, When pigs fly, Когда рак на горе свиснет).

5. Национальное варьирование эмоции как базовой межкультурной ценности по шкале «контролируемость (скрытость) – неконтролируемость (открытость)» тоже не может не оказывать воздействия на успешность межкультурного общения. Потому в целях ин(а)культурации все правила, регулирующие эмоциональное речевое поведение в различных культурах, должны быть изучены и описаны не только в целях лингвокультурологии, но и в лингводидактических целях.

Т.В. Ларина в качестве примера-аргумента этой эмоциональной проблемы приводит разное использование принципа Вежливости разноязычными речевыми партнерами. Это – серьезная проблема эмоциональной ин(а)культурации русских

и англичан [Ларина 2003].

Поскольку в процессе межкультурного общения коммуниканты используют не только язык слов, но и язык тела, т.е. невербалику, то её культурные различия тоже создают специфические эмоциональные проблемные зоны: мимические, фонационально-просодические и жестовые.

При отсутствии соответствующей авербальной компетенции в этой сфере у межкультурных партнеров возникают неадекватные эмоциональные речевые реакции, снижающие эффективность (прагматику) их общения. Прежде всего, назову социальную улыбку англичан и американцев. С моей точки зрения, представителя русской культуры, они слишком много улыбаются. Семантика улыбок у русских и американцев различна: у русских – это искренняя радость, симпатия, добродушие, а у американцев – демонстративная вежливость к речевому партнеру и самопрезентация.

Особое внимание в последнее десятилетие в рамках гендерной лингвистики уделяется разнополым коммуникантам. Установлено, что гендерный фактор всегда препятствует однозначному взаимопониманию вообще, а в их эмоциональном общении, в частности, и, особенно, в МК общении. Например, во франкокультурных правилах языка тела мужчины используют эмоциональную мимику чаще, чем женщины. Так установлено, что муж-

ская улыбка там чаще сигнализирует об эмоции радости, а у француженок помимо этой эмоции, еще и эмоцию грусти или гнева. В случае улыбки под прессом гнева и печали у француженок она выполняет функцию защитной реакции, смягчающей нервно-психическое состояние речевого партнера и помогающая «спрятать» истинную эмоцию. Зато своими глазами француженки способны выразить всю гамму человеческих эмоций, на что их мужчины не способны. (Вспомним для сравнения 80 семантик улыбки Анны Карениной, описанных Л.Н. Толстым).

И последнее: общее содержание сообщения достигается, как известно, совокупностью лингвистических и паралингвистических, в том числе, и невербальных средств. Поэтому в научающей ин(а)культурации наступила пора при обучении иностранному языку научать всем субкомпетенциям: лингвистической, страноведческой, культурологической, эмотивной / эмоциональной и авербальной (паралингвистической). Только на их совокупной базе возможно формирование истинно коммуникативной компетенции, позволяющей ускорить ин(а)культурацию и инсоциализацию обучаемого.

Решение этой методологической задачи требует разработки новых учебно-методических проектов и новых лингвокультурологических справочников предписывающего типа.

Список литературы

1. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
2. Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е. Словарь языка русских жестов. – М. - Вена: Языки русской культуры; Венский славистический альманах, 2001. – 256 с. – (Язык. Семиотика. Культура).
3. Ларина Т.В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах: Монография. – М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2003. – 315 с.
4. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 512 с. – (Язык. Семиотика. Культура).
5. Леонтович О.А. Россия и США: Введение в межкультурную коммуникацию: Учеб. пособие. – Волгоград: Перемена, 2003. – 399 с.

6. *Сорокин Ю.А.* Этническая конфликтология (Теоретические и экспериментальные фрагменты) – Самара: Русский лицей, 1994. – 94 с.
7. *Сорокин Ю.А.* Переводоведение: Статус переводчика психогерменевтические процедуры. – М.: Гнозис, 2003. – 158 с.
8. *Стернин И.А.* Общие особенности коммуникативного поведения народа: реальность или фикция? // Язык, сознание, культура, этнос. – М., 1994. – С. 105-118.
9. *Шаховский В.И.* Гуманистическая методология обучения английскому языку в Англии // Иностр. языки в школе. – №1, 1995. – С. 53-56.
10. *Шаховский В.И.* Эмоциональная / эмотивная компетенция в межкультурной коммуникации // Коммуникативные исследования–2003: Современная антология. – Волгоград, 2003а. – С. 55–64.
11. *Шаховский В.И.* Эмоции – мотивационная основа человеческого сознания // Языковое бытие человека и этноса. – М. – Барнаул: АГУ, 2003б. – Вып. 6. – С. 215–222.
12. Эмотивный код языка и его реализация. – Волгоград: Перемена, 2003. – 175 с.
13. Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности. Сб. науч. тр. – Волгоград, 2004. – 248 с.
14. *Sternina M., Sternin I.* Russian and American Communicative Behavior. – Voronezh, 2003. – 94 p.

УДК 801.73

В.Г. Красильникова

МЕТАЛИНГВИСТИКА МОДЕРНИЗМА: М.М. БАХТИН И ДЖ. ДЖОЙС

Статья посвящена анализу ситуации в художественной литературе модернизма, в которой диалогические концепции определили эстетико-культурологическое мышление XX века. На примере литературных произведений модернизма в лице наиболее значительных его представителей – А. Белого, Дж. Джойса, В. Вулф и Х. Кортасара – герменевтически интерпретируются четыре композиционных уровня металингвистики.

Ключевые слова: диалог, металингвистика, модернизм, художественный метод

В первой половине XX века мировая философская мысль обновилась совершенно новым мироощущением: практически одновременно в разных странах появились и образовали свои школы самостоятельные оригинальные теории с единой исходной посылкой – диалогом. Отталкиваясь от неокантианства Марбургской школы Г. Когена, феноменологии Э. Гуссерля и исследования Р. Гирцеля о диалоге, диалогические концепции определили эстетико-культурологическое мышление всего века.

Среди теоретических построений Аби Варбурга (1866 – 1929), разрабатывавшего в 1900-е годы нелинейный исторический метод «диаκριтической иконологии» (конфликтный характер мета-контактов в толковании символов), «Я и Ты» (1922) Мартина Бубера (1878 – 1965), представлявшего бытие как глобальный диалог между богом и человеком, человеком и миром, «Язык и реальность» (1969) Ойгена Розенштока-Хюси (1888 – 1975), работы русского философа, текстолога и литературоведа Михаила Михайловича Бахтина (1895 – 1975) «Проблемы поэтики Достоевского» (1929), «Автор и герой в эстетической деятельности» (1924), «Проблемы содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» (1924), «Слово в романе» (1934 – 1935) наиболее полно и целостно передают суть диалогического мировоззрения.

Исходя из приоритета прозы как самой

динамичной, внеофициальной и наименее ангажированной части культуры М. М. Бахтин доказывает, что роман и именно полифонический стал воплощением прозаического идеала. В ряде основных критериев полифонического романа: карнавализации, амбивалентности, гротеска, внутренне диалогизированного слова – понятие металингвистики является ключевым. Высказывание, которое должна изучать металингвистика, – это монада литературно-художественного процесса, интонационно окрашенное и интенционно обусловленное связующее звено между культурами, эпохами и жанрами: «Всякое конкретное высказывание – социальный акт. Будучи даже единичным материальным комплексом – звуковым, произносительным, зрительным, высказывание в то же время – часть социальной действительности. Оно организует общение, установленное на ответную реакцию, само на что-то реагирует; оно неразрывно вплетено в событие общения. Его единичная действительность есть уже не действительность физического тела, а действительность исторического явления» [Медведев 1993: 134].

Высказывание концентрирует основную идею диалога: оно говорит не «о ком-то», оно обращено «к кому-то». Именно этот вектор, этот выход за границы законченности и закрытости слова М.М. Бахтин и рекомендовал изучать будущим металингвистам. К сожалению, фундамент науки, заложенной русским философом,

остался невостребованным: его идеи до сих пор не получили должного воплощения [Рябцева 2006: 61 – 62].

Интересно, что теоретически неоформленная и поныне, металингвистика существовала уже в начале XX века в произведениях (а именно текст полагался М.М. Бахтиным в основу диалогической концепции) русского модерниста Андрея Белого и ирландца Джеймса Джойса (1882 – 1941). Периодически обращаясь в своих работах к хронологу творчества А. Белого и посвятив несколько лекций, прочитанных в начале 20-х годов, А. Белому и Вяч. Иванову (теорию символизма ученик М.М. Бахтина В.С. Библер в своей книге «Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры» (М., 1991) считает одним из истоков диалогического мышления М.М. Бахтина), М.М. Бахтин, тем не менее, прошел мимо полифонических и металингвистических инноваций модернизма.

Гораздо последовательнее в исследованиях был испанский философ и социолог Хосе Ортега-и-Гассет (1883 – 1955), еще недостаточно осмысленный нами диалогический мыслитель. В работе «Дегуманизация искусства» (1925) Ортега теоретизировал художественное миропонимание модернизма («нового искусства» в его терминах), в «Восстании масс» (1929) диагностировал кардинальные изменения в социальной психологии и мышлении человека XX столетия и, наконец, в труде «Человек и люди» (отдельные главы – 1939 г., полностью – 1956 г.) пришел к выводу, полностью совпадающему с идеями М.М. Бахтина: «...мы убеждаемся в своем я после того и благодаря тому, что узнали тех, кого называем ты...» [Ортега-и-Гассет 1991: 376].

Подчеркнем, что, как и М. Бахтин, исследуя специфику интересубъектных отношений, Х. Ортега-и-Гассет подчеркивал актуальность металингвистического метода, который он называл «теорией речений»: «...слово же становится словом не когда оно произнесено, а когда оно услышано. Произносящий старательно артику-

лирует звуки, фонемы, которые до этого он уже слышал в чужом произношении. Таким образом, в сложившемся языке важен, прежде всего, звук услышанный, а сам звук – явление акустическое» [Ортега-и-Гассет 1991: 460].

Нам представляется весьма существенной закономерность, что в генезисе диалогического мировоззрения двух выдающихся философов XX века исходной точкой был модернизм. Исходя из постулата М.М. Бахтина о конкретном тексте как историко-литературном средоточии всех прошлых и будущих текстов, охарактеризуем металингвистику модернизма в произведениях наиболее значительных его представителей: Андрея Белого, Джеймса Джойса, англичанки Вирджинии Вулф (1882 – 1941) и аргентинца Хулио Кортасара. В романах этих модернистов можно выделить четыре композиционных уровня металингвистики.

Первый уровень – архитектурный. В «Улиссе» (1922) Дж. Джойса векторы диалогических отношений как центростремительны (замкнуты в континууме романа), так и центробежны (коррелируют со всей предыдущей литературой): первые детерминированы взаимоотношениями восемнадцати глав, наделенных собственной индивидуальной музыкой, цветом и символом-лейтмотивом; вторые проявляются в пародийной (условие для любого диалога по М. Бахтину) стилизации целых глав под эпос, романтизм, бульварную литературу, дамский роман или газетные штампы. К тому же любое действие и событие «Улисса» аллюзирует к гомеровской «Одиссее».

Дж. Джойс впервые применил метод одновременности происходящего. В 1925 году в романе «Миссис Деплоуэй» В. Вулф, явно апеллируя к «Улиссу», дает «поперечный срез» жизни лондонского Уэст-Энда в один из июльских дней 1923 года (восьмисотстраничное действие «Улисса» уложено в 16 июня 1904 г.).

Этот художественный метод одновременного изображения многих событий Х.

Кортасар в романе «Книга Мануэля» (1973), произведении, во многом теоретически резюмирующем модернистские находки, определил так: «Линейное повествование разбилось на куски из-за множества синхронных событий» [Кортасар 1994: 183].

Второй уровень – стилистический. Поток сознания главных героев «Улисса», «Миссис Деллоуэй», «Книги Мануэля» и «Петербурга» (1913) А. Белого, зародившись в эмбрионах внутреннего монолога XIX века, в начале века XX достиг вершин внутреннего диалога, который с помощью аллюзивного метода реминисценций и цитат связывает мышление персонажей с предшествующей литературой, дает оценку прошлому с позиции настоящего и одновременно сегодняшней день проверяет мышление вчерашним. Для этого в романах широко используется прием перебоя мыслей и прием параллельного развертывания двух рядов мыслей, а также передачи слитности потока сознания с автоматически совершаемыми действиями.

Диалог охватывает не только литературный контекст, но и взаимодействует с конгениальным читательским мировоззрением. Метод «моста» (термин Х. Кортасара) разворачивается по схеме реминисценция – диалогическое опосредование в сознании персонажа – апелляция к интеллекту читателя.

Третий уровень – вербальный. В постмодернистских, итоговых для авторов, романах «Поминки по Финнегану» (1939) Дж. Джойса, «Волны» (1931) В. Вулф, «Москва» (1939) А. Белого практически нет ни одного монологически твердого,

неразложенного слова. Крайняя и острая внутренняя лингвистическая диалогизация реализуется в дериватах, состоящих из основ двух и более слов, иногда разных языков, оноματοпэтике, построенной на звукоподражательных элементах, и символах, тяготеющих к организации симулякров как универсальных моделей мира. Подобный металингвистический код Х. Кортасар назвал «экофоном» – экономией фонем.

Четвертый уровень – персонажный. Модернизм дал мировой литературе совершенно новый тип героя, отбросившего маску «дель арте» и архетипов, переросшего маленького человека предыдущей литературы и воплотившего на принципах амбивалентности и гротеска героя нынешней эпохи – среднего человека (everyman по Дж. Джойсу, человек «масса» по Х. Ортеге, и человека пограничья культур по В. С. Библеру). Этот персонаж органически совмещает в себе совершенно противоположные психологические, национальные, религиозные и мировоззренческие характеристики, проявляя каждый раз новую черту в сменной ситуации (в полном соответствии с его потоком сознания).

Эти художественные открытия модернизма определили лицо всей мировой литературы XX века и, мы полагаем, истоки как диалогических теорий, так и гуманитарного разума (переакцентировки с познания на культуру, по В. С. Библеру) надо искать именно в текстах Дж. Джойса, А. Белого, В. Вулф, Х. Кортасара и других модернистов, создававших металингвистику еще до того, как она получила теоретическое оформление в философии.

Список литературы

1. *Кортасар Х.* Книга Мануэля // Иностранная литература. – 1994. – № 3. С.176 – 194.
2. *Медведев П.Н.* Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику (Бахтин под маской. Маска вторая). – М.: Лабиринт, 1993. – 208 с.
3. *Ортега-и-Гассет Х.* Дегуманизация искусства. – М.: Радуга, 1991. – 640 с.
4. *Рябцева Н.К.* Металингвистика: новое направление в языкознании // Актуальные задачи лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации: Сб. научн. ст. – Ульяновск: УлГТУ, 2006. – С.60 – 65.

УДК 81'23 + 81'38

А.А. Боронин

ПОНЯТИЕ СТИЛЬ В ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

В статье даётся предварительное осмысление понятия «стиль» с психолингвистических позиций. Для точного выявления стилевых черт индивидуальной или коллективной языковой личности подчеркивается необходимость интерпретации как речевой нормы, так и «дефектных» отклонений от неё, как текстов, так и текстоидов. В работе вводится понятие «лакунарный диегезис».

Ключевые слова: стиль, анхистоним, дефектный языковой/речевой материал, лакунарный диегезис, текстоид.

*Вот и три гранитных валуна, а над ними всё гуще сплетается вишенник.
Здравствуй! Я вернулся и знаю: где-то рядом со мной твоя душа.*

Глеб Арсеньев

“The Apple-tree, the singing, and the bird.”

Некоторым дано жить в своем собственном времени. Эту современность самому себе рискнем рассматривать как стиль, то есть мы допускаем, что категория стиля – вневременная по своей сути. Человеком со своеобразным, ярким стилем мышления, стилем передачи нетривиальной мысли был Юрий Александрович Сорокин. Он одновременно жил вне своего времени и отражал его. Стиль работ Юрия Александровича иероглифичен (возможно в формировании этой стилеобразующей черты сказались глубокое знание и искренняя любовь к китайской культуре): отдельно и четко выписанные семантические детали образуют общий смысловой рисунок – это рисунок одновременно и закончен, и эскизен, так как внутренняя диалогичность авторского слова приглашает читателя к соразмышлениям.

Ю.А. Сорокин экспериментировал со словом, создавая особый рабочий мета-язык, который и позволял четко прорисовывать семантические детали, синтезирующиеся в единую сверхидею, в тот самый рисунок, который может оказаться и лакуной, если быть нечувствительным к

диалогичности работ учёного – они требуют достраивания, контртекста (контртекста в понимании А.И. Новикова, но и в более широком понимании), словом, того процесса, который в несколько раз усиливает эвристическую ценность прихотливо оречевлённого Ю.А. Сорокиным ментального узора. Юрий Александрович очень любил художественную литературу, будь то проза или поэзия. Он с искренним интересом исследовал литературные тексты и сам искал себя в художественном слове, которое по своим исходным основаниям не может быть отделено от категории стиля. Именно к ней мы и обратимся в этой статье, вспоминая учёного по призванию – Юрия Александровича Сорокина.

Если вспомнить широко известное изречение Бюффона о том, что стиль есть сам человек, то вопрос о правомерности психолингвистического взгляда на эту категорию отпадает сам собой. Вместе с тем, мало признать антропоцентричность той или иной предельной либо частной категории, важно определить их сущность, выявить их онтологию. Решение последней задачи осложняется тем, что

стиль как многомерное явление, как «термин-понятие» [Стилистический энциклопедический словарь русского языка 2003: 508] определяется через многостороннюю параметризацию. Практически каждое серьёзное исследование отдельных параметров стиля может завершиться созданием самодостаточной и, в определённом смысле, довольно полной картины, отображающей сущностные черты стиля как абстрактного понятия и стиля как характеристики обследованного эмпирического материала.

«Ориентировочное» определение рассматриваемого явления сформулируем следующим образом: стиль – это результат осознанного/неосознанного (полуосознанного) выбора способов и приёмов осуществления того или иного вида деятельности. Деятельность как совокупность действий, скоординированных между собой в соответствии с поставленной целью, есть *процесс*. Определение стилистических черт связано с минимальным порогом длительности процессов. Последнему условию отвечают текстопорождение и текстовосприятие, исследование которых формирует отдельное направление в психолингвистике, делающее важный шаг к определению стилистических черт создания и интерпретации словесных сообщения разных жанров. Так, психолингвистический эксперимент может указать на отдельные стилистические особенности индивидуальной или коллективной языковой личности, проявляющиеся в ходе интерпретации текстов (см., например, [Новиков 2007]).

При определении стилистических черт текстопорождения должен учитываться не только «положительный», «конструктивный» языковой/речевой материал, но и «отрицательный», «дефектный», ибо стиль с антропофильных, толерантных позиций допустимо рассматривать отдельно от телеологических, прагматических и ортологических оснований (о пользе «внеортологического» рассмотрения стиля свидетельствует то обстоятельство,

что языковая системность «переплавляется» в речевую системность либо, выразимся несколько по-другому, дополняется речевой, альтернативной системностью, позволяющей говорить о стиле языковой личности). Наглядными примерами «дефектного» речевого материала могут служить метафоры, искажающие реальное положение дел, уводящие от реальности (*пирамида ценностей*), переводческие неудачи (*Сделав для растений доступным секс на расстоянии, пыльца и в конечном итоге цветы спровоцировали мощное видовое разнообразие – некогда коричневая планета стала, как уже говорилось, сначала зелёной, а затем красной, желтой, белой, оранжевой и так далее.* /National Geographic Россия, 2009, декабрь, с. 133/), совокупности текстов, относящиеся к разным дискурсивным типам (несть числа дефектным рекламным текстам, включая креолизованные) и жанрам (см., например, их анализ в [Сорокин 2008: 161 – 164], беллетристические лакуны [Селиванова 2004: 317]) (так, А. и Б. Стругацкие дают противоречивое описание пальцев Лавра Федотовича Вунюкова в своей «Сказке о тройке») и им подобные неинтенциональные деструкции в текстах других жанров:

В Подмоскovie почти на 18% увеличилось число уголовных дел о коррупции, возбужденных в отношении местных чиновников. На 26% больше дел по сравнению с 2008 годом направлено в суды, сообщил глава следственного управления СКП РФ по Московской области Андрей Марков. ...

Маркин отметил, что допускаются злоупотребления в части права граждан и юридических лиц выкупать земельные участки, на которых расположены их строения, в собственность по 10-кратной ставке земельного налога, то есть по существенно меньшей цене, чем кадастровая и рыночная стоимость. (Подмосковная Правда, № 6 (607), 11 февраля 2010 года. Мена анхистонимов выделена нами – А.Б.)

Стоить особо выделить тот факт, что дефектность языкового/речевого материала может выделяться субъективно, по наитию, то есть она не всегда бесспорна. В оценке вербальной единицы разной степени сложности важную роль играют социокультурный контекст, характер коммуникативной ситуации. В одной из своих работ Ю.А. Сорокин анализирует амбивалентность (этот признак упоминается им неоднократно) ряда анхистонимов и образуемых ими ономастических сочетаний [Сорокин 1978] (Ср.: студентка Дериглазова Ирина Сергеевна, студентка Гиря Оксана Владимировна, генеральный директор ООО «Янтарный полимер» А.Г. Золотопуп). Нам представляется, что в ряде случаев амбивалентность имени может распространяться и на процесс, становясь специфической стилеобразующей чертой того контекста, в котором данная вербальная единица актуализируется. При этом её амбивалентность заключается в создании сверхпризнака («комическое»), с одной стороны, и в приписывании признака (возможно, причём часто, и квазипризнака) дефектности, с другой стороны. См. следующие анхистонимы (Мы признательны кандидату философских наук, докторанту МГОУ А.М. Сологубову за предоставленные в наше распоряжение материалы, составившие данный список фамилий абитуриентов. Термин анхистоним понимается нами расширенно, то есть не только как автор письменного текста, но и как потенциальный автор любого текста или текстоида.):

База
 Барабан
 Безе
 Беспрозованных
 Богомол
 Божедомов
 Бомбина
 Бугай
 Втюрина
 Грудева
 Девочкина
 Дынька

Жарко
 Желудок
 Жило
 Жлоба
 Заяц
 Камыш
 Кейс
 Кишкин
 Ключко
 Кметь
 Колб
 Корж
 Король
 Кострица
 Кривонос
 Кривоногов
 Круглик
 Крутько
 Кубсорока
 Кузнечик
 Курильчик
 Лисица
 Лопаног
 Малина
 Малышко
 Мамина
 Масло
 Махатая
 Могильда
 Молибога
 Моль
 Мошонкина
 Музыка
 Наливайко
 Недоруба
 Ненахов
 Непушкина
 Обрубова
 Ожог
 Окорокова
 Перебейнос
 Пивовар
 Письменный
 Плаксий
 Плевако
 Пляскина
 Подобед
 Принц
 Пузач

Пузик
 Пух
 Разводов
 Рай
 Рак
 Ремесло
 Родина
 Роот
 Самоделко
 Седьмая
 Серебро
 Сивоглаз
 Сиводед
 Симутите
 Скачѣк
 Смородина
 Сыроед
 Теляк
 Толстокорова
 Топор
 Уколов
 Усѣнок
 Хорошун
 Червяковский
 Чернуха.

Возникновение или усиление стилеобразующего признака может быть создано через преобразование контекста. Данная операция в отдельных случаях берёт на себя делимитирующую функцию (о феноменах сегментации и делимитации см. [Боронин 2009]), создавая предпосылки для очерчивания границ семиотических миров, психологического «отделения» реального от возможно вымышленного. Единицы реального становятся теми точками семиозиса, которые, соединяясь, образуют не одномерную, а многомерную дискурсивную фигуру. Ср.:

(абитуриенты) Белокозова и Чернокоз
 (абитуриенты) Девяткин, Седьмая и Семерня
 (абитуриенты) Редозубов и Чипизубова
 (абитуриенты) Окрушко и Опрышко
 (абитуриенты) Кривонос и Перебейнос
 Абитуриент(ка) Малышко и студент Малышкин.

Студенты Илья Илюхин и Артём Артеменко.

Приведённые примеры анхистонимов отчасти показательны и в ином плане. Так, особая стилевая/стилистика классификация характера текстопорождения, имеющая не столько дихотомический характер, сколько предполагающая нежесткое (согласное тенденции в степени проявления признака) противопоставление классифицируемых объектов, основывается на характере соотнесения создаваемого текста с действительностью. Имеется в виду, прежде всего, содержательное (содержательно-смысловое) соотнесение с действительным миром. На основе этого признака могут выделяться речевые произведения, в создании которых ключевую роль играют мимезис либо диегезис (определения этих терминов см. в [Селиванова 2004: 326, 319]).

Говоря о явлениях мимезиса и диегезиса, нельзя не обратиться к понятию «концепт». Концепт видится нам как *узловое* смысловое образование, рождаемое при переплетении воспринимаемых субъектом языковых и внеязыковых значений, при восприятии семиотических объектов как априори лакунизированных сущностей. Таким образом, порождение концепта – это заполнение частных, партикулярных лакун, лакунарное наложение, сопровождаемое ощущением творческой полноты (креативная делакунизация). Концепт обладает двойственной природой – он включен в действительный мир, более того, порождается реальностью, но в то же время он в некотором смысле дистанцируется от нее, существуя будто бы параллельно и статично (диегетическая сторона концепта). Однако в данном случае речь идет о принципиально иной разновидности диегезиса, который неинтенционален и не подвержен вербальному/текстовому овнешнению. Следовательно, можно говорить об особом явлении – лакунарном диегезисе, соотносимом с лакунарной ментальной подструктурой проекции текста [Боронин 2007] (видимо, лакунарность *per se* может быть индивидуальной стилевой чертой текстопорождения, см. [Репи-

на 2005]) – своеобразном текстовом концепте/макроконцепте. При этом необходимо отметить, что диегезис, взятый в отношении к абстрактному концепту, является несемiotическим, не подверженным разложению на составляющие и вербально не фиксируемым синтетическим ментальным образованием. Лакунарный диегезис, лежащий в основе конструирования лакунарной ментальной подструктуры проекции текста, может быть семиотическим, релевантным для акта интерпретации.

К стилеформированию относится и способ оценки фактов/квазифактов. К последним относятся единицы, имеющие мифологическую природу, но – в силу своей широкой распространённости – разделяющие с фактами роль личностных ориентиров в окружающей действительности; к особому подвиду квазифактов можно отнести неverified факты, ставшие семантическим «остовом» в тех или иных дискурсивных разновидностях (например, в историческом дискурсе).

Так, антропофильная история – это цепочки речевых и неречевых микрособытий, замеченных/осознаваемых (полуосознаваемых) личностью. Переломные событийные моменты, внешне изменающие жизненные векторы индивидов, допустимо помыслить как проявления альтернативной (макросистемной, антропоцентрической) субъектности. Её обнаруживают следующий и подобные ему тексты-рефлексивы: «Мы все спим и видим общий безумный и бессмысленный сон» (Е. Гришковец. «Аргументы и факты». – 2009. – № 51. – С. 58). Речевые и неречевые микрособытия уместно уподоблять невидимым глазу микроорганизмам в почве, из которых произрастают мощные «деревья» – объекты пристального внимания антропоцентрической/социоцентрической истории (случается, что историк-демиург поддается соблазну описать химерическое дерево, исторический мираж – так антропоцентрическая история выращивает сказочные леса, окутанные то синим ностальгическим

туманом, то черными клубами дыма от костров, разжигаемых политической инквизицией). Основным признаком активизации альтернативной субъектности является калейдоскопичность как индивидуальное впечатление от восприятия окружающей реальности, когда (невольному) наблюдателю вменяется в обязанность не частно-семантический, а концептуальный (обобщённый) анализ порождаемого текста (корпуса текстов). Таким образом, повышается значимость дискурсивного восприятия текстов (его черты: интертекстуальность, лакунарность, языковая/речевая толерантность и прочие).

Если принять за существенное утверждение положение о том, что стиль проявляет себя в способе оценки фактов и/или квазифактов, то для стилиста неизбежно обращение к «аксиологикону» – совокупности оценок, к которой относятся, «разветвляясь и переплетаясь, суждения самого разнородного/ разнофокусированного порядка: начиная от прецедентных и кончая стереотипизированными» [Сорокин 2008: 56]. И далее следует меткая, ёмкая характеристика этих суждений: «Они – парадоксальны: правдивы и лживы, точны и неточны, справедливы и несправедливы, но они – зеркало, в котором видят и самих себя, и других» [там же]. Изучение аксиологикона позволяет «измерить социальную температуру» в том случае, если объектом оценки становится общественно значимые явления автохтонного порядка, иными словами, в случае авторефлексивности и (непредельной) обобщённости аксиологикона.

Если понимать стиль речи как «ситуативно обусловленный стереотипный способ осуществления вербальной коммуникации как целенаправленной человеческой деятельности на основе общественно осознанного выбора коммуникантом определённых языковых средств и принципов их интеграции в речи, тексте» [Селиванова 2004: 332], то придется учитывать стабильность выражения коммуникативно значимых смыслов как в индивидуальном,

так и в социальном аспектах. Оба аспекта сопрягаются в текстоиде как специфической речевой единице (ср.: *Я сейчас в милицию позвоню/ милицию вызову...* О текстоидах см. [Боронин 2009: 298 – 299]), использование которой позволяет контекстуально модулировать определённое социально закреплённое содержание. Характер этих коммуникативно-ситуативных

модуляций и будет определять стиль общающегося человека.

Дальнейшее осмысление понятия «стиль» в психолингвистическом ключе возможно через синтез результатов прикладных исследований (экспериментальная психолингвистика текста) и теории коммуникации, особенно тех её разделов, которые связаны с интерпретацией текста.

Список литературы

1. *Боронин А.А.* Лакунарная ментальная подструктура как часть проекции художественного текста // Журнал Международного института чтения им. А.А. Леонтьева № 7. Секция «Психология и педагогика чтения» Российского психологического общества – 20-летию Ассоциации исследователей чтения (Материалы 11-ой Международной научно-практической конференции по психологии и педагогике чтения «Чтение и письмо: междисциплинарный подход к исследованию и обучению», 30 ноября 2007 г., Москва). Ч.1. / Ред.-сост. И.В. Усачёва, Е.В. Лазарева. – М.: НИЦ ИНЛОККС, 2007. – С. 14–15.
2. *Боронин А.А.* Психолингвистическое обоснование сегментации и делимитации текста // Язык и сознание: психолингвистические аспекты. Сборник статей / Под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. – М. – Калуга: Издательство «Эйдос», 2009. – С. 289 – 306.
3. *Новиков А.И.* Текст и его смысловые доминанты / Под ред. Н.В. Васильевой, Н.М. Нестеровой, Н.П. Пешковой. – М.: Институт языкознания РАН, 2007. – 224 с.
4. *Репина П.А.* Неопределённость и недоговорённость в диалогах Ф.М. Достоевского // Проблемы и методы современной лингвистики. Сборник научных трудов. Вып. 1/ Институт языкознания РАН. – М., 2005. – С. 171 – 173 (Электронный ресурс: <http://iling-ran.ru/index.php?part=674>)
5. *Селиванова Е.А.* Основы лингвистической теории текста и коммуникации / Монографическое учебное пособие. – Киев: Брама, Изд-во Вовчок О.Ю., 2004. – 336 с.
6. *Сорокин Ю.А.* Маскулинные образы в киргизской лингвокультуральной среде (азиаты и европейцы) // Образ России: извне и изнутри. Сборник статей / Под редакцией Е.Ф. Тарасова (отв. редактор), Н.В. Уфимцевой, Е.А. Аршавской. – Калуга: Издательство «Эйдос» (ИП Кошелев А.Б.), 2008. – С. 55 – 60.
7. *Сорокин Ю.А.* Неканоническая русистика: (Статьи, заметки, реплики). / Отв. ред. д.ф.н. А.П. Юдакин. – М.: Ариадна, 2008. – 173 с.
8. *Сорокин Ю.А.* Факторы амбивалентности и комизма и м е н и // Функционирование текста в лингвокультурной общности. – М.: типография ВАСХНИЛ, 1978. – С. 95 – 101.
9. *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* / Под ред. М.Н. Кожинной. Члены редколлегии: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сковородников. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 696 с.

УДК 81'23

Е.С. Никитина

ПОРОЖДЕНИЕ-ПОНИМАНИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В РАКУРСЕ КОММУНИКАТИВНОЙ ПАРАДИГМЫ

В статье проводится сопоставление характеристик процесса порождения-понимания речи, описываемых в деятельностном подходе изучения коммуникации и аксиом коммуникации, фиксирующих некоторые ее простые свойства в парадигме общей теории систем. Анализ выявил не соответствие структур коммуникативных процессов, хотя интуитивно кажется, что речь идет об одном и том же объекте изучения – знаковой организации сознания в процессах коммуникации. Из этого можно заключить, что только конфигурирование подходов в описании такого сложного образования как языковое сознание может давать более или менее истинную картину его строения и функционирования.

Ключевые слова: порождение, понимание, высказывание, текст, аксиомы, коммуникация, деятельностный подход, диалогическая парадигма, виды речи, пространство и время коммуникации.

«Большая часть моделей порождения, описанных во второй половине Главы 5, является в то же время и моделями восприятия речи. Теория анализа через синтез не предполагает обязательно полного тождества семантических и грамматических операций при порождении и восприятии речи. В последнем непременно участвуют эвристические приемы».

А.А. Леонтьев

«Научиться говорить – значит научиться строить высказывания».

М.М. Бахтин

В теории коммуникации принят ряд аксиом, которые описывают некоторые простые свойства коммуникации. Проследим, как эти аксиомы сочетаются с психолингвистическими моделями порождения и восприятия речи. В качестве иллюстративного материала воспользуемся работой Горелова И.Н., Седова К.Ф. Основы психолингвистики: Учебное пособие – М.: Лабиринт, 4 изд., 2005. Почему мы выбрали это пособие, а не какое-либо другое, коих уже насчитывается более десятка? В аннотации к книге говорится, что книга стала интеллектуальным бестселлером, что книга может использоваться как источник расширения и углубления знаний, а также, что она в доступной (по возможности даже веселой) форме излагает основы отечественной психолингвистики, – «при этом не упрощая и не уменьшая тео-

ретической глубины концепций и гипотез» [Горелов, Седов 2005: 3].

Итак, в первой аксиоме утверждается, что не вступать в коммуникацию невозможно. «Активность или пассивность, слова или молчание – все это передает информацию: влияет на других людей, которые, в свою очередь, не могут не ответить на эту коммуникацию и, следовательно, сами в нее вступают» [Вацлавик 2000: 57].

«Высказывание стимулируется *мотивом* данного акта речевой деятельности (Для чего, с какой целью я говорю?), а предварительно у говорящего должна быть сформирована установка на общение в целом (ее нет, например, во сне)» [Горелов, Седов 2005: 78].

Аксиома утверждает, что жизнь – это партнер, которого мы принимаем или от-

вергаем. Этому экзистенциальному партнеру, и, возможно, даже в большей степени, чем людям-партнерам, человек раскрывает самое себя, сообщает свое представление о себе самом и затем пытается понять, насколько подтверждается это представление. От этого партнера человек пытается получить какие-то намеки и подсказки относительно того, какова «реальная» природа их отношений. Сон здесь также не является исключением. Если вы видите сны, то можете вспомнить и спонтанные коммуникативные ситуации, в которых общение происходило или в форме воспоминаний, или переживаний, или прогноза («вещий» сон).

А какой мотив нужен в ритуальном поведении, чтобы сказать: «Привет», «Примите мои соболезнования», «Извините», «До свидания», «Спасибо» и т.п.? Или, например, какой мотив лежит за годовым финансовым отчетом, чтением лекций, вынесением судебного решения, написанием романа, произнесением тоста и т.д.?

Если и находить мотивы за всеми этими видами речевых произведений, то, по крайней мере, необходимо иметь хоть какую-то классификацию мотивов человеческих коммуникаций: какие задачи решает человек, вступая в общение? Если теория коммуникации утверждает, что это есть способ человеческой жизни, т.е., общаться для человека так же естественно, как петь для птицы; если в Западной культуре нужно обучаться молчанию, при условии, что оно не есть акт добровольного наложения на себя наказания. Психолингвистика же просто констатирует факт, что вначале, вопреки Евангелическому тексту, лежит мотив.

Поэтому, «когда взаимодействие рассматривается как производное от индивидуальных «характеристик», таких как роли, ценности, ожидания и мотивы, композиция – двое или более взаимодействующих индивидов – является суммарным множеством, разложимым на более простые (индивидуальные) составные части. В противоположность этому, из первой

аксиомы коммуникации (любое поведение является коммуникацией, отсутствие коммуникации невозможно) следует, что коммуникационная последовательность является, как раз наоборот, неразделимой; коротко это можно сформулировать так: взаимодействие несуммарно» [Вацлавик: 156].

Вторая аксиома гласит, что в коммуникации не только передается информация, но она в то же время детерминирует поведение. Эти две операции называются описательным и побудительным аспектом коммуникации. «Каждая коммуникация содержит содержательный аспект и аспект отношений, так, что последний систематизирует первый и, следовательно, является метакоммуникацией» [Вацлавик: 63]. В начале было отношение, утверждает такой диалогист как Мартин Бубер.

А вот вторая стадия из программы превращения мысли в слово («вербализация») по психолингвистическому источнику: «Первичная стадия формирования высказывания – стадия **коммуникативного намерения**, которое реализуется в виде настроя на определенную типичную ситуацию социального взаимодействия людей – на конкретный речевой жанр, будь то жанр приветствия, комплимента, ссоры, доклада, болтовни и т.п. В зависимости от конкретной ситуации социального взаимодействия у него формируется общая установка на определенную интонационную тональность коммуникации, модальность речи (на кооперативное или конфликтное общение, на понимание или коммуникативный саботаж и т.п.). В этой же стадии в сознании говорящего образуется представление о цели (интенции, иллюзии) будущего высказывания (На какой тип общения я настраиваюсь?)» [Горелов, Седов: 79].

Во второй аксиоме утверждается, что побудительный аспект касается восприятия информации (содержания). И поэтому практически полностью относится к взаимоотношениям между людьми, находящимися в коммуникации. Эти отноше-

ния лишь иногда полностью осознаются. На самом деле, чем они более спонтанны и здоровы, тем более этот аспект отходит на второй план. Напротив, «нездоровые», конфликтные отношения характеризуются тем, что за природу отношений идет постоянная борьба, а содержательный аспект коммуникации становится все менее и менее важным.

Следующая базовая характеристика коммуникации касается взаимодействия – обмена сообщениями между коммуникантами. «Природа отношений зависит от пунктуации коммуникационных последовательностей между коммуникантами» [Вацлавик: 70]. О чем толкует эта аксиома? О том, что в каждой культуре существует множество пунктуационных норм, они не лучше и не хуже других способов оценивания происходящих событий, просто они помогают организовать коммуникационные последовательности. Как писал М.М. Бахтин: «Границы каждого конкретного высказывания как единицы речевого общения определяются *сменой речевых* субъектов, то есть сменой говорящих. Всякое высказывание – от короткой (однословной) реплики бытового диалога и до большого романа или научного трактата – имеет, так сказать, абсолютное начало и абсолютный конец: до его начала – высказывания других, после его окончания – ответные высказывания других (или хотя бы молчаливое активно ответное понимание другого, или, наконец, ответное действие, основанное на таком понимании). Говорящий кончает свое высказывание, чтобы передать слово другому или дать место его активно ответному пониманию» [Бахтин 1979: 250]. Эти отношения между целыми высказываниями не поддаются грамматикализации. Паузы между высказываниями носят диалогический характер, – за ними ожидается ответ или ответное понимание другого говорящего. Бахтин утверждал, что завершенная целостность высказывания, обеспечивающая возможность ответа, определяется тремя моментами, неразрывно связан-

ными в органическом целом высказывания. Это предметно-смысловая исчерпанность, речевой замысел или речевая воля говорящего и типические композиционно-жанровые формы завершения. «Этот замысел – субъективный момент высказывания – сочетается в неразрывное единство с объективной предметно-смысловой стороной его, ограничивая эту последнюю, связывая ее с конкретной (единичной) ситуацией речевого общения, со всеми индивидуальными обстоятельствами его, с персональными участниками его, с предшествующими их выступлениями – высказываниями. Поэтому непосредственные участники общения, ориентирующиеся в ситуации и в предшествующих высказываниях, легко и быстро охватывают речевой замысел, речевую волю говорящего и с самого начала речи ощущают развертывающееся *целое* высказывание» [Бахтин 1979: 256].

Однако на практике мы никогда не можем быть уверены ни в том, что другой обладает тем же объемом информации, ни в том, что другой обязательно сделает такие же выводы из этой информации. Решение вопроса о том, что является важным, а что нет, совершенно по-разному происходит у разных людей, причем есть основания предполагать, что критерии этого отбора находятся далеко за пределами сознания индивида. Поэтому, для того, чтобы взаимодействие протекало гладко и успешно, необходимо, чтобы каждый партнер был способен к децентрации, к пониманию точки зрения другого. Одним из механизмов такого взаимопонимания является метакоммуникация, то есть, когда сама коммуникация становится темой коммуникации. Участники должны все время выходить за пределы заданной ситуации, чтобы проверять, насколько они адекватны в понимании ее. Все это и включается в понятие пунктуаций коммуникации.

А что мы находим в психолингвистической модели? «От коммуникативного намерения процесс переходит к моменту

формирования *смыслового содержания* будущего высказывания (не только «для чего», но и «что именно буду говорить», начну с вопроса или с констатации?) в УПК (универсально-предметный код – Е.Н.) (по Жинкину). Это стадия общего *замысла*. Здесь формируется целостная (может быть, пока еще неотчетливая, диффузная) семантическая «картина» будущего высказывания: смысл, семантика уже есть, а конкретных слов и синтаксических структур еще нет» [Горелов, Седов: 79].

С позиции риторического канона в эту стадию попадают как инвенция, так и диспозиция материала. Да еще в схемном языке решается вопрос о типе предложений в высказывании («Вопрос или констатация?»). И все, вроде бы, совершается в одной голове (психолингвиста? – трудно представить то образование, где все это происходит) готовящей высказывание.

Четвертая аксиома гласит: «Люди используют как цифровой, так и аналогический способ коммуникации. Цифровой язык обладает чрезвычайно сложным и мощным логическим синтаксисом, но испытывает недостаток адекватной семантики в области отношений, в то время как у аналогического языка есть семантика, но нет адекватного синтаксиса для недвусмысленного определения природы отношений» [Вацлавик: 79]. Человек – единственный живой организм, о котором известно, что он использует как цифровой, так и аналогический способ коммуникации. Это означает, что в человеческой коммуникации на объекты можно ссылаться двумя способами: они могут быть представлены с помощью изображения (не вербально), либо с помощью имени. Аналогическая коммуникация более древняя, более надежная. Любая невербальная система, от жестикуляции до голосовых модуляций избыточна, пространственна, и всегда сопровождает коммуникацию цифровую. Два способа коммуникации не только существуют бок о бок, но и дополняют друг друга в каждом сооб-

щении. Причем, в зависимости от жанра, содержательные аспекты и аспекты отношений будут кодироваться в разных знаковых системах. Так, в живописи основное содержание передается аналоговым языком, а отношение – цифровым. Человек постоянно сочетает эти два языка, будучи одновременно и отправителем и получателем сообщения. Он постоянно «переводит» с одного языка на другой, сталкиваясь при этом с очень интересными дилеммами. Трудности перевода проявляются двояко: трудно не только перейти с цифрового способа на аналогический, не потеряв при этом массу информации. Но и обратный переход также чрезвычайно затруднителен: чтобы *говорить* об отношениях, нужно адекватно перевести информацию из цифровой в аналогическую форму коммуникации. Признанный мировым сообществом авторитет в области исследования когнитивных процессов Л.М. Веккер вообще называл мышлением только такие процессы перекодировки. Было экспериментально доказано, что «мышление как процесс представляет собой непрерывный обратимый перевод информации с языка симультанно-пространственных предметных гештальтов, представленных образами разных уровней обобщенности, на символически-операторный язык, представленный одномерными сукцессивными структурами речевых сигналов. Отдельная же мысль как структурная единица и результат мыслительного процесса в ее психологической специфичности представляет психически отраженное отношение как инвариант обратимого перевода с одного языка на другой» [Веккер 1976: 136]. Из этого с необходимостью следует, что оба языка участвуют на всех этапах мыслительного процесса, взятого в его собственно психологической специфичности. Рассогласованность же этих языков и запускает мыслительный (речевой) процесс. «Если на клетке слона прочтешь надпись «буйвол», не верь глазам своим» (К. Прутков).

Четвертый этап превращения мысли в

слово по Горелову и Седову выглядит так. «Сформировавшаяся внутренняя программа (замысел) начинает трансформироваться: начинает работать механизм **перекодировки, перевода** смысла с языка образов и схем на конкретный национальный язык – язык значений. Здесь появляется **первичная вербальная запись** будущего высказывания: ключевые понятия, предложения, обрывки фраз, которые несут ядерный (ремати́ческий) смысл. Первичный словесный конспект будущего высказывания, который возникает в сознании человека, наполнен личностными смыслами: первые вербальные образования (если их озвучить) понятны только самому говорящему» [Горелов, Седов: 79]. Главный вопрос здесь, **как и насколько** понятны вербальные образования самому говорящему?

И, наконец, в последней, пятой аксиоме коммуникации утверждается, что «все коммуникационные обмены являются либо симметрическими, либо комплементарными, в зависимости от того, основываются ли они на равенстве или на различиях» [Вацлавик: 83]. Невозможность не вступать в коммуникацию (первая аксиома) делает все ситуации, в которые включены два или более человек, межличностными. Позиции индивидов здесь – переменные в бесконечном множестве возможных значений, причем их величина не абсолютна, а может быть определена только относительно других. По-другому, паттерны поведения основываются на отношениях между партнерами, которые базируются на равенстве позиций в коммуникации или на отличие. В первом случае партнеры стараются скопировать поведение друг друга, и поэтому их отношения называются симметрическими. «Слабость или сила, нравственность или безнравственность не имеют здесь никакого значения, поскольку равенство может поддерживаться в любой из этих областей» [Вацлавик: 82]. Во втором случае поведение одного партнера дополняет поведение другого, формируя особый вид по-

веденческого *гештальта*, и такой тип взаимодействия называется комплементарным. Симметричные отношения характеризуются равенством и минимизацией различий, в то время как особенностью комплементарного взаимодействия является доведение различий до максимума. Природа этих отношений носит взаимозависимый характер, поскольку разные, но взаимодополняющие типы поведения подкрепляют друг друга. Здесь присутствует то, что М.Бубер называл «встречей». «В человеческом обществе, на всех его уровнях, люди, в той или иной степени, поддерживают друг друга практическим образом, своими личными качествами и способностями, и общество может именоваться человеческим в той степени, в какой его члены поддерживают друг друга. <...> Основа жизни человека с человеком – двоякая, с одной стороны – это желание каждого человека, чтобы его принимали таким, какой он есть, даже таким, каким бы он мог стать; и, с другой стороны, врожденная способность человека принимать своих собратьев таким образом. То, что эта способность так безмерно неразвита, составляет настоящую слабость человеческой расы и вызывает сомнение в ней: на самом деле, человечество существует только там, где эта способность раскрывается» [Бубер 1999: 154].

Без эффекта самоподтверждения человеческая коммуникация никогда не вышла бы за пределы взаимообменов, необходимых для защиты и выживания, поскольку просто не было бы причин поддерживать коммуникацию ради самой коммуникации (диалог, в понимании гуманистов).

Не справедливым было бы утверждение, что авторы пособия по психолингвистике не знают этих фактов. Напротив, они о них пишут, но, во второй главе: «Психолингвистика межличностного общения». А вот в разделе о порождении и понимании высказывания идет следующий этап: «Дальнейшее формирование речи представляет собой **разворачивание**

ядерного смысла (темы) в построенное в соответствии с психолингвистической нормой текстовости речевое целое. При этом сначала образуется *синтаксическая схема* будущего высказывания. «Внутренние слова», т.е. значения слов уже становятся «прообразами» слов внешних и занимают постепенно «свои» синтаксические позиции. Следующая стадия речепорождения – грамматическое структурирование и морфемный *отбор конкретной лексики*, после чего: реализуется послоговая *моторная программа* внешней речи, артикуляция. <...> Не забудем и параллельного этапа контроля речепроизводства – допускаемые ошибки при «сбоях» и их исправления» [Горелов, Седов: 79-80]. Последняя оговорка предполагает, что модель высказывания уже существует в коммуникативном пространстве еще до того, как само высказывание актуализовалось в нем. Иначе контроль бессодержателен. Ведь чтобы контролировать, необходимо иметь образцы готовой продукции. Линейную схему приходится замыкать на себя. В этом пункте мы усматриваем противоречие всей схемы поэтапного, последовательного развертывания высказывания, как с «чистого листа».

Итак, аксиомы описывают коммуникативное пространство, заданное культурными взаимообменами. В таком пространстве «личность не осуществляет коммуникацию; она вовлекается в коммуникацию или становится ее частью. Она может двигаться или издавать звуки, ... но она не осуществляет коммуникацию. Другими словами, она не порождает коммуникацию, а участвует в ней. Значит, коммуникация является системой, несводимой к простой модели из действия и реакции, как бы сложно ни определялись последние. Как систему ее возможно осмыслить лишь на транзактном уровне» [Вацлавик: 84].

Из проведенного сопоставления следует, что экстраполяция аксиом коммуникации на психолингвистическую модель порождения-понимания высказывания прак-

тически невозможна.

В основе построения модели порождения-понимания высказывания лежит упрощенная психологическая структура деятельности с тремя сторонами ее анализа: мотивационной, целевой и исполнительской. Согласно гипотезе деятельности природы психики, разработанной А.Н. Леонтьевым, деятельность рождается из потребности. Далее, используя социальные средства, знаки, мы планируем деятельность, ставя ее конечную цель и намечая средства ее осуществления. Наконец, мы осуществляем ее, достигая намеченной цели. Единичный акт деятельности есть единство всех трех сторон. Он начинается мотивом и планом и завершается результатом, достижением намеченной вначале цели; в середине же лежит динамическая система конкретных действий и операций, направленных на это достижение.

Правда, уже А.А. Леонтьев, основатель российской психолингвистики, осознавал ограниченность и гипотетичность такой аналогии. Поэтому он заметил, что «строгое говоря, речевой деятельности, как таковой, не существует. Есть лишь *система речевых действий*, входящих в какую-то деятельность – целиком теоретическую, интеллектуальную или частично практическую. С одной речью человеку делать нечего: она не самоцель, а средство, орудие, хотя и может по-разному использоваться в разных видах деятельности. Но, несмотря на сказанное, мы будем далее все-таки говорить о речевой *деятельности*, помня при этом, что речь не заполняет собой *всего* «деятельностного» акта. Такая терминологическая неточность имеет свои преимущества: упоминание слова «деятельность» заставляет нас все время помнить о специфически «деятельностном» понимании речевых проявлений» [Леонтьев 1969: 19]. Продолжая деятельность традицию в психолингвистических исследованиях, А.А. Леонтьев оправдано для этой работы игнорировал все иные аспекты не-

деятельностных речевых проявлений.

Сегодня мы находимся в иной социокультурной среде, в которой многие риторические фигуры деятельностного подхода необходимо должны быть переосмыслены, чтобы концепция смогла гармонично включить в себя достижения, наработанные в иных парадигмах изучения коммуникации.

В противном случае, в натурально понимаемую голову породителя высказывания может быть напичкано все что угодно, найденное в иных концепциях, школах, отдельных исследованиях: от фреймов, когнитивных карт, мотивов, намерений, смысловых содержаний, речевых жанров, национальных языков, семантических «картин», синтаксических схем, моторных программ, замыслов и т.д. Смещение языков, концепций, предложений и высказываний, психологии и лингвистики не поможет продвинуться в описании таинственных механизмов речения.

Перечислим некоторые соображения, которые подрывают пандеятельностный подход в изучении речи.

Сначала о различии языков внутри общающегося сообщества. Розеншток-Хюсси разделил все виды речи на две половины, которые взаимно дополняют друг друга: формальный и неформальный язык. «Логически и исторически формальный язык предшествует неформальному; в свою очередь, формальный язык следует за звуками животных. Мы различаем, *во-первых*, неартикулированные, так сказать, предшествующие оформленности звуки животных, *во-вторых*, формальный человеческий язык, и *в-третьих*, неформальную, неофициальную речь, и эта неформальная речь живет за счет обоих видов языка – еще не получившего формы и формального; она представляет собой смесь их обоих. Наше различие прокладывает путь к новому пониманию языка: определенная разновидность речи существует и у животных. Историкам человечества не нужно его объяснять – он является дочеловеческим. Другая разновид-

ность, языка существует только у людей. Это должно быть четко понято, поскольку в противном случае человеческая история останется тайной. <...> Формальный язык не мог возникнуть внутри групп, все стремления которых сводятся к тому, чтобы жить неформальной жизнью. Например, отношения между матерью и ребенком должны быть исключены из той области, в которой мог возникнуть формальный язык. Сборище или толпа молодых парней, солдат или охотников столь же мало является той средой, в которой когда-либо родился человеческий формальный язык. Но наука обращалась именно к таким группам. Из их изучения она не извлекла никаких результатов. В этой среде всякий артикулированный язык деградирует. Напряжение ослабляется там, где мы говорим без умолку. Небрежность уничтожает, например, грамматические окончания и обходится простыми восклицаниями и пожатием плечами. Она разрушает даже лучший язык. Что за странное предположение, будто богатство грамматических и синтаксических форм должно восходить к той среде, которая так враждебно настроена по отношению к формам! Способен ли химический растворитель служить для того, чтобы объяснить процесс кристаллизации? Но именно такого рода попытки все снова и снова предпринимаются лингвистами и философами языка.

При этом преобладали два направления мысли. Одно из них сложилось под впечатлением мнимого факта, согласно которому и животные «говорят». Это впечатление превратило бездны между языком животных и человеческим языком в канавку пренебрежимо малой глубины. Либо объявлялось о согласии с тем, что язык можно объяснить, исходя из событий человеческой повседневности. Но если бы это было исходной точкой, то, как представляется, проще всего было бы сосредоточиться на изучении детей. Между тем, именно дети и их матери, равно как и ватаги мальчишек – это, прежде всего, дои-

сторические формы человеческого существования; если мы обратимся к этим группам, ближе всего среди нас стоящим к природе, то мы возложим на них задачу создания вещи, дальше всего в мире отстоящей от природы – артикулированного и грамматически оформленного языка. К счастью, если мы хотим понять происхождение формального языка, мы, можем взглянуть в противоположную сторону, отвернувшись от обезьян, от грудных детей, от мальчиков и девочек. Формальный язык должен быть созданием серьезных мужей и старцев. Гёте, Бисмарк и Лютер сделали для немецкого языка больше, чем весь Союз немецких матерей.

<...> *Язык – это нечто большее, чем простое орудие и простая игрушка нашего сознания.* Он пришел к нам как нечто глубоко серьезное с тем, чтобы мы могли следовать своему человеческому призванию. Говорить – означает войти в сверхчеловеческую область и руководствоваться, постоянно руководствоваться ею» [Розеншток-Хюсси 2000: 90-92].

Далее. Еще в 1974 году М.С. Каган на основании системного анализа выявил необходимые и достаточные компоненты деятельности, составляющие структуру из пяти блоков – мотивационного, ориентационного, операционного, энергетического и оценочного, обеспечивающего обратную связь. «*Мотивационный блок* включает в себя такие конкретные психические явления, как *потребности, идеалы, мотивы, установки, интересы, влечения* личности.

Ориентационный блок включает в себя механизмы *целеполагания, планирования и прогнозирования* деятельности.

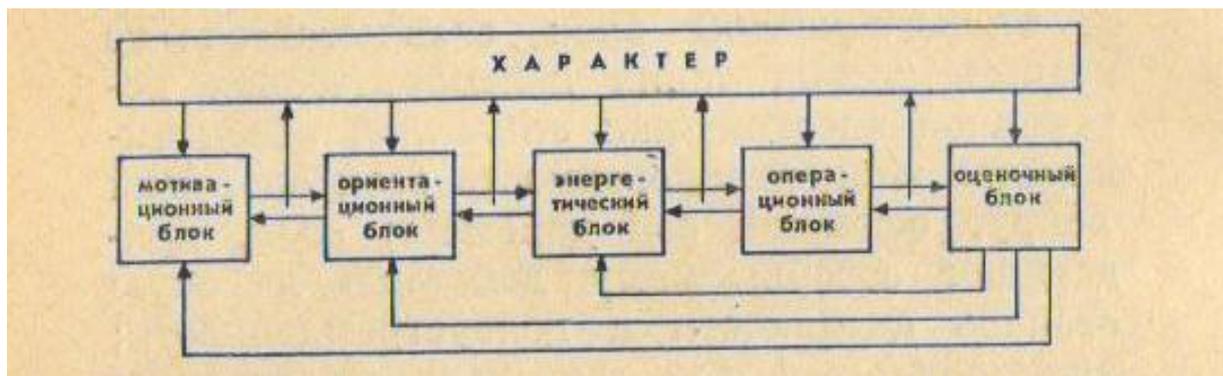
Операционный блок распадается на две взаимодействующих, но достаточно автономных раздела: один из них связан с тем, что владение различными средствами деятельности, орудийными или знаковыми, зависит от *врожденных качеств индивида – задатков, способностей, одаренности,*

таланта, наконец, гениальности; другой связан с теми операциональными возможностями, которые психика *приобретает в онтогенезе* и которые выражаются в *умениях, навыках, привычках, мастерстве.* Поскольку реальная деятельность выступает, как мы помним, и в форме производства, и в форме потребления, постольку дифференцируется сама природная предрасположенность психики к обеим этим разновидностям деятельности...

<...> *Энергетический блок* складывается из взаимодействия таких психологических источников энергии, как *внимание, обеспечивающее концентрированность* всех операций вокруг основной оси действия; *воля, придающая совершаемому действию высокую степень активности и целеустремленности; эмоциональный фон* деятельности, от которого во многом зависят энергетические ресурсы каждой конкретной операции.

Оценочный блок включает в себя доступные психике механизмы эмоциональной и мыслительной оценки результатов действия, позволяющие субъекту испытывать *удовлетворенность или неудовлетворенность* от результатов его деятельности.

<...> Мы должны выделить здесь еще один компонент, не стоящий в ряду описанных только что пяти блоков, а выражающий их соотношение и связывающий их в единую духовную систему; имя его – *характер.* Если мирозерцание и самосознание воплощают результаты интегрирования психикой своего содержания, то характер есть интегрирование *формы протекания всех психических процессов в сознании личности.* Этим определяются и особенности той роли, которую играет в деятельности характер. Если мирозерцание и самосознание непосредственно влияют на мотивационный блок управления деятельностью, а через него – на всю ее направленность, то характер влияет на то, как деятельность эта будет протекать.

Поскольку взаимодействие всех смежных механизмов есть закон внутреннего функционирования такой сверхсложной системы, какой является психика, они, кроме того, оказывается соединенными прямыми и обратными связями. Последний агрегат, специализированный на управлении процессами деятельности, связан обратной связью с первым, специализированным на сборе информации. Формой этой связи являются установки – специфический механизм психики, изучению которого посвятил свою деятельность Д.Узнадзе и его школа. Таким образом, вся система приобретает характер замкнутого контура, оказываясь тем самым способной к саморегуляции не только в отдельных звеньях, но и в целом» [Каган 1974: 174-179].

И еще одно, ввиду ограниченного объема статьи, соображение относительно линейной схемы порождения-понимания высказывания.

Всякий процесс протекает в пространстве и времени. Без учета этих координат нашего разума мы не можем описывать ни одно явление как действительно существующее. «Свойства действительности, писал П. Флоренский, при рациональном познании, куда-то должны быть помещены в модели, т.е. в пространство, вещи или в среду. Но куда именно – это не определяется с необходимостью самим опытом, и зависит от *стиля* мышления, и вообще от строения мышления, а не от строения опыта. Пространство, вещи или среда, любое из этих мысленных образований можно считать первым и от него отправляться; но что бы ни было взято за

первое, непременно выступят в дальнейшем или явно, или прикровенно и другие мысленные образования: каждое в отдельности, при построении модели действительности, бесплодно» [Флоренский 1993: 6-7]. Если помещать говорящего субъекта в пространство деятельности, то предварительно необходимо задать ее пространственно-временные характеристики, отделяющие деятельность от иных видов активности. Ведь если следовать логике теории деятельности, то, участвуя в иных человеческих занятиях, речь может строиться по моделям уже не деятельностных взаимодействий. Так, Эрик Берн предложил «экзистенциальную» систему структурирования времени человеческого общения: уход (попытка спрятаться от людей и общения, в том числе, например, в работу) – **времяпровождение** (совместные занятия без определенной цели и результата) – **ритуалы** (включают комплекс принятых в обществе «хороших манер») – **игры** (обязательно предполагают наличие скрытого мотива у одной из сторон) – **близость** (предполагает действительную искренность и открытость – в дружбе, любви) – **деятельность** (это совсем не обязательно только работа; развлечения, досуг, хобби также могут быть деятельностью, если продуцируют определенный, пусть и не материальный результат) [Берн 1992]. Все эти сценарии жизни, можно предположить, задают различные характеристики и речевым взаимодействиям, в том числе, моделям порождения-понимания высказываний. Время – показатель не только размерной процессуальности, но и

уместности действий.

Совершенно очевидно, что не всякая речь деятельностна, и многое в ней к тому же спонтанно. Исключение риторики из программ обучения даже управляющего персонала есть тому доказательство. Как и возведение ассоциативного эксперимента в ведущий метод анализа языкового сознания.

Более того, речь как «средство, орудие», вовсе не должна копировать структуру самой деятельности. Инструмент имеет собственные характеристики, связанные также с материалом самого орудия (знака). Речь как предмет изучения – высказывание, произведение, текст, и речь как орудие, вовсе не одно и то же. «Было обнаружено, что, для того чтобы данное сообщение могло быть определено как «текст», оно должно быть как минимум дважды закодировано» [Лотман 1981: 158]. Эта сторона текста изучалась в семиотическом анализе и почти никак не учитывается в психолингвистических механизмах порождения-понимания речи, в которых текст и высказывание употребляются как синонимы. А ведь из этого наблюдения Ю. Лотмана с необходимостью следует, что порождение отнюдь не симметрично пониманию, а анализ не повторяет синтез.

В психолингвистике и смежных с ней дисциплинах накоплены знания о тексте, мышлении и говорении, невербальной коммуникации, понимании, межличностном общении – но все они, почему-то, никак не отражаются в схемах порождения-понимания высказывания. А сами схемы,

на наш взгляд, не описывает никаких реальных процессов человеческой коммуникации. В качестве мысленного эксперимента, пусть читатель попробует поставить себя на место «порождающего высказывание» и в схеме психолингвистической модели что-либо породить. Первое, что потребуется, это означить ситуацию, в которую требуется включиться для обмена сообщениями. Отметим сразу же, что ситуация и «коммуникативные условия» совсем не одно и то же. Ситуацию еще надо осознать.

Что же касается синтаксических структур и моторной программы, то их придется считать «врожденными» элементами речевой способности или затерявшимися в подвалах памяти, если вас постигнет неудача.

Вывод. Всегда важно помнить, что любые схемы есть все-таки модели нашего познания, которые более или менее точно могут отражать реальные процессы взаимодействий. Чтобы быть рациональными эти модели должны удовлетворять принципам системного анализа: временем как переменной, пространством, отношением систем и подсистем, целостностью, обратной связью и равнорезультатностью открытой системы (одни и те же результаты могут иметь различное происхождение, поскольку определяющей является сущность организации).

В противном случае мы не выберемся из лабиринта научных и ненаучных интересов и предпочтений многочисленных исследователей языкового сознания.

Список литературы

1. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. Москва: «Искусство», 1979. – 424 с.
2. *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы: Пер. с англ. – СПб.: Лениздат, 1992. – 400 с.
3. *Бубер М.* Диалог // М. Бубер. Два образа веры. – Москва. АСТ, 1999. – 592 с.
4. *Пол Вацлавик, Джанет Бивин, Дон Джексон* Психология межличностных коммуникаций; Пер. с англ. – СПб.: «Речь», 2000. - 300 с.

5. *Веккер Л.М.* Психические процессы. Том 2. Мышление и интеллект. ЛГУ, 1976. – 342 с.
6. *Горелов И.Н., Седов К.Ф.* Основы психолингвистики: Учебное пособие – М.: Лабиринт, 2005. – 320 с.
7. *Каган М.С.* Человеческая деятельность. (Опыт системного анализа). М., Политиздат, 1974. – 328 с.
8. *Леонтьев А.А.* Язык, речь, речевая деятельность. - М.: Просвещение, 1969. – 227 с.
9. *Лотман Ю.М.* Семиотика культуры и понятие текста // Ю.М.Лотман. История и типология русской культуры. – С.-Петербург: «Искусство-СПБ», 2002. –768 с.
10. *Ойген Розениток-Хюсси.* Избранное: Язык рода человеческого. – М.; СПб: Университетская книга, 2000. – 608 с
11. *Флоренский П.А.* Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1993. – 324 с.

УДК 81'373.611

К.Я. Сигал

**РЕЧЕВЫЕ МЕХАНИЗМЫ
СИНТАКСИЧЕСКОГО ПОСТРОЕНИЯ СЛОВСОЧЕТАНИЙ
С ДВУМЯ АДЪЕКТИВНЫМИ КОМПОНЕНТАМИ
(экспериментальное исследование)**

*Светлой памяти Юрия Александровича Сорокина –
человека и собеседника, которого будет не хватать всегда ...*

В данной статье показано, что синтаксические отношения (соподчинение против сочинения) в словосочетаниях с двумя прилагательными зависят от когнитивной модели, а именно от модели неоднородных определений. Использование этой модели крайне устойчиво в разговорной грамматике. Даже прагматическая цель, связанная с семантической ассимиляцией прилагательных, необязательно влияет на намерение. Тем не менее, такое прагматическое влияние на синтаксическое построение двух качественных прилагательных является более типичным. Все эти выводы были получены в ходе экспериментального исследования.

Ключевые слова: синтаксическая связь, когнитивная модель, неоднородные определения.

Хорошо известно, что такое преобразование сложных словосочетаний Adj.+(Adj.+N), как сочинение соподчиненных адъективных компонентов, в традиционной грамматике, уделявшей значительное внимание формам синтаксического представления последних в предложении-высказывании, было отражено путем дифференциации однородных и неоднородных определений. Между тем не хуже известно и другое: непосредственная зависимость однородности/неоднородности определений от степени их семантической аккомодации (в том числе за счет подчеркивания причинно-следственных отношений) и беспрепятственное действие в сфере соподчинения определений семантического механизма окачествления относительных прилагательных, способствующего контекстной (а иногда и узуальной) синонимизации определений-прилагательных, обуславливают четкую дифференциацию однородных и неоднородных определений только на уровне эталонных конструкций и почти свободную вари-

ативность синтаксической «упаковки» соподчиненных определений, связанную с влиянием на выбор их представления как однородных или неоднородных членов предложения несобственно синтаксических факторов (ср. в связи с этим показательную трактовку и однородных, и неоднородных определений как реализаций единого синтаксического приема усложнения членов предложения – расширения в [Лекант 2004: 196 – 197]). Синтаксическая ослабленность категории однородности/неоднородности у определений заключается в том, что в зависимости от коммуникативно-познавательной установки говорящего (или пишущего) один и тот же лексический и лексико-грамматический состав соподчиненных адъективных компонентов позволяет структурировать как однородные, так и неоднородные определения, на уровне вхождения в словосочетания различающиеся в первую очередь с синтаксической точки зрения. Ср.: – *Потом увидишь большой каменный дом...* (одна соседка

объясняет другой, где находится окружающей центр занятости) и «Сваха, например, расхваливая приданое, может сказать **большой и каменный дом** (или **большой, каменный дом**. – К.С.), потому что для нее оба прилагательных указывают на обильное приданое» [Пешковский 2001: 442 – 443]. Думается, что ситуативная однородность обусловлена в последнем случае семантической аккомодацией соподчиненных определений, при этом возникшей не вследствие сближения лексических значений прилагательных, а благодаря их семантическому тяготению в ассоциативном признаковом пространстве лексемы (концепта) *дом* (см. [РАС 2002: 175]).

В наиболее полном дескриптивном исследовании однородных/неоднородных определений, выполненном М.И. Дибровой, обнаружена следующая закономерность: «Выбор однородного или неоднородного ряда определений-прилагательных в конечном итоге зависит от прагматической установки автора (говорящего). Прагматической установке автора (говорящего) подчеркнуть общее, тождественное в значениях определений-прилагательных соответствует выбор однородного ряда, а прагматической установке автора (говорящего) подчеркнуть различное в значениях двух определений-прилагательных – выбор неоднородного ряда» [Диброва 1988: 9]. Однако несмотря на то, что приведенное эмпирическое обобщение обладает значительной объяснительной силой и, безусловно, охватывает целый пласт селективных предпочтений говорящего (или пишущего) при порождении высказывания, оно никоим образом не учитывает конструктивной организации соподчиненных определений-прилагательных, – а именно их отнесенности к тому или иному лексико-грамматическому разряду и порядка их размещения по отношению друг к другу, – и не допускает ее конкурирующего влияния на выбор одной из двух синтаксических форм представления соподчиненных

определений в предложении-высказывании. Вступая в то или иное противоречие с конструктивной стороной создаваемого высказывания, прагматика может преодолевать почти любые собственно синтаксические ограничения в его структуре (на этом, собственно, основаны общность индуцирующих условий у различных по своей природе синтаксических единиц и в целом возникновение феномена свободной вариативности в синтаксисе), но гораздо чаще бывает так, что коммуникативно-познавательная, или прагматическая, установка полностью согласуется с теми семантическими эффектами, которые создаются в самой конструкции высказывания и его синтаксически целостных сегментов, не противоречит им, и именно в таких случаях на уровне интроспекции обнаруживается то, какие конструктивные элементы единиц «большого» и «малого» синтаксиса (см. об этих понятиях [Кубрякова 1986: 107 – 108]) оказываются удовлетворяющими коммуникативной воле автора высказывания. В этих случаях мы как раз и имеем дело с эталонами соответствующих конструкций, с их прототипическими формами, образцами, в которых те или иные синтаксические явления генерализованы в языковом сознании говорящего (или пишущего).

Применительно к исследуемому в эксперименте преобразованию собственно соподчиненных адъективных компонентов сложных словосочетаний Adj.+(Adj.+N) в сочиненные, или, в терминах традиционной грамматики, неоднородных определений в однородные, существенный интерес представляет то, каким видится эталон неоднородных определений современным лингвистам и психологам. (Представляется, что эталон неоднородных определений является синтаксически редуцированной (так как не учитывает детерминирующего компонента и вообще полного контекста выражения атрибутивных отношений в словосочетании), но лексико-грамматически кон-

кретизированной проекцией эталона, генерализованного образца модели сложных словосочетаний Adj.+(Adj.+N) в сфере членов предложения.) По мнению Е.С. Скобликовой, своеобразным эталоном неоднородных определений является сочетание качественного прилагательного с относительным, которое стоит непосредственно перед существительным, так как это сильная позиция для выражения относительным прилагательным семантики отличительного признака предмета, значимой для развертывания неоднородных определений [Скобликова 2006: 249 – 250]. Д.Э. Розенталь более типичными, эталонными неоднородными определениями считает сочетания относительных прилагательных и сочетания качественного прилагательного с относительным, а менее типичными – сочетания качественных прилагательных [Розенталь 1996: 122 – 123]. Е.Д. Божович, исследуя так называемые субъективные правила, создаваемые детьми в процессе школьного обучения русскому языку как родному, обнаружила, в частности, такое: «если ряд определений выражен только качественными или только относительными прилагательными, то они однородны» [Божович 2002: 133]. По принципу «от противного» это субъективное правило показывает, что в языковом сознании детей школьного возраста сочетание качественного прилагательного с относительным также является неким эталоном неоднородных определений. Подобное единодушие в выделении эталона неоднородных определений указывает на максимально обобщенный характер данного мыслеречевого образования, а также на то, что эталон неоднородных определений выработан в условиях предельного отвлечения от контекстных факторов (например, от регулярно семантического окачества относительных прилагательных) и от некоторых возможных конструктивно значимых элементов в сфере соподчинения определений-прилагательных (ср., в частности, размещение относительного прилагатель-

ного перед качественным).

Специфику эталона неоднородных определений следует двояким образом преодолевать в эксперименте: предлагать испытуемым для оценки, во-первых, однотипные построения, в которых эталон то действует, то не действует под влиянием тех или иных контекстных факторов, а во-вторых, построения, в которых поразному взаимодействуют все эмпирически значимые конструктивные элементы неоднородных определений, в том числе не отраженные в их эталонной форме. Тем не менее анализ речевого материала из авторской картотеки позволяет предположить, что эталон неоднородных определений, скорее всего, является весьма устойчивым мыслеречевым образованием, удерживающим говорящего (или пишущего) от произвольного отображения любой своей коммуникативно-познавательной, или прагматической, установки в синтаксической форме представления соподчиненных адъективных компонентов («чистое» соподчинение vs. бессоюзное сочинение), о чем может свидетельствовать, в частности, использование неоднородных определений там, где прагматическая установка на подчеркивание общего, тождественного в значениях соподчиненных определений-прилагательных требовала бы их сочинительной связи. Ср. примеры, в которых полностью сохранена авторская пунктуация: – *Ведь ты же заложил у меня ружье!* – говорит *тоненьким, бабьим голоском* Семен (А. Чехов) и *Михайловский встал со стула, его качнуло и он завыл **высоким бабьим голосом*** (В. Ардаматский). В эксперименте и надлежит прежде всего верифицировать это общее гипотетическое положение, а кроме того, эксплицировать собственно лингвистические факторы, обуславливающие предпочтение однородных определений неоднородным (и наоборот) при вторичной организации единиц «малого» синтаксиса (в данном случае сложных и переходных словосочетаний Adj.+(Adj.+N) и (Adj.+Adj.)+N со-

ответственно или аналогов их детерминированных (зависимых) компонентов на уровне членов предложения) в составе высказывания.

При выборе экспериментальной методики было решено использовать модифицированную процедуру «close procedure» (завершения), в которой для восстановления пропущенного в тексте синтаксически целостного сегмента испытуемым предлагаются на выбор два речевых построения (авторское и деформированное экспериментатором), отличающиеся друг от друга конструктивно и семантически (как известно, экспериментальная методика «close procedure» нередко используется в психолингвистике как способ инициирования и контекстной объективации возможных при порождении высказывания речемыслительных операций). В соответствии с этой модифицированной методикой завершения при подготовке экспериментального материала в серии высказываний (простых и сложных предложений, а также связных микротекстов), включающих в свой состав либо однородные, либо неоднородные определения-прилагательные, эти члены предложения были опущены вместе с детерминирующим (главным) субстантивным компонентом, а на их месте ставились пробелы. В результате преобразования неоднородных определений в однородные (и наоборот) в составе словосочетания были созданы варианты заполнения пропусков (лакун), причем каждому из двух вариантов присваивался цифровой индекс (1 или 2). При подборе экспериментального материала учитывались такие конструктивно значимые признаки, как отнесенность прилагательных к тому или иному лексико-грамматическому разряду – качественным (далее – *К*) или относительным (далее – *О*) прилагательным – и порядок их размещения по отношению друг к другу. Таким образом, в анкеты для эксперимента были включены четыре типа схем однородных/неоднородных определений: *К+К*, *О+О*, *К+О*, *О+К*. В целях предотвраще-

ния автоматизации действий испытуемых высказывания, из которых были изъяты однородные/неоднородные определения, построенные по различным схемам, даются в анкете для эксперимента вперемежку, а цифровые индексы 1 и 2 непоследовательно относятся к авторским и к деформированным конструкциям соответственно. В анкете для эксперимента испытуемым были предложены 18 высказываний с лексико-синтаксической лакуной указанной разновидности и к каждому из них по два варианта заполнения лакуны, внешне различающиеся только наличием или отсутствием разделяющего пунктуационного знака – запятой – между определениями-прилагательными. Именно поэтому в тексте инструкции экспериментальное задание было представлено испытуемым как собственно пунктуационное и эксплицитно дана ориентировка на смысловой принцип пунктуации – пожалуй, наиболее стабильный операциональный принцип в пунктуационной компетенции пишущего. В доэкспериментальном лексико-грамматическом представлении соподчиненных определений-прилагательных, включающих относительные прилагательные, в качестве относительных было условлено рассматривать все прилагательные, являющиеся таковыми в своем прямоименном значении, поскольку вероятностный качественный сдвиг в их семантике как раз и требуется установить при выполнении экспериментального задания. Нельзя не отметить и того, что пунктуационный характер экспериментального задания во многом оправдывает описание преобразования сложных словосочетаний *Adj.+(Adj.+N)* в переходные словосочетания *(Adj.+Adj.)+N* в терминах однородности/неоднородности их соподчиненных адъективных компонентов как членов предложения. Однако это никоим образом не свидетельствует в пользу отождествления словосочетаний и членов предложения, ибо «<...> концепция словосочетаний за элементарную синтаксическую единицу принимает контекст отно-

шения, взятый в его полном объеме, включая господствующий и зависимый компоненты, тогда как концепция членов предложения принимает за единицу лишь зависимый компонент отношения, обозначая его по характеру отношения» [Печников 1983: 70].

Речевой материал для эксперимента был выбран в основном из русской художественной прозы XX – начала XXI вв., и лишь стимульное высказывание №2 относится к XIX в., однако оно несколько не противоречит современному узусу в сфере синтаксиса. Привлечение стимульного материала из художественных (прозаических) текстов определяется тем, что их языковой строй является документированным отражением узуальных предпочтений того или иного времени, «очищен» авторской и редакторской правкой, воспринят и, как правило, одобрен массовым адресатом, а главное, при использовании синтаксических его составляющих в условиях эксперимента исключается появление таких артефактов, которые возникают обычно вследствие конструирования экспериментальных высказываний «под конкретную гипотезу» самим исследователем. Кроме того, при интерпретации результатов эксперимента синтаксические решения писателей удобно принять за некое идеальное воплощение замысла, за прямую сигнификацию последнего, относительно которой в каждом случае получает свое объяснение статистически доминирующий (особенно не совпадающий

с авторским) синтаксический вариант. Важно подчеркнуть, что стимульный материал в анкетах, полученных испытуемыми, не был авторизован (см. ниже образец анкеты для эксперимента).

В качестве испытуемых выступили студенты I курса вечернего отделения Колледжа МИД РФ (всего 49 чел.), получающие вторую специальность на базе высшего и неоконченного высшего образования, в возрасте – от 20 до 28 лет. Родным языком всех испытуемых является русский язык (при этом одна испытуемая назвала себя билингвом; ее второй язык, который она осваивала в детстве, но уже не использует, – молдавский). Цель экспериментального исследования испытуемым не раскрывалась, они сами восприняли выполняемое задание как тест по пунктуации. Перед началом эксперимента никаких образцов выполнения экспериментального задания не давалось. Однако по просьбе нескольких испытуемых экспериментатор осуществил семантизацию таких слов, как *стэк*, *шрапнельный*, *шомпол* и *сердюк* (стимульное высказывание №10). После ознакомления испытуемых с анкетой для эксперимента путем опроса было лишь выяснено, насколько точно они поняли инструкцию. При этом испытуемым было сказано, что время на выполнение задания не ограничено, однако проведенные замеры показали, что в среднем участие в эксперименте заняло у испытуемых 18 – 20 мин.

ОБРАЗЕЦ АНКЕТЫ ДЛЯ ЭКСПЕРИМЕНТА

ИНСТРУКЦИЯ

Внимательно прочитайте приведенные ниже текстовые фрагменты. На месте пробелов с помощью цифрового индекса 1 или 2 укажите тот вариант постановки знаков препинания, который, по Вашему мнению, соответствует смыслу, передаваемому в каждом конкретном случае.

1. Там оказался _____, а в него – семь распахнутых дверей.

1) длинный, узкий коридор

2) длинный узкий коридор

2. Часа четыре спустя он ехал домой. Тарантас его быстро катился _____.
- 1) по проселочной, мягкой дороге
 - 2) по проселочной мягкой дороге
3. Но ходил он удивительно _____ и был поистине неутомим.
- 1) легкой, спортивной походкой
 - 2) легкой спортивной походкой
4. Разобранная и разрушенная постель, которая непристойно светилась в сумерках зимнего утра, не давала ей покоя, и, отшвырнув джинсы, она в два приема кое-как набросила на нее _____.
- 1) громадное, неудобное покрывало
 - 2) громадное неудобное покрывало
5. _____ телеграфа три окна горели ярко, и слышался сквозь стекла непрекращающийся стук трех аппаратов.
- 1) В низком, желтом бараке
 - 2) В низком желтом бараке
6. А тут больная, да еще сильно обиженная, разговаривала со здоровым человеком таким же _____.
- 1) докторским, веселым тоном
 - 2) докторским веселым тоном
7. Его он оставил жить, а _____ Чикобавы решил дать бессмертное изложение и гениальное развитие.
- 1) простеньким, провинциальным мыслям
 - 2) простеньким провинциальным мыслям
8. _____ показывали только девять, но день уже был настолько жарок, что Олег стал расстегивать верхние крючки шинели.
- 1) Уличные, электрические часы
 - 2) Уличные электрические часы
9. Николка давал пить, но не холодную, витуую струю из фонтана, а лил _____, отдающую кастрюлей.
- 1) теплую, противную воду
 - 2) теплую противную воду
10. И удары лейтенантских стэков по лицам, и _____ по непокорным деревьям, спины, исполосованные шомполами гетманских сердюков, и расписки на клочках бумаги почерком майоров и лейтенантов германской армии.
- 1) шрапнельный, беглый огонь
 - 2) шрапнельный беглый огонь
11. Все поплыло в этот _____, хотя солнца совсем не было видно.
- 1) субботний, апрельский день
 - 2) субботний апрельский день

12. Они довольно часто вместе коротали вечера за шахматами и бутылкой доброго французского вина, вели _____.

- 1) неторопливые, доверительные беседы
- 2) неторопливые доверительные беседы

13. За многими блюдами, бокалами, анекдотами и разговорами хорошо убивалось четыре-пять часов, и одновременно брался разгон, собирались толчки _____ второй половины ночи.

- 1) для созидательных, законодательных актов
- 2) для созидательных законодательных актов

14. И этот был действительно тот _____, который бывает слышен иногда в симфоническом оркестре.

- 1) носоглоточный, деревянный голос
- 2) носоглоточный деревянный голос

15. Не сама только болезнь, непредусмотренная, неподготовленная, налетевшая как шквал за две недели _____, – но не меньше болезни угнетали теперь Павла Николаевича то, что приходилось ложиться в эту клинику на общих основаниях, как он лечился уже не помнил когда.

- 1) на беспечного, счастливого человека
- 2) на беспечного счастливого человека

16. – Ради Бога, – сказал над головой _____, — глотните, глотните. Вы дышите? Что же теперь делать?

- 1) грудной, слабый голос
- 2) грудной слабый голос

17. Бывший завлаб погрузился _____, позвякивая ложкой в стакане.

- 1) в загадочные, каменные размышления
- 2) в загадочные каменные размышления

18. Он знал, что жизнь сложнее, чем понимает ее _____, – но вот она оказывалась и еще гораздо сложнее.

- 1) прямолинейный, прямодушный отец
- 2) прямолинейный прямодушный отец

Примечание. Стимульные высказывания взяты из следующих художественных (прозаических) текстов: В. Ардаматский «“Сатурн” почти не виден» – 3, 11, 12; М. Булгаков «Дни Турбиных» – 5, 9, 10, 16; В. Дудинцев «Белые одежды» – 6, 14, 17; А. Солженицын «В круге первом» – 1, 7, 13; А. Солженицын «Раковый корпус» – 8, 15, 18; И. Тургенев «Дворянское гнездо» – 2; Т. Устинова «Гений пустого места» – 4.

В результате от испытуемых в виде реакций было получено высказываний с заполненными лакунами – 881 (при одном отказе на стимульное высказывание №2). Обработка реакций испытуемых свиде-

тельствует о том, что 55,5% (10 из 18) преобладающих вариантов заполнения пропусков не совпадают с авторскими. Столь высокий статистический показатель, по всей видимости, указывает на то,

что словосочетания с соподчиненными определениями-прилагательными, действительно, в достаточной мере подвержены влиянию прагматических установок, позволяющих структурировать из одних и тех же определений-прилагательных то однородные, то неоднородные ряды. Представляет интерес и такой факт: ни один из вариантов заполнения лакун не остался неиспользованным и ни один вариант тем самым не оказался безальтернативным, что обнаруживает принципиально неформальный характер осуществляемого испытуемыми выбора и его обусловленность взаимопротиворечащими факторами. Кроме того, ни в одной анкете не наблюдается полного совпадения реакций с опущенными авторскими словосочетаниями и также ни в одной анкете нет абсолютного расхождения с авторским выбором, что свидетельствует о принадлежности объективируемого в эксперименте типа вторичной организации синтаксической структуры высказывания к творческой стороне речи, с одной стороны, и об относительной стабилизации обуславливающих его факторов, с другой.

Представление результатов эксперимента (на уровне преобладающих реакций испытуемых) и их качественный анализ целесообразно построить по принципу единства схем соподчиненных определений-прилагательных (причем сначала однотипного, а затем смешанного лексико-грамматического состава) в лакунизированных словосочетаниях.

В стимульных высказываниях №№ 1, 4, 5, 9, 12, 15, 18 были опущены словосочетания с соподчиненными определениями-прилагательными, соответствующими схеме *K+K*. Причем если в стимульных высказываниях №№ 1, 5, 12 преобладающей частью испытуемых был выбран авторский вариант заполнения лакуны, то в стимульных высказываниях №№ 4, 9, 15, 18 – вариант, деформированный экспериментатором.

В стимульных высказываниях №1 и №5 авторские варианты с неоднородными оп-

ределениями *длинный узкий коридор* и *в низком желтом бараке* выбрали 30 (61,2%) и 39 (79,5%) испытуемых соответственно. По всей видимости, такой выбор определен стремлением подчеркнуть различное в значениях определений-прилагательных, что находит поддержку в лексической семантике этих слов, а именно в том, что они обозначают разноплановые признаки предмета ('длина' и 'ширина', с одной стороны, и 'высота' и 'цвет', с другой). В стимульном высказывании №12, наоборот, авторский вариант с однородными определениями *неторопливые, доверительные беседы* выбрали 37 (75,5%) испытуемых, отнеся, скорее всего, обозначаемые данными определениями-прилагательными признаки к сближенным по характеру модально-оценочной семантики (положительной) и согласованным поэтому с прагматической установкой на подчеркивание общего в их коннотативных значениях.

В стимульных высказываниях №№ 4, 9, 15, 18 были лакунизированы авторские словосочетания с неоднородными определениями, однако большинство испытуемых предпочли здесь варианты заполнения с однородными определениями. В стимульном высказывании №4 вариант *громадное, неудобное покрывало* выбрали 30 (61,2%) испытуемых, в №9 вариант *теплую, противную воду* – 36 (73,4%) испытуемых, в №15 вариант *на беспечного, счастливого человека* и в №18 вариант *прямолинейный, прямодушный отец* – по 41 (83,6%) испытуемому. По-видимому, в первых трех случаях такое решение испытуемых определено семантической аккомодацией определений-прилагательных, вызванной подчеркиванием причинно-следственных отношений между ними, ср.: «громадное, и поэтому неудобное», «теплую, а потому противную», «счастливого, поэтому и беспечного». В последнем случае выбор испытуемых объясняется, скорее всего, тем, что определения-прилагательные *прямолинейный* и *прямодушный* являются лексическими синони-

мами (их совпадающий семный состав – гиперсемы ‘откровенный, прямой’ [СО 1990: 628]) и обладают общей морфемной частью *прямо-*, также способствующей сочинительному объединению соподчиненных определений (ср. анализ индуцирующей роли морфемного повтора при порождении сочинительных конструкций в [Сигал 2004: 173 – 175]). Почему же в исходных текстах все эти соподчиненные определения-прилагательные были интерпретированы как неоднородные? Думается, что такое синтаксическое решение обусловлено коммуникативно-познавательной, или прагматической, установкой писателей на подчеркивание различного в значениях определений-прилагательных, вследствие чего факторы, индуцирующие сочинительную связь, не были оценены ими как достаточные.

В стимульных высказываниях №№ 8, 11, 14 были опущены словосочетания с неоднородными определениями-прилагательными, построенными по схеме *O+O*. В стимульных высказываниях №8 и №11 авторские варианты с неоднородными определениями *уличные электрические часы* и *субботний апрельский день* выбрали 45 (91,8%) и 40 (81,6%) испытуемых соответственно. Будучи так называемыми «предметно-классификационными определениями» [Виноградов 1938: 190], семантически связанными с разными предметными сущностями, эти неоднородные определения полностью удовлетворяют прагматической установке на подчеркивание различного в значениях прилагательных. В реакциях же на стимульное высказывание №14 преобладает деформированный вариант с однородными определениями *носоглоточный, деревянный голос*, обнаруженный в анкетах 31 (63,2%) испытуемого. Такое решение испытуемых можно объяснить тем, что определение-прилагательное *деревянный* в данном случае обладает узуальной качественной семантикой (ср.: 3. ‘Лишенный естественной подвижности, маловыразительный, бесчувственный’ [СО 1990: 164]) и по

сходству производимого впечатления, т.е. благодаря эмоционально-перцептивному единству семантики, способно вступить в сочинительные отношения с предшествующим соподчиненным определением-прилагательным. Однако в исходном тексте эти соподчиненные определения-прилагательные интерпретированы как неоднородные, чему, скорее всего, способствовала генетическая (или первично-деривационная) трактовка окачественного прилагательного *деревянный* как относительного, не учитывающая его семантических связей ни в сфере согласования (ср.: *деревянный дом* и *деревянный голос*), ни в сфере соподчинения, где происходит семантическая аккомодация определений-прилагательных. Если вслед за Д.Э. Розенталем усматривать эталон неоднородных определений и в сочетаниях *O+O*, то авторское словосочетание с неоднородными определениями *носоглоточный деревянный голос* нельзя не признать ориентированным на такой эталон, противодействующий в данном случае прагматической установке на однородность определений.

В стимульных высказываниях №№ 3, 7, 13, 17 были опущены словосочетания с соподчиненными определениями-прилагательными, соответствующими схеме *K+O*, на базе которой сформировался эталон неоднородных определений. При отборе стимульного материала для эксперимента намеренно были взяты по два высказывания с однородными и неоднородными определениями, построенными по схеме *K+O*, однако в реакциях на все стимульные высказывания преобладающий вариант заполнения лакун не совпал с авторским, т.е. основания выбора между однородными и неоднородными определениями оказались взаимоисключающими. Так, в стимульных высказываниях №3 и №7 вместо авторских вариантов с неоднородными определениями 30 (61,2%) и 35 (71,4%) испытуемых выбрали варианты с однородными определениями *легкой, спортивной походкой* и *простеньким,*

провинциальным мыслям соответственно. По-видимому, такой выбор обусловлен узуальным окачествлением контактно-препозитивных прилагательных (ср.: *спортивный* 2. 'С качествами, внешне-стью спортсмена, такой, как у спортсменов' [СО 1990: 755]; *провинциальный* 2. 'Отсталый, наивный и простоватый' [СО 1990: 604]) и контекстной синонимизацией соподчиненных определений, т.е. факторами, отражающими прагматическую установку на подчеркивание общего в значениях соподчиненных определений-прилагательных. Авторские же варианты отражают действие эталона неоднородных определений, вопреки узуальному окачествлению побуждающего оценивать определение-прилагательное в позиции перед существительным как относительное (маркером подобной оценки служит отсутствие разделяющего пунктуационного знака – запятой – между определениями). Наоборот, в стимульных высказываниях №13 и №17 вместо авторских вариантов с однородными определениями 34 (69,3%) и 27 (55,1%) испытуемых выбрали варианты с неоднородными определениями *для созидательных законодательных актов* и *в загадочные каменные размышления* соответственно. Этот выбор осуществлен, скорее всего, под влиянием эталона неоднородных определений, действующего благодаря номинативной (терминологической) целостности субстантивно-адъективного словосочетания *законодательных актов*, препятствующей окачествлению детерминируемого прилагательного *законодательный*, в первом случае и вопреки окачествлению определения-прилагательного *каменный* во втором (ср. его контекстно преобразованное значение 'скрытый, недоступный пониманию'). Обращает на себя внимание почти одинаковое представительство авторских (55,1%) и деформированных экспериментатором (44,9%) вариантов среди реакций на стимульное высказывание №17, что указывает на сложный характер противодействия эталона неоднородных опреде-

лений и прагматической установки на подчеркивание общего в значениях определений-прилагательных, обуславливающей их сочинительную связь. Можно предположить, что следование эталону неоднородных определений или, наоборот, коммуникативно-познавательной, прагматической установке на развертывание ряда однородных определений преимущественно отражает разные индивидуально-речевые стратегии синтаксической «упаковки» соподчиненных определений.

В стимульных высказываниях №№ 2, 6, 10, 16 были опущены словосочетания с соподчиненными определениями-прилагательными, соответствующими схеме *O+K* (по сравнению с эталоном неоднородных определений порядок компонентов здесь обратный). Если в стимульном высказывании №2 авторское словосочетание содержало однородные определения, а в стимульных высказываниях №№ 6, 10, 16 – неоднородные, то преобладающим вариантом заполнения лакун испытуемыми во всех стимульных высказываниях оказалось словосочетание с неоднородными определениями. В стимульном высказывании №6 авторский вариант *докторским веселым тоном* выбрали 34 (69,3%), в №10 авторский вариант *иррациональный беглый огонь* – 33 (67,3%), в №16 авторское словосочетание *грудной слабый голос* – 30 (61,2%) испытуемых. В стимульном же высказывании №2 предпочтение деформированному варианту с неоднородными определениями отдали 29 (60,4%) испытуемых (при одном отказе), тогда как в исходном тексте здесь было использовано словосочетание с однородными определениями *по проселочной, мягкой дороге* (ср. в связи с этим основанное на материале синтаксиса художественной прозы наблюдение, согласно которому размещение относительного прилагательного перед качественным может способствовать их сочинительной связи, в [Сигал 2004: 157]). Статистически доминирующие реакции испытуемых свиде-

тельствуют о том, что эталон неоднородных определений действует и при обратном порядке соподчиненных определений-прилагательных, так как в схеме $O+K$ сохраняются условия для прагматического акцентирования различного в их значениях. Причем, согласно данным эксперимента, действие эталона неоднородных определений в схеме $O+K$ является даже более устойчивым, чем в схеме $K+O$, где он постоянно испытывает давление прагматической установки, обуславливающей сочинительную связь определений-прилагательных. Объяснить это можно тем, что в общем случае инверсия сама по себе не способна обеспечить окачествления относительного прилагательного, так как основная функция инверсии – осуществлять актуализацию компонентов высказывания, а семантическая аккомодация, являющаяся естественным следствием окачествления в условиях соподчинения определений и обладающая преимущественно регрессивной направленностью (т.е. последующее соподчиненное определение семантически сближается с предыдущим), подчеркивает смысловую одноплановость компонентов, преодолевая их актуализационное различие.

Качественный анализ результатов эксперимента позволяет сформулировать следующие выводы и обобщения. Во-первых, оказалось, что при синтаксической интерпретации соподчиненных определений-прилагательных создатель высказывания вовсе не стремится к обязательному отражению своих прагматических установок в форме синтаксического представления соподчиненных определений, чему способствует аналогизирующее воздействие эталона неоднородных определений. Несмотря на то, что прагматика является весьма мощным фактором микросинтаксического построения речи, призванным «расшатывать» структурно-семантические ограничения синтаксического механизма, на уровне словосочетаний с соподчиненными определениями-прилагательными ее влияние безгра-

нично, так как эталон неоднородных определений прочно удерживает в сфере «чистого» соподчинения даже такие определения-прилагательные, которые приобрели общую сигнификативную и/или коннотативную сему – синтагмему, т.е. семантически преодолели свою изначальную лексико-грамматическую специализацию. Более свободно отображение прагматических установок осуществляется в схеме соподчиненных определений-прилагательных $K+K$, тогда как в оперировании остальными схемами соподчиненных определений-прилагательных прослеживается сложный и неоднозначный по своим результатам процесс взаимодействия прагматических установок с эталоном неоднородных определений. Во-вторых, отдавая предпочтение одной из двух форм синтаксического представления соподчиненных определений-прилагательных, испытуемые, возможно неосознанно, учитывают те или иные собственно лингвистические факторы. В объеме имеющихся экспериментальных данных обнаружены следующие факторы, обуславливающие однородность определений: окачествление относительного прилагательного, входящего в соподчиненный ряд определений; семантическая аккомодация соподчиненных определений как результат либо их лексической синонимии, либо контекстного подчеркивания общей части их сигнификативного и/или коннотативного значения, либо актуализации причинно-следственных отношений между ними; морфемный повтор. Характерно, что факторы однородности определений преимущественно действуют не изолированно, а в своеобразных имплицитивных блоках, т.е. наличие одного фактора предполагает появление другого. Неоднородность определений индуцируется таким базовым фактором, как контекстная «консервация» прямономинативного значения соподчиненного относительного прилагательного, достигаемая, в частности, за счет включения последнего в терминологическое (т.е. номинативно цело-

стное) словосочетание, в составе которого возможности окачествления предельно ограничены, за счет выдвигания относительного прилагательного в позицию дистантно-препозитивного (инициального) компонента соподчиненного ряда, а чаще всего — за счет отсутствия семантической итерации у соподчиненных определений-прилагательных. Названные собственно

лингвистические факторы могут способствовать реализации прагматических установок на акцентирование общего или различного в значениях соподчиненных определений-прилагательных, но, как показывает эксперимент, обязательной зависимости между этими факторами и соответствующими прагматическими установками не существует.

Список литературы

1. *Божович Е.Д.* Учителю о языковой компетенции школьников. Психолого-педагогические аспекты языкового образования. М. – Воронеж, 2002. – 287 с.
2. *Виноградов В.В.* Современный русский язык. Грамматическое учение о слове. Вып. II. М., 1938. – С. 190
3. *Диброва М.И.* Системно-структурный и функциональный анализ однородных/неоднородных определений в современном русском языке. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Л., 1988. – С. 9.
4. *Русский ассоциативный словарь/ Под ред. Ю.Н. Караулова.* Т. I. М., 2002. – С. 175. (в тексте – РАС)
5. *Кубрякова Е.С.* Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986. – 250 с.
6. *Лекант П.А.* Синтаксис простого предложения в современном русском языке. 3-е изд. М., 2004. – 248 с.
7. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. 23-е изд. М., 1990. – 917 с. (в тексте – СО)
8. *Печников А.Н.* Опыт теории синтаксических единиц. Куйбышев, 1983. – 79 с.
9. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд. М., 2001. – 544 с.
10. *Розенталь Д.Э.* Справочник по орфографии и пунктуации. М., 1996. – 350 с.
11. *Сигал К.Я.* Сочинительные конструкции в тексте: Опыт теоретико-экспериментального исследования (на материале простого предложения). М., 2004. – 390 с.
12. *Скобликова Е.С.* Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. 3-е изд. М., 2006. – 320 с.

УДК 81'23

А.А. Воейкова

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ

Целью данной статьи является исследование национально-культурной специфики рекламных текстов, а именно аксиологического аспекта, на материале русской и американской рекламы. Логика статьи соответствует этапам проведения исследования. На первом этапе при помощи метода семантического дифференциала были отобраны и проанализированы слова-аксиологемы. На втором этапе, применяя методику «семантического гештальта», был сделан анализ ассоциативных полей данных слов-аксиологем. На третьем, заключительном этапе выделены ядерные и периферийные компоненты русского и американского языкового сознания и сделаны выводы, относительно их сходства и различия.

Ключевые слова: языковое сознание, рекламные тексты, слова-аксиологемы, ценности, свободный ассоциативный эксперимент, методика семантического дифференциала, «семантический гештальт».

Проведенное исследование посвящено изучению национально-культурной специфики языкового сознания, ставшей особенно актуальной в современной ситуации глобализации и взаимовлияния культур. При этом особый интерес представляют культуры, не схожие между собой и отражающие разные картины мира (в нашем случае это русская и американская культура).

Исследование проходило в три этапа, суть и результаты которых представлены ниже.

Этап 1. Отбор русских и американских ценностей, представленных в рекламных текстах, и их анализ методом семантического дифференциала. Рекламные тексты (РТ) основываются на определенных (выгодных, с точки зрения, их создателей) ценностных опорных стимулах. Учитывая этот факт, нами были отобраны и проанализированы на предмет содержания подобных РТ следующие отечественные и зарубежные периодические издания:

· *отечественные:* «7 дней», «Вокруг света», «За рулем», «Караван историй», «Домашний очаг», «Биография», «Карье-

ра», «Секрет фирмы», «Русский репортер», «Арбат Престиж», «Коммерсантъ (Власть)», «Мир ПК», «Итоги», «Компьютер Пресс», «Geo», «Burda», «Men's health», «Rolling Stone», «Cosmopolitan», «Forbes», «Newsweek», «National Geographic»;

· *американские:* «Outside», «Money», «The New Yorker», «Inc.», «Psychology Today», «Cosmopolitan», «Esquire», «Sports Illustrated», «Harvard Business Review», «National Geographic», «US News», «Am Cham News», «Passport», «Four Four Two», «Southern Living», «The Family Issue», «Vanity Fair», «At Home», «Good Housekeeping».

Аналізу подвергались только номера выше перечисленных изданий за период с 2005 года по 2007 год.

Общий объем отобранных текстов: 350 РТ из отечественных изданий и 310 РТ из американских.

В результате исследования слоганов отобранных РТ были составлены списки русских и американских слов-аксиологем (лексических единиц, указывающих на конкретные ценности), наиболее часто встречающихся в указанный временной

отрезок. В список русских ценностей вошли: *здоровье, удовольствие, победа, независимость, самодостаточность, свобода, молодость, красота, профессионализм, счастье, безопасность, традиции, дом, надежность, семья, дружба, доверие, партнерство, мир, экология, культура*. К американским ценностям относятся: *health, insurance, foodstuffs, ecology, safety, independence, achievements, power, freedom, individualism, longevity, protection, family, partnership, volunteer, success, beauty, education, home, love, dream, tradition, friendship, victory*.

Полученный список русских слов-аксиологем демонстрирует представленность практически всех основополагающих ценностей современного общества, например, ценности *здоровья* и связанной с ним *молодости* и *красоты*. Эти ценности, в основном, представлены в рекламах продуктов питания, косметики и средств личной гигиены, в которых обычно создается образ здорового, ухоженного, активного, спортивного человека (мужчины или женщины), который успешен в карьере и личной жизни, пользуется уважением коллег, ведет активный образ жизни, ориентирован на карьерные достижения и способен сам преодолеть любые трудности. С фактором успешности связаны такие ценности, как *профессионализм, самодостаточность, победа, независимость, партнерство, свобода*. Небольшой процент РТ основываются на традициях, культурном достоянии и прошлом России (как правило, эти ценности преобладают в рекламах продуктов питания), в связи с этим в нашем списке представлены *культура* и *традиции*. Традиционные понятия *дом, семья, доверие, дружба, счастье, мир* широко используются в РТ сотовых операторов, рекламе спиртных напитков, продуктов питания. В слоганах рекламы автомобилей, банковских услуг, бытовых приборов популярны идеи *безопасности* и *надежности*. Особо хотелось бы указать на частотность ценности *удовольствие*, к получению которого, соглас-

но современной отечественной рекламе, должен стремиться каждый.

По частоте встречаемости в русских РТ данные слова-аксиологемы можно разделить на три группы:

- **наиболее частотные (9%-7%):** *здоровье (9%), удовольствие (9%), победа (9%), независимость (8%), самодостаточность (7%);*

- **средне частотные (6%-4%):** *свобода (6%), молодость (6%), красота (5%), профессионализм (5%), счастье (4%), безопасность (4%), традиции (4%), дом (4%), надежность (4%);*

- **наименее частотные (3%-2%):** *семья (3%), дружба (3%), доверие (2%), партнерство (2%), мир (2%), экология (2%), культура (2%).*

В американской рекламе наибольшее внимание уделяется ценности *health*, которая включает в себя спортивный образ жизни, хорошую физическую форму, а также правильное питание (*foodstuffs*). Повышенное внимание к проблемам окружающей среды отражено в ценности *ecology*. Высок интерес и к страхованию жизни и имущества людей (*insurance*), о чем свидетельствует частота данной ценности (8%). Достаточное число РТ апеллируют к идее безопасности (*safety*), защищенности (*protection*) (опять же, в свою очередь, связанной со страхованием) и продлению жизни (*longevity*). Средней частотой характеризуются традиционные для американского общества ценности независимости (*independence*), свободы (*freedom*), индивидуализма (*individualism*), миссионерства (*volunteer*). Наименьшую распространенность и популярность в американской рекламе имеют ориентации на успех (*success*), победу (*victory*), получение образования (*education*), идея красоты (*beauty*), американской мечты (*dream*) и дружбы (*friendship*).

Как и русские, слова-аксиологемы в американских РТ можно разделить на три категории:

- **наиболее частотные (8%-7%):** *health (8%), insurance (8%), foodstuffs*

(7%), *ecology* (7%);

· **средне частотные (6%–4%):** *safety* (6%), *independence* (6%), *achievements* (5%), *power* (5%), *freedom* (5%), *individualism* (5%), *longevity* (5%), *protection* (5%), *family* (4%), *partnership* (4%), *volunteer* (4%);

· **наименее частотные (3%–2%):** *success* (3%), *beauty* (3%), *education* (3%), *home* (3%), *love* (3%), *dream* (2%), *tradition* (2%), *friendship* (2%), *victory* (2%).

Последним важным моментом первого этапа данного исследования было проведение анкетирования русских и американских респондентов при помощи метода семантического дифференциала. В нашем случае именно этот метод позволил получить данные о значимости выделенных слов-аксиологем для представителей русской и американской аудитории.

Состав участников: с русской стороны в эксперименте приняли участие 200 испытуемых (120 мужчин и 80 женщин), студенты следующих российских ВУЗов: Калужского филиала МГТУ им. Н.Э. Баумана (факультет менеджмента организаций – 80 человек), Российского университета дружбы народов (РУДН) (Институт мировой экономики и бизнеса – 60 чело-

век, факультет иностранных языков – 60 человек). Возраст испытуемых – от 17 до 25 лет. Сроки проведения эксперимента: сентябрь 2008 года.

С американской стороны в анкетировании приняли участие 100 человек (44 мужчины и 56 женщин) в возрасте от 20 до 35 лет, проживающие в следующих штатах: Maine, Vermont, Pennsylvania, Connecticut, Virginia, New Jersey, Massachusetts, Oregon, Washington D.C., Maryland, California, Missouri. В основном респонденты являются представителями педагогических, медицинских, юридических и творческих профессий. 85% опрошенных имеют высшее образование и степени бакалавра и/или магистра; 10 % - находятся в процессе обучения и 5% не имеют высшего специального образования. Сроки проведения эксперимента: август – октябрь 2008 года.

По данным семантического дифференциала произошло изменение в распределении значимости слов-аксиологем как у русских, так и у американских испытуемых. Данные о соответствующих изменениях представлены в *Таблице 1* и *Таблице 2* (значком * отмечены совпадающие ценности).

Таблица 1

Степень частоты	Данные анализа РТ	Данные анализа семантического дифференциала
Наибольшая частота (9%-7%)	здоровье* удовольствие победа независимость самодостаточность*	здоровье* самодостаточность* семья дружба профессионализм счастье дом
Средняя частота (6%-4%)	свобода* молодость красота профессионализм счастье безопасность традиции дом надежность*	победа независимость свобода* доверие удовольствие мир надежность* экология

Наименьшая частота (3%-2%)	семья дружба доверие партнерство* мир экология культура*	безопасность культура* красота традиции молодость партнерство*
----------------------------	--	---

Таблица 2

Степень частоты	Данные анализа РТ	Данные анализа семантического дифференциала
Наибольшая частота (8%-7%)	health* insurance foodstuffs ecology	health* family safety independence education protection power love
Средняя частота (6%-4%)	safety independence achievements* power freedom* individualism* longevity protection family partnership volunteer*	freedom* insurance success friendship individualism* ecology achievements* foodstuffs dream volunteer*
Наименьшая частота (3%-2%)	success beauty* education home* love dream tradition* friendship victory*	home* partnership tradition* longevity beauty* victory*

Из Таблицы 1 следует, что мнение российских респондентов относительно значимости слов-аксиологем совпадает с точкой зрения создателей РТ только в шести случаях из двадцати одного, что говорит о том, что современная реклама

не эффективно учитывает ценностные ориентации (ЦО) общества. К числу совпавших ценностей относятся: *здоровье, самодостаточность* (высоко значимые), *свобода, доверие* (средне значимые), *культура, партнерство* (низко значимые).

Данные семантического дифференциала доказывают высокую важность таких ценностей как: *семья, дружба, дом, профессионализм, независимость, свобода, доверие, мир* (причем эти же ценности признаются базовыми ценностями русской культуры). *Самодостаточность, счастье, победа, надежность и экология* не являются базовыми ценностям, но оцениваются русскими респондентами как значимые и средне значимые, а *безопасность, красота, молодость и партнерство* (также не входящие в число упоминаемых в социологических опросах) находятся в группе низко значимых, что свидетельствует о том, что на данный момент они не стали важными в российском обществе.

По сравнению с русскими, количество совпадений во мнениях относительно значимости ценностей в американских РТ немного выше – девять из двадцати четырех. К числу совпавших в группе наиболее значимых можно отнести только *health*; в категории средне значимых - *individualism, achievements, freedom, volunteer*; низко значимых - *home, tradition, beauty, victory*.

Сопоставляя результаты, полученные методом семантического дифференциала, с базовыми ценностями американской нации, следует признать стабильно высокую значимость следующих ЦО: *family, protection, independence, love, ecology, achievements, success, volunteer, freedom, dream, individualism, friendship*. Интересно отметить, что ранее не отмеченные в американской ценностной системе *health, safety, power, education, insurance* приобрели по данным семантического дифференциала большую степень значимости.

Этап 2. Сравнительный анализ содержания языкового сознания русских и американцев по материалам ассоциативного эксперимента.

Следующим этапом нашего исследования был свободный ассоциативный эксперимент (САЭ), проведенный на основе списка слов-аксиологем, полученных при

анализе русских и американских РТ. С русской стороны в САЭ приняли участие 245 испытуемых (130 женщин и 115 мужчин), а с американской – 105 (57 женщин и 48 мужчин). Эксперимент проводился с января по август 2008 года.

Полученные ассоциативные поля (АП), которые «представляют собой внешнюю форму существования образов сознания, ассоциированных со словами-стимулами» [Тарасов 2000: 31], были проанализированы при помощи метода «семантического гештальта» (Ю.Н. Караулова). После анализа каждого отдельного русского и американского слова-стимула делается краткий вывод о количественном соотношении представленных в нем семантических зон, а также о суммарном образе, стоящем за данным словом-аксиологемой в языковом сознании представителей русской и американской культур. Помимо этого, в описании русских стимулов высчитан показатель *W* по формуле, предложенной Дж. Дизом [Григорьев, Кленская 2000: С. 314-315] с тем, чтобы математическим способом определить степень наложения реакций в САЭ (2008) и РАС. Данный показатель может варьироваться от 0 (нет совпадений) до 1 (полное совпадение реакций).

Кроме того, в соответствии с одной из задач данного исследования был проведен сопоставительный анализ АП русских слов-стимулов с их аналогами в РАС (Ю.Н. Караулов, Ю.С. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, 1994-1998) с целью выявления произошедших изменений в образах сознания отечественных испытуемых за истекший период времени.

Проведение подобного сопоставительного анализа оказалось невозможным с американскими словами-стимулами, так как нет фундаментальных американских ассоциативных словарей, а в имеющемся словаре Б.В. Дашиевой-Шмеер «Ассоциативный словарь английского языка: американский вариант» (2003) из выделенных 24 стимулов можно найти только два (*love,*

family) [Ассоциативный словарь английского языка: американский вариант 2003].

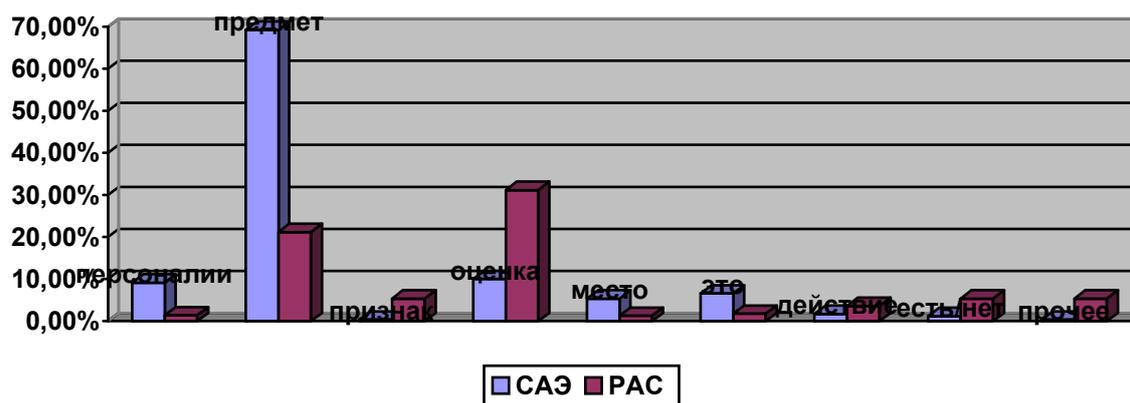
Вот как выглядит подобный анализ на примере АП «здоровье» / «*health*».

АП «здоровье»: представлено всеми семантическими зонами (СЗ) за исключением зоны «количество». СЗ «место», «это», «действие», «есть/нет» имеют приблизительно равное процентное соотношение. С категорией «место» в САЭ (2008) связаны реакции *больница* (типичная ассоциация, имеющая место и в РАС), *аптека, ММА им. И.М. Сеченова* (наличие этой реакции объясняется фактом проведения части САЭ (2008) в этом учебном заведении) и *тренажерный зал* (как место, где сейчас можно улучшить свою физическую форму и общее самочувствие). В категории «это» в САЭ (2008) преобладают положительные определения «здоровья»: *хорошее настроение, хорошее самочувствие, здоровый образ жизни* и т.д.; в РАС нет подобных определений, зато есть наречия, доказывающие понимание значимости здоровья: *главное, самое главное, важно*. Категории «делать» очень похожи, так как выражают сходную мысль о необходимости беречь здоровье (в РАС эта мысль звучит чаще: 20 реакций в РАС и только 4 в САЭ (2008)). СЗ «есть/нет» в САЭ (2008) представлена только тремя реакциями (в РАС их 29) и приблизительно равным количеством ассоциаций, указывающих как на отсутствие, так и на важность здоровья. Две СЗ («признак» и «прочее») имеют равное соотношение в САЭ (2008) и РАС: 0,4% : 5,4 %. В РАС респонденты были более склонны определять принадлежность здоровья (*людей, народа, человека, барана, дерева*), а также давать устойчивые ассоциации, иногда носящие эмоциональный характер (*в наших руках, как у быка, не купить, ни к черту, так себе, в норме*); тогда как в САЭ (2008) в категории «признак» и «прочее» зафиксировано по одной реакции: в первой - *оранжевый*, возможно, как ассоциация с чем-то положительным, во второй – *в радость*. Значительный пе-

ревес в пользу РАС наблюдается в СЗ «оценка» (10% : 31,2%) с преобладанием позитивных оценок состояния здоровья. В СЗ «предмет» и «персоналии» в САЭ (2008) гораздо больше реакций, чем в РАС. В частности, «здоровье» ассоциируется с *врачом* в шесть раз чаще в САЭ (2008), а также есть реакции типа *атлет, сильный телом и духом*, что связано с возрастающей популярностью спорта как способа поддержания здоровья. В категории «предмет» в САЭ (2008) среди материальных объектов присутствуют ассоциации, указывающие на нездоровье (*лекарства, кровать, аптечка, бинты, градусник, наркота, перелом, скорая помощь, таблетки*), на органы (*сердце, печень*), на атрибуты здорового образа жизни (*овощи и фрукты, без лекарств, морковь, розовые щеки, сок*); среди нематериальных объектов значительно преобладают позитивные реакции, описывающие то, что дает человеку здоровье, что в понимании современного поколения стоит за этим понятием: *счастье, сила, жизнь, благополучие, красота, семья, бодрость, гармония, радость, молодость* и т.д. В РАС материальные объекты достаточно разнотипны, но наиболее частотная реакция *журнал* (14 реакций) (имеется в виду популярный журнал «Здоровье»), а нематериальные схожи с САЭ, но менее разнообразны и многочисленны. **Вывод:** в РАС преобладают СЗ «признак» (5,4%), «оценка» (31,2%), «действие» (3,6%), «есть/нет» (5,4%), «прочее» (5,4%), в САЭ (2008) – «персоналии» (9,2%), «предмет» (69,3%), «место» (6,6%), «это» (5,9%). Категория «количество» отсутствует в САЭ (2008) и в РАС. Степень наложения реакций (W) – 0,304, что говорит о существенной разнице в АП по данным САЭ (2008) и РАС. Респонденты, принявшие участие в САЭ (2008), склонны признавать важность ценности «здоровье», вести здоровый образ жизни, ходить в тренажерные залы и заниматься спортом, поскольку, по их мнению, здоровье приносит человеку счастье и благополучие.

Сравнительная таблица САЭ (2008) и РАС:

	персона- лии	пред- мет	при- знак	оцен- ка	ме- сто	это	дейст- вие	есть/не т	про- чее
СА Э	9,2%	69,3%	0,4%	10%	5,4%	6,6 %	1,7%	1,25%	0,4%
РА С	1,4%	21,2%	5,4%	31,2%	1,3%	1,8 %	3,6%	5,4%	5,4%

АП «Health»: в СЗ «персоналии» это АП имеет только одну реакцию *strapping lad*, связанную с образом здорового человека. В СЗ «предмет» можно выделить ассоциации, указывающие на проблемы со здоровьем: *cancer, illness, disease, AIDS, childhood leukemia, death, diabetes, flu, heart disease, loss*, особенно показательна реакция *obesity*, поскольку ожирение стало наиболее острой проблемой американского общества. Другой проблемой в этой стране являются высокие цены на медицинское обслуживание, этим объясняются такие реакции, как *cost, costs, dollar*, сюда же можно отнести ассоциат *Medicaid*, который обозначает совместную государственно-федеральную программу, гарантирующую медицинские услуги бедному и неимущему населению. Однако забота о здоровье также является одной из прерогатив американцев, поэтому в их реакциях можно встретить, например, *exercise, vitamins, bath, bike, jogging, salad, yoga*. В целом же под данным стимулом понимаются *wealth, strength, lifestyle, happiness*. Значимость стимула “health” для опрошенных подтверждается и СЗ «прочее», в которой отмечены такие реакции, как

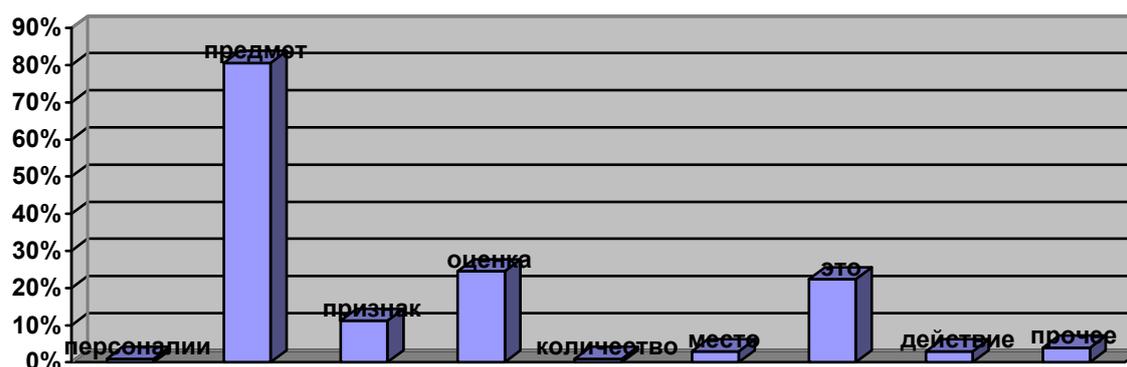
sound mind (словосочетание относится к выражению “A sound mind in a sound body”), *Good health is above wealth, Wealth is nothing without health* и *No Smoking* (традиционная формулировка о запрете курить в общественных местах). СЗ «признак» представлена реакциями *expensive* (самая частотная – 4), что доказывает высокую стоимость медицинских услуг; положительными реакциями *clean, free from disease, quick, universal, wholesome*, реакциями, связанными с личной принадлежностью «здоровья» (*my health, the health of my children*) и двумя ассоциатами *only private, public health*, которые указывают, во-первых, на разделение общего и частного здравоохранения, и, во-вторых, на предпочтительность для американцев последнего (*only private*). Преобладание положительных реакции наблюдается и в СЗ «оценка»: *good, strong, important, attractive, hearty, happy, hale, healthy, splendid, sound*, при этом следует подчеркнуть, что здоровый человек для американцев это счастливый человек (*happy*), что переключается и с ассоциатом *happiness* в СЗ «предмет». Однако помимо положительных реакций в СЗ «оценка» зафиксирова-

ны и отрицательные *fat, poor, in crisis*, возвращающие нас к проблеме избыточного веса и негативной оценке населением состояния либо своего собственного здоровья, либо всей американской медицинской системы. СЗ «количество» представлена единичной реакцией *no more*, которую можно интерпретировать как «no more health». Немногочисленными являются и две другие СЗ, а именно «место» и «действие» (по 3% от общего числа реакций), и в них «health» связано прежде всего с *health care system, America*, то есть с американской системой здравоохранения, а также с реакциями обозначающими заботу о здоровье (*take care*), обладание хорошим здоровьем (*to enjoy*) и причинением вреда здоровью (*to damage*). В СЗ «это» отмечены реакции, подтверждающие плохое состояние американской системы здравоохранения (*broken system in USA, lacking system in USA*), ее дороговизну (*hospital bills*) в силу необходимости иметь соответствующие социальные стра-

ховки (*medical insurance, health insurance*). Также «health» ассоциируется с продуктами питания (*healthy foods, no chemicals, fatty foods*), со здоровым внешним видом (*robust appearance, rosy cheeks*) и с хорошим самочувствием (*the state of being well, well being*). *Вывод:* таким образом, можно констатировать важность, значимость и необходимость поддержания здоровья для опрошенных представителей американской нации, но, одновременно с этим, как выявляет наш анализ, не все обстоит благополучно с национальной системой американского здравоохранения, равно как и со здоровьем самих граждан. АП «health» представлено всеми СЗ за исключением «есть/нет». Наибольшей семантической наполненностью характеризуются СЗ «предмет» (80,6%), «оценка» (24,5%), «признак» (13,2%) и «это» (20,4%), наименьшей – «персоналии» (1%), «количество» (1%), «место» (3%), «действие» (3%) и «прочее» (4%).

Процентное соотношение семантических зон:

	персоналии	предмет	признак	оценка	количество	место	это	действие	прочее
СА	1%	80,6%	13,2%	24,5	1%	3%	20,4	3%	4%
Э				%			%		

Этап 3. Описание и анализ ядерных и периферийных компонентов образов русского и американского языкового сознания.

Для определения ЯК и ПК русских и американских образов сознания нами были отобраны реакции, составляющие бо-

лее 60% от всего объема ассоциаций, полученных в ходе САЭ (2008). Соответственно, реакции, имевшие частоту менее 60%, вошли в ПК.

На основании подобного анализа были сделаны следующие выводы:

Русское языковое сознание по данным

САЭ (2008): в состав ЯК входят: **ЧЕЛОВЕК, СЕМЬЯ (ДЕТИ), ДРУГ, ДЕНЬГИ (БЛАГОСОСТОЯНИЕ, ДОСТАТОК), РАБОТА (ТРУД, КАРЬЕРА), УДОВОЛЬСТВИЕ, ЛЮБОВЬ, ВЕРНОСТЬ, СЧАСТЬЕ, ЖИЗНЬ, РАДОСТЬ, СВОБОДА, ДОМ, ЗДОРОВЬЕ, САМОРЕАЛИЗАЦИЯ (САМОДОСТАТОЧНОСТЬ)**; наиболее распространенные оценки: **БОЛЬШОЙ, ХОРОШИЙ, МОЙ** и отрицание – **НЕТ**. К ПК можно отнести такие понятия как **ЗАЩИТА, МИР, ДОВЕРИЕ, НЕЗАВИСИМОСТЬ, ОДИНОЧЕСТВО, ВОЙНА, НАРОД, ЦЕННОСТЬ**, а также местоимение – **Я**.

Русское языковое сознание по данным РАС: в ЯК вошли **ЧЕЛОВЕК, ДРУГ, ДОМ, СЕМЬЯ (ДЕТИ), ЖИЗНЬ, МИР, ЛЮБОВЬ, ДЕНЬГИ, НАРОД (ОБЩЕСТВО, НАЦИЯ, КОЛЛЕКТИВ, ЧЕЛОВЕЧЕСТВО), РАДОСТЬ, СЧАСТЬЕ**; оценки – **БОЛЬШОЙ, ХОРОШИЙ**; местоимение – **НАШ** и отрицание – **НЕТ**. К ПК относятся **ПРИРОДА, ВОЙНА, ОПАСНОСТЬ, СПОРТ, БОЛЕЗНЬ**; оценка – **КРЕПКИЙ**, местоимение – **МОЙ**.

Сравнительный анализ ЯК и ПК русского языкового сознания по данным САЭ (2008) и РАС:

· черты сходства: равно как и в РАС, в ЯК русского языкового сознания по данным САЭ (2008) неизменными остались следующие реалии: **ЧЕЛОВЕК, ДРУГ, СЕМЬЯ (ДЕТИ), ДОМ, ЖИЗНЬ, РАДОСТЬ, СЧАСТЬЕ, ЛЮБОВЬ, ДЕНЬГИ**, а также такие оценки, как **ХОРОШИЙ, БОЛЬШОЙ** и отрицание **НЕТ**. На периферии совпадение наблюдается только в реакции **ВОЙНА**. Таким образом, можно признать, что за более чем сорокалетний период времени (с 60-х годов XX века по 2008 год) выше указанные понятия не утратили первостепенной значимости для носителей русского языкового сознания и как и раньше занимают центральное место в их образе мира. А это, в свою очередь, подтверждает выводы Н.В. Уфимцевой относительно системности

языкового сознания (в нашем случае русского), которое является достаточно стабильным в силу своей связи с системой этнических констант [Уфимцева 2002: 219].

· черты различия: во-первых, реакции **МИР, НАРОД**, занимавшие по данным РАС место в ядерной части, отошли в периферийную область по результатам САЭ (2008). Местоимение **НАШ** не отмечено среди реакций САЭ (2008). Вместе с тем, в ЯК САЭ (2008) появились новые реалии, например: **БЛАГОСОСТОЯНИЕ, ДОСТАТОК, РАБОТА (ТРУД, КАРЬЕРА), УДОВОЛЬСТВИЕ, ВЕРНОСТЬ, СВОБОДА, ЗДОРОВЬЕ, САМОРЕАЛИЗАЦИЯ (САМОДОСТАТОЧНОСТЬ)**. Следовательно, в ядерной части языкового сознания русских респондентов стал более выражен социально ориентированный компонент.

Во-вторых, такая единица, как **МОЙ**, находившаяся в РАС на периферии, перешла в САЭ (2008) в группу ЯК, в то время как **ПРИРОДА, КРЕПКИЙ, ОПАСНОСТЬ, СПОРТ, БОЛЕЗНЬ** не зафиксированы в САЭ (2008). При этом в ПК русского языкового сознания по результатам САЭ (2008) отмечены новые реакции: **ЗАЩИТА, ДОВЕРИЕ, НЕЗАВИСИМОСТЬ, ОДИНОЧЕСТВО, ЦЕННОСТЬ, Я**. Эти изменения свидетельствуют о возрастании роли личностного начала (**МОЙ, Я**), ценностей социальной и личностной защищенности (**ЗАЩИТА, ДОВЕРИЕ**) и свободы человека (**СВОБОДА, НЕЗАВИСИМОСТЬ**), а также о возросшем ощущении одиночества (**ОДИНОЧЕСТВО**).

Американское языковое сознание по данным САЭ (2008): в состав ЯК вошли: **FAMILY, USA, SAFETY (SECURITY), PROTECTION, HEALTH, MONEY, LOVE, LIFE, INDEPENDENCE, POWER, LONELINESS, EDUCATION (COLLEGE, SCHOOL), FREEDOM**; наиболее распространенными оценками являются **HAPPY, IMPORTANT, SAFE**. К ПК принадлежат **SUCCESS, HOUSE,**

GOALS, PROMOTION, FRIEND, CHRISTMAS, ACHIEVEMENTS, WAR, а также оценки **GOOD, STRONG.**

Сравнительный анализ ЯК и ПК русского и американского языкового сознания по данным САЭ (2008):

· черты сходства:

В ЯК русского и американского языкового сознания зафиксированы следующие одинаковые реакции: **СЕМЬЯ (FAMILY), ЗДОРОВЬЕ (HEALTH), ДЕНЬГИ (MONEY), ЛЮБОВЬ (LOVE), ЖИЗНЬ (LIFE), СВОБОДА (FREEDOM).** Они свидетельствуют о наличии в центре образа мира представителей таких разных культур, как русской и американской, некоторых жизненных ценностей. Относительно реакции **ДЕНЬГИ (MONEY)**, то для русского языкового сознания она является новой реалией, не характерной для исконно русской ментальности, в связи с чем можно предположить, что ее появление вызвано влиянием западной культуры, где ценности благосостояния и достатка изначально занимали достаточно высокое место. На периферии совпадение наблюдается только в одной реакции – **ВОЙНА (WAR)**, что указывает на то, что хотя «война» и не играет ключевую роль в образе мира русских и американцев, но определенная озабоченность и беспокойство, связанные с этим понятием, безусловно, присутствуют в сознании представителей изучаемых культур.

· черты различия:

1) В отличие от русского, американское сознание не является «человекоцентричным», в его ЯК присутствуют реакции, указывающие на предметы (**MONEY**), понятия (**LIFE, FREEDOM, POWER, INDEPENDENCE**), чувства (**LOVE, LONELINESS**), исключение составляют только **USA** и **FAMILY**. Первая реакция доказывает высокий уровень патриотизма данной нации, образ Америки занимает одно из доминирующих положений в восприятии действительности, по данным САЭ (2008) с ним связаны как положительные, так и отрицательные эмоции

респондентов, и можно даже говорить о некотором «америкоцентризме» их сознания. Что касается реакции **FAMILY**, то если в русской картине мира **СЕМЬЯ** и **ДОМ** одинаково значимы и находятся в ядерной части образа сознания, то у американцев, напротив, **FAMILY** и **HOME** не взаимосвязаны. Реакции **HOME** вообще не было зафиксировано в американском языковом сознании, а присутствующая в нем **HOUSE** находится в периферийной зоне, что указывает на ее второстепенную значимость. Об этом же говорит и место, занимаемое **FRIEND** (тоже на периферии). При этом, в русском языковом сознании **ЧЕЛОВЕК, СЕМЬЯ, ДРУГ** стабильно сохраняют приоритетность уже на протяжении нескольких десятков лет, о чем свидетельствует анализ РАС и подтверждают данные САЭ (2008).

2) В ЯК американского языкового сознания неоднократно встречаются реакции, связанные с понятием «безопасность» (**SAFETY, SECURITY, PROTECTION, SAFE**), тогда как в русском сознании отмечена только одна реакция с подобным смыслом (**ЗАЩИТА**), и расположена она в периферийной зоне. Следовательно, можно сделать вывод, что идея «безопасности» волнует американцев гораздо больше чем русских;

3) Для американских респондентов также характерно придание большого значения понятию **POWER**, под которым понимается «сила, мощь, энергия; могущество, власть, влияние» [Англо-русский словарь 1977: 576]. В русском сознании не было отмечено ни одной из подобных реакций;

4) Две реакции (**ОДИНОЧЕСТВО (LONELINESS)** и **НЕЗАВИСИМОСТЬ (INDEPENDENCE)**), находящиеся в американском языковом сознании в ЯК, по данным САЭ (2008) занимают место среди ПК. Таким образом, американские респонденты острее ощущают нехватку человеческого общения, с одной стороны, и потребность в независимости, с другой. Отметим также, что по данным РАС ука-

занные выше реакции не были характерны для русского языкового сознания, следовательно, они могут отражать появление новых реалий в образе мира респондентов, принявших участие в САЭ (2008), свидетельствующих об увеличении значимости **НЕЗАВИСИМОСТИ** и большей распространенности **ОДИНОЧЕСТВА**. Можно предположить, что это взаимозависимые процессы, поскольку, чем сильнее в человеке стремление к независимости, обособленности, полаганию на себя, тем больше это отрывает его от коллектива, от окружающих его людей. А так как идея о благе «независимости» явно заимствована у западной культуры (возможно, в частности, американской), то появление этих реакций объясняется западным влиянием;

5) Другим примером подобного воздействия западной культуры на сознание наших респондентов является появление в его ЯК реакций **КАРЬЕРА, ДЕНЬГИ, САМОДОСТАТОЧНОСТЬ, САМОРЕАЛИЗАЦИЯ**. Очевидно, что по смыслу они сходны с американскими **MONEY, SUCCESS, GOALS, PROMOTION, ACHIEVEMENTS**. Следовательно, в последнее время социально (и материально) – ориентированная направленность стала оказы-

вать большее влияние на образ мира русских, чем прежде, так как традиционно отношение к работе и богатству в нашей культуре было негативным [Касьянова 1994];

6) В ЯК сознания американских респондентов присутствуют реакции **EDUCATION (SCHOOL, COLLEGE)**, отсутствие которых в русском говорит о том, что эти ценности пока не стали столь важны для отечественных респондентов;

7) Нет совпадений и среди оценочных реакций, поскольку в ЯК русского языкового сознания к таковым можно отнести **БОЛЬШОЙ, ХОРОШИЙ**, а в американском – **HAPPY, IMPORTANT, SAFE**. В зоне ПК оценочные реакции отмечены только в американском сознании – **STRONG, GOOD**. Как видно все реакции имеют положительный характер, но при этом для русских оценка «хороший» более частотна, чем для представителей американской культуры;

8) В американском образе языкового сознания по данным САЭ (2008) не отмечено местоименных реакций, как, например, в русском – **МОЙ**, равно как и реакций, несущих отрицание, тогда как в ядре русского языкового сознания зафиксирован негатор **НЕТ**.

Список литературы

1. Англо-русский словарь: под ред. В.К. Мюллера. – 17-е изд. испр. и доп. – М.: «Русский язык», 1977. – 888с.
2. Ассоциативный словарь английского языка: американский вариант (прямой словарь: от стимула к реакции): отв. ред. Б.В. Дашиева-Шмеер. – М.: 2003. – 52с.
3. Берсенева Н.И., Дубовская Л.А., Овчинникова И.Г. Ассоциации детей от шести до девяти лет. – Пермь, Книжный мир, 1995.- 342с.
4. Григорьев А.А., Кленская М.С. Проблемы количественного анализа в сопоставительных исследованиях ассоциативных полей // Языковое сознание и образ мира / отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: ИЯ РАН, 2000. – С. 313-318.
5. Касьянова К. О русском национальном характере. – М.: Издательство Института национальной модели экономики, 1994. – 289с.
6. Латин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социс. – 1996. - №5. – С. 3-19.
7. Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. – Волгоград, Перемена, 2002. – 435с.

8. *Пирогова Ю.С.* Динамика ценностных ориентаций населения региона на современном этапе трансформации общества: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06. – Тюмень, 2004. – 183с.
9. РАС: Русский ассоциативный словарь в 2-х т.: сост. Ю.Н. Караулов, Ю.С. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. – М.: «Помовский и партнеры», 2002.
10. *Тарасов Е.Ф.* Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира / отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: ИЯ РАН, 2000. – С. 24-32.
11. *Уфимцева Н.В.* Культура и проблемы заимствования // Встречи этнических культур в зеркале языка (в сопоставительном лингво-культурном аспекте) / Научный совет по истории мировой культуры. – М.: Наука, 2002. – С. 215-238.
12. *Уфимцева Н.В.* Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование: сборник статей / отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: ИЯЗ, 1998. – С. 135-170.
13. *Althen G.* American ways: a guide for foreigners in the United States. – Yarmouth, Maine, Intercultural Press Inc., 1988. – P. 431.
14. *Aries Ph.* Centuries of childhood: a social history of family life. – N.-Y.: Random House, 1962. – P. 240.
15. *Bellah R.N.* Habits of the heart (individualism and commitment in American life). – University of California Press, 1996. – P. 356.
16. *Demos J.A* little commonwealth: family life in Plymouth colony. – New York, Oxford University Press, 1970. – P. 326.
17. Longman Dictionary of Contemporary English в 2-х т. – М.: «Русский язык», 1992.

УДК 81'233

Н.М. Юрьева

К ПРОБЛЕМЕ СТАНОВЛЕНИЯ ПОВЕСТВОВАНИЯ В ДЕТСКОЙ РЕЧИ

Статья посвящена раннему периоду становления повествования в детской речи и участию взрослого в порождении ребенком устного повествования. Показано с опорой на материал наблюдений, что на ранних этапах вербальной коммуникации первые формы раннего повествования возникают внутри диалогического взаимодействия маленького ребенка с окружающими его взрослыми.

Ключевые слова: речевое общение в онтогенезе, дискурсивная компетенция, повествование, событие, вербальное опосредование, диалог, монолог

Уже несколько десятилетий повествовательный или, по Р. Барту, «сообщающий» текст остается предметом большого числа философских, литературоведческих, социологических исследований, однако в лингвистике проблема повествовательного текста (насколько нам известно) специально не ставилась. В этой связи весьма показателен тот факт, что в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» [Р. Барт, 2000] отдельной статьи, посвященной повествованию нет. В классической литературной традиции повествование или нарратив трактуется как история, воссоздающая в письменной, устной (поэтической, песенной и т.д.) форме последовательность вымышленных и невымышленных событий. Этимология термина «нарратив» восходит к латинскому слову *narrare*, которое означает «рассказывать, подробно излагать, перечислять» и связано с адъективом *gnarus*, т.е. "knowing" – знающий, относящийся к умственным способностям или "skilled" – опытный, умелый, искусный. В этой статье термины «повествование» и «нарратив» употребляются в качестве синонимов и используются для референции к последовательности событий, описываемых в повествовании.

С позиций современной лингвистики, обращенной в область живого речевого общения к дискурсу и различным фено-

менам лингвокоммуникативного процесса, повествование предстает как один из основных инструментов социального взаимодействия и коммуникации, позволяющий человеку обмениваться своим опытом и знаниями, эмоциями и ценностями с другими людьми, и одновременно как специфический результат речемыслительной деятельности говорящего. В ходе повествования своеобразным образом реализуется особая внутренняя потребность индивида «быть понятым другими» через сообщение информации о событиях и своем отношении к этим событиям другим членам коллектива или группы. По мнению М. Томаселло, мотив или желание индивида поделиться «своим» (миром, ощущениями, взглядами) является способом информирования. Подобное стремление индивида поделиться (to simply share information) с другими людьми информацией и, что особенно важно, своими впечатлениями о событиях позволяет говорящему найти и расширить «нечто общее», объединяющее его с другими (to expend on's common ground), влиться в группу и быть принятым ею, чтобы общаться более доверительно. Все это служит формой социальной идентификации, связи и объединения с другими членами группы. В психолингвистической науке, равно как и в теории речевых актов обмен информацией, знанием, опытом (принад-

лежащим говорящему, т.е. индивидуальным опытом) рассматриваются как создание общего фонда знаний о мире, который служит одним из существенных условий успешности осуществления речевых актов и базой кооперации. М. Томаселло отмечает, что в филогенезе этот мотив, в конце концов, привел к конвенциализации и нормативности многих проявлений социального (группового) поведения с вытекающим отсюда имплицитным социальным давлением: «сделать что-то так, как это делают другие» [Tomasello 2008: 282].

В обыденной жизни основной формой, посредством которой люди различных культур делятся информацией и своим отношением к событиям, происходящим вокруг них, тем самым осмысливая их, является повествование. Вместе с коммуникативной (социальной связи) функцией, на которой делает акцент М. Томаселло, на наш взгляд, следует выделить функцию создания смысла в повествовании, так как посредством повествования человек осмысливает познанный фрагмент мира, выделяет в нем своеобразные вехи, придает познанному (своему знанию) форму и смысл, упорядочивает свой опыт темпорально и логически. Следует также выделить культурологическую функцию, которая наиболее ярко проявляется в «прецедентных текстах» (по Ю.Н. Караулову), в которых накапливается культурно-смысловая основа народа – его память – и таким образом обеспечивается своего рода «связь времен» между поколениями.

В нашей статье мы попытаемся описать первые формы раннего повествования, которые возникают внутри диалогического взаимодействия маленького ребенка с окружающими его взрослыми, и высказать предположения о возможных особенностях развития повествования на дошкольной ступени онтогенеза.

Доминантной формой в становлении речевого онтогенеза по праву признается диалог, как наиболее естественная форма речевого общения, оказывающая влияние не только на развитие различных комму-

никативных умений ребенка, но и, в целом, на вхождение ребенка в систему социальных связей и социального сотрудничества, равно как и на его общепсихическое и интеллектуальное развитие. В отечественной психолингвистической науке проблема формирования повествовательного текста на дошкольной ступени онтогенеза долгое время находилась на периферии исследовательских интересов. Недооценка изучения генезиса повествования в общем континууме формирования различных форм речевого общения в детской речи связана с тем известным фактом, что умения рассказывать о тех или иных событиях более интенсивно проявляются у детей в процессе систематического обучения и целенаправленного формирования связной повествовательной речи в школе, причем чаще письменной речи. Многие известные работы по этой проблематике в основном сконцентрированы на материале речевой продукции детей, которые находятся в преддошкольном возрасте, либо уже перешагнули дошкольную ступень в становлении языковой личности.

Изучение формирования способности к построению дискурсов ныне становится предметом особой области онтолингвистики – коммуникативной онтолингвистики, где, как отмечает К.Ф. Седов, в качестве центрального объекта выступает детский персональный дискурс, под которым понимается «коммуникативное пространство, отражающее каждодневное речевое поведение ребенка». Именно «становление жанровой компетенции неизбежно оказывается в центре коммуникативной онтолингвистики» [Седов 2002: 43; Лемяскина 2004]. Повествовательная составляющая дискурсивной деятельности детей в дошкольном детстве не столь заметна, как традиционно противопоставляемая ей форма речевой деятельности – диалог. Под повествовательной дискурсивной деятельностью мы понимаем разновидность речевой деятельности, которая предполагает наличие у языковой личности осознанных умений и навыков к порождению

целостных речевых произведений [Седов 2004: 9]. Очевидно, что данное определение, включающее осознанный характер речевых действий и сознательное управление говорящим процессами объективации знаний в речи, в большей мере относится к сформировавшейся языковой личности и зрелой дискурсивной компетенции взрослого человека [Сигал 2001: 42-43].

Если говорить о повествовательной деятельности ребенка, то по существу для психолингвиста это проблема порождения устного повествовательного текста (далее, текста) детьми. Это означает, что исследователю необходимо увидеть и показать, как маленькие дети рассказывают истории, какие внутренние речемыслительные процессы обеспечивают повествовательный дискурс, какие факторы влияют на его протекание, включаются в развертывание мысли ребенком и, возможно, определяют структурно-семантическую и прагматическую организацию текста как целостного и связного речевого произведения. На наш взгляд, к ключевым моментам этой проблемы принадлежит круг проблем на уровне «текст – действительность», т.е. когнитивный аспект текста, который отражает уровень представлений ребенка о мире, о событиях, которые происходят вокруг ребенка, о его восприятии этих событий. Когнитивный аспект текста связан с внутренними когнитивными процессами, ведущими к некоторому «кванту» когнитивного содержания (знания, когнитивной информации), из которого, говоря словами У.Чейфа, выкристаллизовываются пропозициональные и языковые структуры [Чейф 1983: 72]. Следующий круг проблем лежит на уровне «текст – реципиент» и выводит исследователей в коммуникативный аспект текста, связанный с выражением когнитивной информации в языковых структурах различной сложности, релевантными для того контекста, в котором они производятся. Приведенные идеи разрабатывались А.М. Шахнаровичем в ряде работ [1987: 30;

1983].

Частью этого по своей природе сложнейшего процесса являются «речевые жанры», научное осмысление которых легло в основу теории речевых жанров М.М. Бахтина, оставшейся, как известно, до конца не разработанной. Под речевыми жанрами М.М. Бахтин понимал широкий спектр разнородных письменных и устных тематически и ситуативно обусловленных «типических высказываний», которые, по его словам, «приходят в наш опыт и в наше сознание вместе и в тесной связи» с формами языка [Бахтин 1986: 252, 294-295]. К.Ф. Седов, разрабатывающий проблему формирования дискурсивной компетенции языковой личности, подчеркивает психолингвистическую природу речевых жанров и указывает на «жанровые стереотипы» – представления о правилах и нормах коммуникативного поведения, которые осваиваются индивидом по мере развития и находятся в основании «жанровой системы взрослого человека» [Седов 2002: 43-44]. По словам автора, «жанры общения не являются внешним условием коммуникации, которые говорящий/пишущий должен соблюдать в своей речевой деятельности. Они присутствуют в сознании языковой личности в виде фреймов, влияющих на процесс разворачивания мысли в слово <...> Уже на стадии возникновения коммуникативного намерения происходит настрой на ту или иную социально-коммуникативную ситуацию <...>, ту или иную модальность общения» [Седов 2001: 191-192].

Как уже отмечалось, в создании повествовательного дискурса, задействованы два взаимодействующих «слоя»: когнитивный и коммуникативный, обеспечивающие аналитическую расчлененность стоящего за текстом фрагмента опыта ребенка и одновременно целостность, законченность и связность повествования. Понимая взаимообусловленность названных составляющих, вовлеченных в механизм создания повествовательного фрагмента, являющегося, по словам К.Я. Си-

гала, «наиболее емкой структурно-речевой формой воплощения когнитивно-коммуникативной активности говорящего» [Сигал 2004: 28], мы полагаем, что ведущими в этом, по своей сути, едином процессе являются внутренние (мыслительные) процессы, обеспечивающие дискретизацию фрагмента действительности, находящегося в центре повествования. Для повествовательной, по своей сути, речемыслительной деятельности ребенка центральным моментом здесь является осознание «образа события» в его дискретно-континуальной плоскости или «дискретно-континуальном времени» как динамического и изменяющегося явления, характеризующегося «инициальными и финальными состояниями» [Шабес 1989: 14-16]. Это означает, что ребенку необходимо осуществить структурирование целостного события на ряд более мелких событийных единиц - «сцен», «микрособытий», связанных во времени-пространстве общими субъектами-деятелями, действиями, предметами, находящимися во взаимодействии и в причинно-следственных отношениях. Подход к процессу повествования в системе отношений «адресант – текст – адресат» позволяет рассматривать повествовательный текст как фрагмент знаний о мире, «опредмеченный» с помощью имеющихся у адресанта языковых средств в виде «линейно упорядоченной совокупности дискретных знаковых единиц разного объема и сложности» [Шабес 1989]. Процесс «опредмечивания» и языкового упорядочивания определяется на каждом этапе развития ребенка «личностными языковыми системами», формирующимися в ходе онтогенетического развития и являющимися следствием отражения и генерализации элементов системы родного языка. В концепции А.М. Шахнаровича формирование мыслеречедеятельности в онтогенезе рассматривается как развитие связей между языковыми знаками и действительностью, которые (связи) «развиваются по мере развития познавательных способностей ребенка, по мере усложне-

ния (и расширения) круга коммуникативных ситуаций и предметной деятельности, которая обслуживается коммуникацией» [Шахнарович 1998: 57-58]. Таким образом, в психолингвистическом аспекте повествовательный текст может быть представлен как результат речемыслительной деятельности адресанта, возникающий в коммуникативной ситуации и несущий в себе единство коммуникативного и когнитивного компонентов, участвующих в процессе повествования. Когда и на каком этапе в этот сложный процесс вступают речевые жанры, существуют ли различия в их действии у взрослых носителей языка и детей, исследователям еще предстоит ответить.

На наш взгляд, специфика повествовательной деятельности на ступени дошкольного развития состоит прежде всего в том, что это динамично развивающийся речемыслительный процесс, имеющий своим коммуникативным импульсом сообщение другому индивиду (взрослому, ребенку) некоторого «кванта» когнитивного содержания (субъективно структурированного), вобравшего в себя прошлый опыт ребенка и его представления о предметах, признаках, действиях, живых существах в их взаимодействии и взаимосвязи в некоторой событийной последовательности, не представленной в актуальной коммуникативной ситуации (ситуации повествования), и имеющий своим результатом некоторый развернутый, линейно организованный устный текст. Целостность, содержательность и грамматическая связность текстов, как мы полагаем, будут определяться, как писал А.М. Шахнарович, развитием языковой способности ребенка, «его социально-коммуникативным опытом, частотой контактов с различными коммуникантами в ситуациях, отмеченных самыми разными социальными параметрами» [Шахнарович 1998: 60-61].

Заметим, что возникновение повествования в детской речи исследователи не связывают исключительно со словесным этапом освоения языка и речевой продук-

цией ребенка, а относят к доречевому этапу онтогенеза, к периоду возникновения информативной функции (7 – 12 мес.) в общении со взрослым. Информативная функция в этот период проявляется через индикацию, когда ребенок не называет предмет, но указывает на него. В ситуациях подобного типа, по словам М.И. Лисиной, «в обнаженном виде обнаруживается ситуативность первых слов в устах ребенка, их жестовый (указательный) характер и условность» [Лисина 1985: 28]. В исследованиях показано, что уже на начальных стадиях сенсомоторного интеллекта в процесс интеллектуального и когнитивного развития ребенка входит коммуникативная составляющая, занимающая значительное место первоначально в эмоционально-деятельностном общении матери и ребенка, а затем в «совместно-разделенной» деятельности между ребенком и взрослым (М.И. Лисина, Дж. Брунер, Е.И. Исенина и др.). У детей полутора – двух лет ранее существовавшая довербальная форма общения со взрослым существенно изменяется и протекает с использованием речи, которая сопровождает невербальную коммуникацию. В этот период речь остается ситуативной, включена в совместные действия ребенка и взрослого и в основном возникает в ситуациях, когда старшие организуют деятельность ребенка и помогают в ее осуществлении. Именно с помощью взрослого ребенок познает социальное значение предмета, принятые в данном обществе способы предметных действий, усваивает познавательные нормы и эталоны, объективированные в этих предметах. Одновременно в интерактивной деятельности со взрослыми у ребенка происходит развитие познавательной деятельности, мышления, языковой и коммуникативной способности, в том числе первичных, первоначально «неоформленных» дискурсивных структур «информативного жанра», посредством которых ребенок сообщает взрослому о взволновавшем его случае, интересном предмете, игрушке.

Рассматривая жанры общения в речевом онтогенезе, К.Ф. Седов обращает внимание, что в раннем детстве «намечается дифференциация континуума персонального дискурса ребенка на информативную и фатическую речь», что и «дает начало овладению информативными и фатическими жанрами общения» [Седов 2001: 194]. Уже в этот период в речи ребенка исследователи отмечают появление рассказа. В качестве примера приведем (вслед за К.Ф. Седовым) записанный С.Н. Цейтлин рассказ двухлетнего мальчика о том, что произошло с телефонным аппаратом. «*Аё апам ... аё пачет, пачет ... аё теи ... аё кеи ... аё пакать неа ... аё исё апам неа*» [Цейтлин 1988: 6].

Предметное взаимодействие и общение со взрослым в ежедневных ситуациях приводит к тому, что у ребенка формируется обобщенная позиция младшего партнера, ведомого взрослым и учитывающего инициативу последнего. В этот период происходит интенсивное становление вербальной коммуникации, которая представляет собой диалогическое общение с близкими людьми или со сверстниками в конкретной ситуации по поводу тех или иных действий, предметов, зачастую принадлежащих актуальной ситуации или известных собеседникам из предшествующего опыта общения. Именно в совместной и игровой деятельности со сверстниками происходит, с одной стороны, дальнейшее развитие диалогической компетенции ребенка, а, с другой стороны, формирование самостоятельных текстовых продуктов информативного типа, представленных речевыми цепочками, состоящими из полных и неполных предложений одного говорящего, которые воссоздают в речи условную игровую ситуацию и смену событий. Например, а) мальчик (младшая группа, 3-4 л.) катается по игровой комнате на большом пластмассовом автомобиле: «*Полиция, полиция. У-у-у. Авария. Моя машина сломана*»; б) мальчик (младшая группа, 3-4 л.) крутит большой пластмассовый круг: «*Я на*

корабле. Плыву в далекую страну... (долго крутит круг). ... Все... крушение, ... я плыву (размахивает руками).

В приведенных примерах, помимо условных игровых действий, мы обнаруживаем речевое замещение условной игровой ситуации (ее компонентов), воссоздаваемой ребенком в речи. Наблюдения свидетельствуют, что с усложнением игровой деятельности дети все чаще замещают речью не только отдельные действия или отсутствующие предметы, но и осуществляют «проговаривание» целых воображаемых событий. При этом отметим, что ребенок проводит линейное развертывание информации о воображаемом событии и логически её упорядочивает путем перечисления воображаемых действий без использования специальных формальных языковых средств.

Наблюдения за детской речью свидетельствуют о том, что к трехлетнему возрасту с расширением круга общения, развитием процессов познания окружающего мира и самого языка в речевой деятельности ребенка появляются монологические фрагменты-описания, в которых дается вербальное описание какого-либо отсутствующего предмета или недавно произошедшего с ребенком события. Например: а) Катя Т. (около 3,5 л.) рассказывает другому ребенку о представлении в цирке: *«Там много зверей и змея ползла, где люди сидели и смотрели, где зрители сидели»*; б) Аня Ю. (3,3 л.) пришла домой из детского сада и рассказывает: *«Алла болеет. И Адамов болеет. Дома сидят они»*; в) девочка (около 4 л.) обращается к сверстнику в ходе совместного рисования: *«Я сама нарисую елку, я сама умею, мне мама сказала. А у меня дома красивая елка была»*.

В ходе развития происходит «последовательное расширение когнитивного пространства», освоение которого идет по пути расчленения целостности, отражения единичных объектов в их деятельности в момент времени, выделения состояний и характеристик внешнего мира в измене-

ниях и различии, происходит осознание единичных нерасчлененных отражений фрагментов объективной реальности (например, «там много зверей и змея ползла»), и «формирование обобщенных когнитивных структур типа событий» [Шабес 1989: 16; Шахнарович 1998]. С усложнением познавательного опыта, появлением в речевой деятельности ребенка операций языковой номинации и предикации, при помощи которых происходит вербализация его опыта и знаний о мире в некоторую синтаксически организованную структуру, позволяющую преодолеть рамки частной ситуации и выйти за пределы сиюминутного времени и места, ребенок переходит к внеситуативному общению с окружающими. Важно отметить и такой существенный момент: ребенок получает возможность решать возникающие практические, типичные для его возраста, задачи, не только через восприятие и действия. Вербальное слово позволяет ребенку абстрагироваться от непосредственно воспринимаемой ситуации, вводить в ситуацию общения предметы, не находящиеся в зрительном поле, сообщать о своих желаниях окружающим, формулировать свои суждения и первые вопросы как о свойствах предметов, так и о своих наблюдениях за самим языком в развернутом монологическом высказывании. Для примера приведем рассказ Аси П. (5.11 л.) о том, что было на полдник в детском саду: *«А Никита запеканку печёной назвал. И все смеялись, даже Инна Витальевна. Так же неправильно называть?»* [Дети о ...2001: 26].

Как показано в ряде последних исследований по становлению коммуникативной компетенции и диалогической речи в онтогенезе, в ходе развития ребенок становится полноправным участником в диалоге со взрослыми людьми и сверстниками, который не только владеет некоторой системой языковых средств, но и умеет ее использовать с определенными, целями в речевом общении и взаимодействии с окружающими его людьми [Ребенок как

партнер... 2001; Казаковская 2006; Юрьева 2006].

Постепенно с развитием деятельности, взаимодействия и форм общения с окружающими людьми (взрослыми, сверстниками, знакомыми и незнакомыми) у ребенка образуется некоторый запас информации, накопленной ранее и оторванной по времени от актуальной ситуации общения и актуального взаимодействия. Эту информацию или, по определению С.Л. Рубинштейна, «более или менее обширное смысловое поле», ребенок пытается передать слушателю в конкретный момент, отобразив ее в речевом плане в виде развернутого сообщения, описания, объяснения, рассказа. Тогда начинает развиваться связная монологическая или повествовательная речь, «умение раскрыть мысль в связном речевом построении», которую С.Л. Рубинштейн называет контекстной речью [Рубинштейн 2002: 404]. Контекстной речью, которая понятна слушателю из собственно языкового контекста, маленькие дети овладевают чаще всего под влиянием систематического обучения, которое начинается на занятиях в детском саду. Причем ребенок дошкольного возраста в этом направлении делает лишь самые первые шаги, дальнейшее развитие контекстной речи происходит в школьном возрасте. Вместе с тем, овладевая контекстной речью, ребенок не перестает пользоваться ситуативной речью, т.е. уже в дошкольный период такие основные и традиционно противопоставляемые формы реализации языка в речи, как диалог и монолог сосуществуют. В этой связи будет не лишним напомнить, что исследования в области русской устно-разговорной речи привели ученых к мнению, что «представление об искусственности» монолога и «естественности» диалога, вероятно, исходило из наблюдений над частотностью функционирования этих видов речи». По мнению Р.Р. Гельгардта, фактор частотности действует и при характеристике как «искусственной», такой формы речевой деятельности, как

устные рассказы различных жанровых видов. По его словам, «еще никому не приходилось встречать подлинно массового умения рассказывать. Такое мастерство всегда было явлением единичным и экстраординарным» [Гельгардт 1971: 34].

Мы отмечали, что уже в раннем детстве в дискурсивной деятельности ребенка возникают такие факты детской речевой продукции в виде спонтанных детских повествований или нарративов, которые отражают его стремление «рассказать нечто другому» о каком-то запомнившемся ему событии посредством «развернутой монологической реплики» [Милых 1958], состоящей из цепочки однословных и многословных высказываний, сопровождаемых мимикой, взглядами, жестами. Наблюдения показывают, что «зачатки монолога и монологических умений лежат, вне всякого сомнения, в диалогических репликах и, соответственно, диалогических умениях ребенка» [Казаковская 2006: 194]. По наблюдениям исследователей наиболее ранние случаи детских монологов зафиксированы в ситуациях спонтанного описания детьми событий, относящихся к прошлому опыту. Это возможно в речевой практике уже трехлетнего ребенка. В качестве иллюстрации приведем пример спонтанного детского мини-нарратива, который возникает внутри диалогической речи детей-сверстников, участвующих в социально-ролевой игре.

Протокол №4, средняя группа. Несколько детей (4 – 5 лет) играют в ролевую игру со специально предназначенным для этой игры набором «Поездка в поезде». Между детьми с самого начала игры возникает диалог по поводу атрибутивных ролевых принадлежностей.

1. – *Я буду билеты раздавать. Я вот этим буду.* (Показывает на сумку кондуктора). 2. – *Ну, это мое.* 3. – *Нет, это мое* (о щипцах). 4. – *А я не знаю... А когда красный, нельзя ехать, да? А когда зеленый – можно. А вот, когда мы ехали к нашей прабабушке в таком поезде, в котором кушают и спят, там тетя пока-*

звала красный кружочек. А где он? Где? ... Я его возьму.

Можно отметить, что последняя (4) реплика в диалоге отличается от предыдущих диалогических реплик, представляющих собой метакоммуникативные высказывания, которые обеспечивают реальные действия детей в игре и их отношения по поводу игры. Последняя реплика имеет более сложный, рефлексивный характер, т.к. представляет собой комплексную структуру – многозвенный вопрос, состоящий из цепочки вопросов говорящего (либо к себе, либо к партнерам по игре), на которые он сам тут же отвечает. Внутри этого многозвенного вопроса возникает небольшой монологизированный повествовательный фрагмент, воссоздающий некоторый опыт ребенка, ассоциативно связанный с сюжетом игры и ее атрибутами.

Остановимся на начальной стадии формирования речевой коммуникации и форм речевого общения ребенка с окружающими его взрослыми (и прежде всего с матерью), которая представляет собой особую синкретичную форму коммуникации, содержащую, помимо языковой составляющей, фатический компонент, насыщенный невербальными средствами в виде звуко-жесто-мимического комплекса. Именно в этой синкретичной вербально-фатической форме коммуникативной интеракции матери и ребенка, по мнению исследователей, лежат «зачатки будущих диалога и монолога», где диалогическим, по словам Н.И. Лепской, «является чередование “реплик” взрослого и ребенка, а монологическим – самовыражение каждого из партнеров» [Лепская 1997: 83]. Исследователи выделяют такую раннюю форму коммуникативно-игровой интеракции матери с маленьким ребенком, как совместное рассказывание народных потешек, считалок, стихов и т.п., рассматривая возникающую совместную деятельность участников как форму диалога, которая позволяет взрослому постепенно «включать» ребенка в собственно языковую деятельность. Подобные декламационно-

повествовательные формы дискурсивно-игрового взаимодействия взрослого и ребенка могут иметь самые разные варианты и демонстрируют активное содействие взрослого ребенку в процессе воссоздания стихотворного текста, где ребенок в какой-то степени выступает в роли ведомого, который идет по пути, предлагаемому ему знающим взрослым, в направлении к законченному тексту или его фрагменту. На более поздней стадии развития дискурсивной компетенции факты непроизвольного совместного формирования высказывания в диалогическом дискурсе детей- сверстников, где осмысленная реплика-высказывание рождается без вмешательства взрослого в нормальное течение этого процесса как совместный речевой акт двух взаимодействующих говорящих субъектов, отмечаются довольно часто. Подобные явления, отражающие реальные моменты формирования речевого обмена в диалогическом дискурсе, обнаружены и описаны в нашем экспериментальном исследовании в ходе совместного рисования детей и в игровой деятельности детей- сверстников дошкольного возраста [Юрьева 2006, 2009].

Наблюдения и данные ряда исследований свидетельствуют о том, что в начальный период становления языковой коммуникации внимательный (думающий) взрослый структурирует совместный дискурс таким образом, чтобы ребенок смог включиться в процесс развертывания связного высказывания-сообщения, которое порождается (совместно) через смысловой «подхват» ребенком неполной иницирующей реплики взрослого, восполнение недостающей информации и опущенного компонента. При этом взрослый отмечает паузами (взглядом, мимикой, указательными жестами) конец своей реплики и начало реплики ребенка, иногда подсказывая ребенку (если он затрудняется) его ответную реплику. В отличие от возникающих несколько ранее «эмоционально-предметных диалогов» [Базжина 1988], в которых взрослый привлекает внимание ребенка к предметам, действи-

ям, свойствам окружающего мира и вводит соответствующие номинативные единицы для их обозначения, в ситуациях раннего совместного рассказывания «взрослый как бы задает программу» порождения связного высказывания, «активизируя ту схему, недостающее звено которой надо заполнить ребенку» [Лепская 1997: 38]. Важно подчеркнуть, что в этих случаях взрослый, ориентируясь на потенциальные возможности ребенка в освоении языка, «зону ближайшего развития» (по Л.С. Выготскому), вмешивается в процесс порождения высказывания ребенком и «вытягивает» результаты речевых и текстопорождающих процессов в вербальный план дискурса. Не подлежит сомнению, что этот фрагмент в становлении ранней коммуникации у маленьких детей слишком важный, чтобы его оставить без внимания, поскольку в «явлениях» совместного рассказывания представлены своеобразным образом процессы, ведущие ребенка к связному повествованию.

Имеющиеся материалы и данные исследований в области довербальной стадии речевого онтогенеза, по становлению коммуникативной компетенции ребенка раннего возраста, а также по формированию диалога в ситуациях «взрослый – ребенок» и «ребенок – ребенок» позволяют выделить некоторые важные моменты, характеризующие процесс возникновения явлений повествования в детской речи.

Предпосылки формирования повествования находятся в области когнитивных возможностей ребенка (имеется в виду не только его наследственное оснащение, но и последующие когнитивные структуры, созревание и развитие перцептивной системы и т.д.) и его мотивационно-коммуникативных потребностей, которые возникают в ходе установления отношений ребенка с окружающим миром, где, помимо предметного мира, присутствует «мир людей», которые организуют действия ребенка по освоению предметного мира и кладут начало «примату» вербальной коммуникации в этом процессе, кото-

рая постепенно замещает действие. На ранних этапах вербальной коммуникации первые формы раннего повествования (монолога) возникают внутри диалогического взаимодействия маленького ребенка с окружающими его взрослыми.

В процессе формирования повествования на ступени дошкольного детства безусловное значение имеет фактор содействия взрослого носителя языка и его участия в процессе создания ребенком повествования. Можно выделить две линии, через которые происходит влияние взрослых носителей языка на формирование явлений нарративности в детской речи. Первая проявляется через заинтересованное стремление взрослого влиять (в актуальный момент) на процесс порождения повествовательного текста ребенком через переход взрослого от тактики адаптации к коммуникативному поведению ребенка, характерной для начального и раннего онтогенеза, к интерактивной тактике содействия и соучастия. Подобная тактика отражает стремление взрослых выйти за пределы наличных возможностей ребенка в зону его «ближайшего развития», что дает возможность ребенку подойти к качественно новой форме в развитии речевой деятельности: к сложноструктурированной, синтаксически расчлененной, но вместе с тем целостной форме выражения своего знания о явлениях и событиях в различного рода повествованиях. Вторая линия, через которую происходит влияние взрослых носителей языка на формирование явлений повествования в детской речи, не проявляется в непосредственном активном участии взрослого носителя языка. Взрослый здесь, скорее, присутствует как «носитель-посредник» культурно-исторической формы повествования, действующей в рамках определенной культуры [Брокмейер, Харре 2000: 36]. По словам Й. Брокмейера и Р. Харре, «многоликость» существования повествования в дискурсивном пространстве обусловлена не только системой языка, но и «культурными канонами нарративных моделей,

широким репертуаром сюжетных линий», и именно взрослый носитель этой культуры (в идеале) прививает ребенку повествовательную культуру.

Далее, остановимся на участии взрослого в порождении ребенком устного повествования. Во многих исследованиях обращалось внимание на помощь и содействие взрослых носителей языка в порождении ребенком осмысленного высказывания в ежедневных разговорах-диалогах ребенка и взрослого: в телефонных разговорах, в совместном чтении книг, при рассматривании иллюстраций в книгах, в совместных играх. Ниже будут представлены несколько наблюдений и фрагментов из детских историй, отражающих специфику формирования раннего детского повествовательного текста. Эти примеры показывают, как взрослые поддерживают текстопорождающую активность ребенка, способствуя созданию сложных смысловых последовательностей, более сложных, чем те, которые он может передать и выразить без помощи взрослого.

Но прежде чем перейти к нарративным фрагментам, остановимся на понятии «scaffolding», которое довольно активно используется в современной психологии развития и может быть полезным инструментом при осмыслении не только общих теоретических проблем в данной области, но и вопросов, относящихся к формированию повествования и дискурсивной компетенции в детском возрасте. Термин «scaffolding» (от англ. scaffold – леса, подмости; *to scaffold* – помещать на высокие подмости продукты для вяления, сушки и т.п.) введен Дж. Brunerом и его коллегами для характеристики действий и тактики взрослого (матери, отца, другого взрослого) для развития и постепенного развертывания взаимодействия с ребенком. В подобных ситуациях взрослый последовательно прибегает к различным тактикам помощи и «создания поддерживающих конструкций», на основе и вокруг которых строится взаимодействие взрослого и ребенка, способствующее интеллектуальному, языковому и коммуника-

тивному прогрессу ребенка [Bruner, Haster 1987].

Понятие scaffolding, предложенное зарубежными учеными, в некотором смысле совпадает с понятием «посредничество», которое, основываясь на деятельностном подходе и известном положении Л.С. Выготского, разрабатывается в отечественной психологии развития Б.Д. Элькониним [1994]. Для Б.Д. Эльконина категория посредничества наряду с такими категориями, как «идеальная форма» и «событийность» – основные категории онтологии развития. По мнению ученого, «с помощью этих трех опор достигается понимание, объективация и описание бытия развития, его наличия» [Эльконин 1994: 10]. Отметим, что после работы Л.С. Выготского, где он выдвинул положение об опосредствованном характере развития высших психических функций человека, которые «возникают лишь в процессе совместной деятельности людей, в процессе сотрудничества и общения людей друг с другом и иначе возникнуть не могут» [Леонтьев, Лурия 2003: 395], в отечественной психологии сформировалось традиционное направление в изучении влияния речевого общения со взрослыми на общее и речевое развитие ребенка. Было показано, что именно коммуникативная функция, «первая функция речи» как средства общения ребенка со взрослыми людьми лежит в основе всего последующего вербального развития индивида [Общение и его влияние ... 1974; Лисина 1985].

Вместе с тем долгое время при осмыслении частных аспектов онтологии развития исследователи проходили мимо проблемы посредничества. Строго говоря, посредничество взрослых в тех или иных формах присутствует практически на всем протяжении развития ребенка, проявляясь в различных видах взаимодействия взрослого и ребенка. Показательные примеры посредничества приводит Б.Д. Эльконин, обращаясь к работам М.И. Лисиной, посвященным генезису непосредственно-эмоционального общения взрослого с новорожденным. Автор отмечает, что «об-

щение в момент *своего совершения* (выд. автором) оказывается интенсивным и энергичным действием по организации и упорядочиванию импульсивного и стихийного функционирования. Посредник и является субъектом такого действия» [Эльконин 1994: 69-70].

В лингвистических работах многочисленных примеры посредничества взрослых в развитии языковой и коммуникативной компетенции ребенка представлены в работах С.Н. Цейтлин [2001] и В.В. Казаковской [2006]. В качестве примеров ежедневных ситуаций, в которых родители интуитивно и, возможно, с успехом прибегают к разнообразным приемам «scaffolding», способствующих формированию у маленьких детей речемыслительной и дискурсивной деятельности, К.Е. Сноу и Б. Голдфилд приводят совместное чтение книг, пересказ прочитанного, рассказывание сказок и различных историй, фантазирование [Snow, Goldfield 1983: 551-569].

Интенсивное взаимодействие и общение детей с окружающими взрослыми, протекающее в форме диалога, первоначально направляется взрослым, и лишь постепенно, проходя через разнообразные ситуации речевого взаимодействия с опытным и понимающим взрослым посредником и с другими детьми, ребенок становится компетентным участником диалога. По мере освоения окружающего мира и формирования сложного образа окружающей действительности у ребенка постепенно складывается собственное отношение и оценка полученных сведений и знаний. И уже в возрасте 3 – 4 лет у маленького ребенка наблюдаются попытки рассказать собеседнику (партнеру по игре, взаимодействию) какую-нибудь историю. Можно полагать, что наличные формы коммуникации ребенка и взрослого становятся не пригодными для выражения возрастающей сложности того, о чем ребенок хочет сообщить окружающим. Многие дети не сразу способны передать смысл прочитанного текста, но могут его пере-

дать с опорой на наводящие вопросы экспериментатора, т. е. через более привычную для ребенка диалогическую форму общения. Приведем фрагмент из наших наблюдений. Мама и ребенок (А., 2, 2 г.) рассматривают иллюстрации в книжке. Взрослый: *Посмотри, это кто?* Ребенок молчит, но пальцем указывает на рисунок. Взрослый: *Это кто, овечка?* Ребенок: *Овечка.* Взрослый: *А что делает овечка?* Ребенок: *Пьет.* Взрослый: *Овечка пьет водичку на речке.* Ребенок: *На речке.* Взрослый: *Овечка пьет водичку на речке и т.д.*

Как уже отмечалось, эта сторона формирования монологической речи в речевом онтогенезе исследована недостаточно. Очевидно, что основы формирования дискурсивных умений в области связного текстопорождения закладываются гораздо раньше, чем в школе, и взрослый участвует в этом процессе не только своим пассивным присутствием, но и стремится активно воздействовать на процесс повествования через диалог с ребенком. Важно обратить внимание, что сам ребенок, когда он испытывает трудности с осмыслением ситуации, равно как и трудности оречевления, вовлекает взрослого, обращаясь к нему с вопросами, причем наиболее ярко это проявляется в ситуациях совместного рассматривания книги. После ознакомления с экспериментальными материалами по рассказам русских детей (от трех до шести лет) Д. Слобин, по просьбе которого в середине 90-х годов XX века проводился эксперимент (совместно с Н.В. Дуровой), высказал (в письме к А.М. Шахнаровичу) удивление в связи с тем, что собранный материал содержал многочисленные случаи обращений детей за помощью к взрослому-экспериментатору. У него сложилось впечатление, что русские дети-дошкольники самостоятельно не передают в связном повествовании сюжет истории, представленной в виде серии иллюстраций без печатного текста. Отметим, что обращения к экспериментатору наблюдались даже у шестилетних детей. Эта

особенность наблюдалась и при повторном проведении экспериментов с измененной методикой. Для иллюстрации приведем несколько примеров из протоколов, записанных в ноябре-декабре 2009 г. в детском саду.

Средняя группа. Макар, 4,3 л. Ребенок: «*Это пчелы, да? Вот пчелы. Чего он зовет?*» Взрослый: «*А кто у них пропал?*» Ребенок: «*Лягушку зовет*». Ребенок: «*А что олень делает?*» Взрослый: «*Сбрасывает мальчика в болото*».

Младшая группа. Вероника, 3, 5 л. Ребенок: «*А это кто?*» Взрослый: «*Мышка*». Ребенок: «*А тут и мышка появилась*». Ребенок: «*А кто там живет?*» Взрослый: «*Давай посмотрим*». Ребенок: «*Сова*».

Схожие результаты обнаружены Н.И. Лепской у детей 5 – 6 лет в экспериментах с пересказом, где она указала на зарегистрированные ею факты опоры ребенка на вопросно-ответную форму общения с экспериментатором [Лепская 1997]. Помимо данных в работе Н.И. Лепской и нашего экспериментального материала в литературе мы обнаружили несколько случаев, указывающих на подобные факты. Приведем некоторые из них. Ниже представлены два примера: первый пример (1) из наблюдений С. Фостер [Foster 1990], второй пример (2) приводит М.А.К. Хэллидей [Halliday 1979].

(1) Во время обеда Росс (2.6) и ее мама рассматривают еду, которую они едят. Происходит следующий разговор.

Росс: «*Sometimes ...*» (Мама смотрит на нее.) Росс: «*Ross come out bed bed come out tu*». Мама: «*What are you talking about? What about the bed at night?*» Росс: «*Mm*». Мама: «*What did you say?* » Росс: «*In a dark*». Мама: «*In the dark?* » Росс: «*Ross em Ross runs in a dark*». Мама: «*Run in the dark?* » Росс: «*Ross runs*». Мама: «*You get out of the ... you got out of the bed in the night, did you, and ran around in the dark?* »

Приведенный пример демонстрирует различные формы попыток взрослого постепенно выяснить содержание коммуникативной интенции ребенка. С первого

взгляда заметна тактика взрослого через диалог вербально оформить недостаточно ясную мысль ребенка с помощью вопросительных реплик о теме сообщения ребенка (топике) путем логического структурирования и иерархизации отдельных элементов содержания события и поиска подходящего словесного оформления. *What are you talking about? What about the bed at night?* Затем следуют вопросы-переспросы взрослого, запрашивающие (у ребенка) правильность понимания взрослым ответа ребенка *In the dark?*, а также попутное исправление «детских ошибок» *in the dark* вместо *in a dark*. Далее взрослый формулирует сложную синтаксическую структуру, где представлена структура события, о котором ребенок пытался сообщить взрослому, через расчленение первоначальной ситуации на события-компоненты (последовательность двух событий), поскольку для ребенка в этот период свойственно синкретичное, нерасчлененное представление о событии. Одновременно взрослый выстраивает логическую взаимосвязь выделенных компонентов (признаков события) с переходом от одного события к другому в адекватной смысловой последовательности и оформляет вербально высказывание-сообщение. Хотя С. Фостер не приводит дальнейшей реакции ребенка на развернутое высказывание взрослого, можно заметить, что взрослый предлагает ребенку своего рода «препаративные конструкции», позволяющие ему «нащупать» смысловую и языковую организацию сообщения и выйти, используя распространение, из тесных рамок двусловного высказывания в многословное и сложное высказывание.

(2) Нигель (1.8) в зоопарке наблюдал за козой, пытавшейся съесть пластиковую крышку от банки для джема. Смотритель выбросил банку, пояснив, что *it was not good for the goat to eat the lid*. После посещения зоопарка Нигель говорит отцу: *'Try eat lid'*. Отец: «*What tried to eat the lid?*» Нигель: «*Goa*!». Затем он соединяет

две части информации вместе и говорит: «*Goat try eat lid*».

Далее, поощренный вниманием к тому, о чем он рассказывает, и поддержкой отца Нигель говорит: «*Man said no*». В результате, получив и, так сказать, «запустив» свой небольшой нарратив, он повторяет: «*Goat try eat lid ... man say no*» несколько раз. Позже он опять повторяет эту историю все в той же форме.

Однажды мать спрашивает у Нигеля: «*Why did the man say no?*»

Нигель отвечает: «*Goat shouldn't eat lid ... (качая головой) good for it*». Этот небольшой рассказ повторялся в течение нескольких месяцев: «*Goat try eat lid ... man said no ... goat shouldn't eat lid ... (качая головой) good for it*» [Halliday 1979: 86, перевод — Н.Ю.).

Этот пример демонстрирует, как маленький ребенок постепенно создает рассказ, опираясь на помощь взрослого. В каком-то смысле взрослый начинает с диалога, запрашивающего разъяснение о действующем лице события, а позже возникает или, скорее, «монтируется» некоторый мини-текст или рассказ, где в диалоге с мамой устанавливается (осмысливается) и выводится в вербальной форме некоторая причинно-следственная связь между действиями участников события. После этого ребенком в течение нескольких месяцев порождается небольшой законченный, осмысленный рассказ, состоящий из нескольких последовательных эпизодов, уже в явном виде "лишенный" помощи взрослого.

Известно, что психолингвистическая схема порождения речи (по А.Р. Лурия) включает такие этапы, как мотивационный - общий замысел высказывания, смысловой - структурирование смысла, определение темы и ремы, семантический - распределение актантов и языковой - выбор слов и синтаксических конструкций [Левицкий 2002: 214]. Попробуем рассмотреть представленный ранее нарративный фрагмент (который, по сути, есть результат диалогического взаимодействия

взрослого и ребенка) в сопоставлении с последовательностью этапов порождения речи и высказывания.

Возникающий на первом этапе порождения высказывания — этапе мотивации — нерасчлененный замысел, по «форме» очень напоминает первичное или первоначальное в рассказе Росс (первый пример) '*Sometimes*', т.е. нерасчлененное, аморфное «слово-предложение» или однословное высказывание. В речи другого ребенка, Нигеля, этап смыслового структурирования мысли представлен предложением-высказыванием с двумя компонентами - «топиком» и «комментарием»: '*Try eat lid*'. Результат деятельности на семантическом уровне — построение пропозиции и распределение актантов — соответствует построению предложения с актантно-ролевой структурой посредством довольно сложного речемыслительного этапа, включающего а) уточняющее вопросительное высказывание взрослого, выступающего в качестве поддерживающего средства (*scaffolding*), с целью получения информации о главном актанте или главном действующем лице истории: '*What tried to eat the lid?*'; б) ответное высказывание ребенка '*Goat*', который затем соединяет две части информации вместе и порождает: '*Goat try eat lid*'. И, наконец, глубинно-синтаксический уровень — выбор слов и синтаксических конструкций — имеет на выходе не только сложную формально-синтаксическую структуру сложного бессоюзного предложения '*Goat try eat lid. Man say no*', но и функционально сложное сверхфразовое единство, т.е. сложную информативную структуру, порожденную с помощью взрослого и вбирающую в себя вопросно-ответные диалогические структуры диалога со взрослыми: например, материнской реплики '*Why did the man say no?*' и порожденного Нигелем ответа '*Goat shouldn't eat lid ... [качая головой] good for it*'. И как результат: '*Goat try eat lid ... man said no ... goat shouldn't eat lid ... [качая головой] good for it*'.

Оба примера указывают на способность и умения ребенка использовать язык для сообщения окружающим о вещах и событиях, которые произошли, а также разлагать историю на части и отделять событие, происходящее в настоящее время, от того события, которое имело место в прошлом. Вместе с тем эти маленькие детские нарративы порождены с участием

взрослого носителя языка, с опорой на диалог взрослого с ребенком, возникающий при осмыслении взрослым первоначального высказывания ребенка. Таким образом, взрослый целенаправленно подталкивает ребенка в область его потенциальных возможностей к связному повествованию.

Список литературы

1. Базжина Т.В. Два типа однословных детских высказываний: структурное сходство и функциональное различие // Языковое сознание. – М., 1988. – С. 25-26.
2. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. – М., 2000, – С. 196-238.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. – 431 с.
4. Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. №3, 2000, – С. 29-42.
5. Гельгардт Р.Р. Рассуждение о диалогах и монологах. К общей теории высказывания // Сборник докладов и сообщений Лингвистического общества. II. Вып. 1. – Калинин, 1971, – С. 28-154.
6. Дети о языке. СПб., 2001. – 143 с.
7. Казаковская В.В. Вопросно-ответные единства в диалоге «взрослый-ребенок». СПб, 2006. – 456 с.
8. Левицкий Ю.А. Основы теории синтаксиса. М., 2002. – 236 с.
9. Лемяскина Н.А. Развитие языковой личности и коммуникативного сознания младшего школьника. Воронеж, 2004. – 469 с.
10. Леонтьев А.Н., Лурия А.Р. Психологические воззрения Л.С. Выготского // Леонтьев А.Н. Становление психологии деятельности. – М., 2003, С. 391-416.
11. Лепская Н.И. Детская речь в свете теории коммуникации // Вопросы языкознания. № 2, 1994. – С. 82-89.
12. Лепская Н.И. Язык ребенка. Онтогенез речевой коммуникации. – М., 1997. – 151 с.
13. Лисина М.И. Проблемы и задачи исследования речи у детей // Общение и речь: развитие речи у детей в общении со взрослыми. – М., 1985, С. 7-31.
14. Милых М.К. Прямая речь в художественной прозе. – Ростов-на-Дону, 1958. – 240 с.
15. Общение и речь: развитие речи у детей в общении со взрослыми. – М., 1985.
16. Протасова Е.Ю. Развитие семантики высказывания в детской речи. Автореферат диссертации ... канд. филол. наук. – М., 1987.
17. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 2002. – 720 с.
18. Седов К.Ф. Жанры общения в речевом онтогенезе // Ребенок как партнер в диалоге. – СПб, 2001, – С. 189-200.
19. Седов К.Ф. Психолингвистические аспекты изучения речевых жанров // Жанры речи. – Саратов, 2002, – С. 40-52.
20. Седов К.Ф. Дискурс и личность. М., 2004. – 224 с.
21. Сигал К.Я. Сочинительные конструкции и дискурс // Известия АН. Серия литературы и языка, 2001, т.60, №5, – С. 42-45.

22. Сигал К.Я. Сочинительные конструкции в тексте. М., 2004. – 390 с.
23. Цейтлин С.Н. Оказиональные морфологические формы в детской речи. Л., 1988. – 80 с.
24. Шабес В.Я. Событие и текст. М., 1989. – 175 с.
25. Шахнарович А.М. Семантический компонент языковой способности // Психолингвистические проблемы семантики. – М., 1983, – С. 181-190.
26. Шахнарович А.М. Семантические аспекты коммуникативной функции // Язык как коммуникативная деятельность человека. – М., 1987, – С. 26-30.
27. Шахнарович А.М. Онтогенез мыслеречедеятельности: семантика и текст // Филологические науки, №1, 1998, – С. 56-64.
28. Чейф У.Л. Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. Прикладная лингвистика. Вып. 12. – М., 1983, – С. 35-73.
29. Эльконин Б.Д. Введение в психологию развития. – М., 1994. – 168 с.
30. Юрьева Н.М. Проблемы речевого онтогенеза: Производное слово. Диалог. – М., 2006. – 488 с.
31. Юрьева Н.М. Экспериментальное исследование коммуникативной структуры диалога в онтогенезе речи// Сигал К.Я., Юрьева Н.М. Метод эксперимента и его применение в речевых исследованиях. – М., 2009, – С. 154-233.
32. Bruner J., Haste H. Making sense: the child's construction of the world. London, 1987.
33. Foster S.H. The communicative competence of young children. London, 1990.
34. Halliday M.A.K. Development of texture in child language // The development of conversation and discourse. Edinburgh University Press, 1979, 72-87.
35. Snow C.E., Goldfield B. Turn the page please: situation – specific language acquisition // Journal of child language, № 10, 1983, p. 551-569.
36. Tomasello M. Origins of human communication. Cambridge, MIT, London, 2008.

УДК 81'23

С.В. Власенко

ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ РЕФЕРЕНЦИИ

Памяти Юрия Александровича Сорокина
(1936 – 2009)

Любой текст внутрикультурен.
Ю.А. Сорокин, 2003

В статье рассматривается проблематика референции текста по отношению к тому сегменту информационного пространства, который реализуется посредством двуязычной коммуникации на примере языковой пары английский–русский. Анализируются определенные области референциальных связей текста с внетекстовой реальностью в их взаимосвязи с его внутренней организацией.

Ключевые слова: референция, области референции, референциальные координаты, референтный статус, экзофорическая референция, эндофорическая референция, референционная перспектива, делакунизация

Целью статьи является обоснование правомерности и целесообразности¹ выделения областей внетекстового континуума, или пространства², которым референтен текст или его отдельные единицы. Референциальная³ прозрачность рассмат-

ривается как основа понимания текста или его фрагментов, порожденных в ходе межкультурной коммуникации, и является по определению мало предсказуемой и слабо управляемой для коммуникантов, поскольку предполагает переключение их внимания на прием и интериоризацию когнитивных полей друг друга и сопутствующих аксиологических компонентов, а также психологических установок как фонового ожидания.

Познание как деятельность преимущественно нелинейна и то содержание, которое, казалось бы, должно было бы проясниться в ходе анализа текста и его составляющих – лексем, грамем, синтаксем, – становится понятным лишь при выходе за границы текста, в затекст. Вряд ли могут возникать сомнения в гипотетичности такого затекстового выхода. По всей видимости, именно **экзофорическая референция** (далее – **экзореференция**)

¹ Настоящая статья является продолжением исследовательских поисков, начатых совместно с Юрием Александровичем Сорокиным в 1990-х гг., по развитию теории лакун как объяснительной психолингвистической парадигмы для анализа процедурных и инструментальных аспектов межъязыкового перекодирования на примере отраслевых субязыков в рамках англо–русского профессионального дискурса; некоторые результаты см., к примеру, в: [Сорокин, Власенко 1998; Власенко, Сорокин 2007а, 2007б].

² Отметим, что Ю.А. Сорокин предпочитал термин «затекст», видимо, благодаря точности и лаконичности этого термина (см. цитаты далее по тексту), который он употреблял в дискуссиях всякий раз, когда речь заходила о тех или иных формах речевой фиксации имплицатур, коннотаций, эмоций и других компонентов экстралингвистических знаний.

³ В исследованиях лингвистов обращает на себя внимание завидное множество встречающихся производных прилагательных от термина *референция*, а именно: *референтный*, *референциальный*, *референционный* и *референтативный*. При этом эти формы варьируются не только у разных исследователей, но порой у одних и тех же. Приведем лишь несколько примеров:

форма прилагательного *референтный* употребляется в следующих работах: [Арутюнова 1982, 1990; Йокояма 1992; Кошелев 1990; Неклюдов 1995] и др.; форма *референциальный* встречается в таких исследованиях, как [Адмони 1988; Кошелев 1988; Падучева 1985, 1995] и др.; *референционный* – в работах [Степанов 1988] и др.; *референтативный* – в [НЗЛ 1982: 413] и др.

в большей степени, нежели *эндофорическая референция* (далее – *эндореференция*), является *референцией семантической*, то есть такой, которая отвечает за ситуативное связывание значений текстовых единиц, за означивание смысла, за связанность с внешними контекстами. При этом степень гипотетичности *экзофорической референции* тесно коррелирует с фактором субъективности восприятия текста коммуникантами, с субъективной интериоризацией ими смысла, что производно от развитости их *когнитивного профиля* [Власенко 1996б: 4]).

Базовым для нашего анализа послужило мнение Ю.М. Лотмана, полагавшего, что «не следует полагать, что текстовые связи противопоставлены внетекстовым по принципу антитезы <...>. С какой бы точки зрения мы ни взглянули <...> и текстовые, и внетекстовые семантические отношения (подобно отношению текста и контекста в других знаковых системах) представляют собой единство субъективного и объективного. <...> Внетекстовая ситуация выступает, подобно языку, в качестве материала и ... равноправна с текстом» [Лотман 1994: 213].

Для понимания внетекстовой составляющей полагаем важным остановиться на понятии контекста. Контекст континуален, нелинеен и размыт. Контекст – это континуум; контекст – это сфера; контекст – это деятельностьная среда. В контексте нашей темы уместен вопрос: чему референтны слагаемые семиотических сфер? Убеждены, что для коммуниканта прозрачно для понимания то, что соотносимо с его индивидуальной, субъективной картиной мира и имеет прецеденты в его экзистенциальном опыте, а остальные «обозначаемые сущности» для него условны, гипотетичны, виртуальны. Слагаемые семиотических сфер далеко не всегда однозначны для означивания и мгновенны для предъявления на том или ином языке, поэтому часто остаются без ответа вопросы типа: *Чему референтны любовь и ненависть, добро и зло? Чему*

референтны нравственность и добродетель, честь и достоинство? Чему референтно чувство вкуса или цвета? Чему референтны звуки или ароматы? Индивидуальным ощущениям, стандартным образам, рациональному пониманию?

Ответы на эти и другие похожие вопросы остаются вариативными внутри одной и той же лингвокультурной общности [Воркачев 2007; Леонтьев, Сорокин, Базылев, Бельчиков 2009; Шаховский, Коробкина 2010; Шмелева 1988]. Многочисленны психолингвистические исследования разных семиотических систем – слагаемых культурного ландшафта и их обозначений в разных языках: эмоций [Шаховский 1989, 2009]; цветообозначений (например, [Василевич 1988; Вежбицкая 1996; Сорокин 2009: 70–74; Фрумкина 1979, 1984; Эко 2006 (2003)], запахов [Пак Сон Гу 2009], телесного и пищевого кодов [Василевич, Савицкий 1988; Гудков, Ковшова 2007; Ковшова 2007], чисел и числительных [Жаботинская 1990] и др. Справедливо, на наш взгляд, следующее утверждение А. Шаффа: «Когда мы имеем дело с названием *пустого класса предметов*, т.е. с названием, обладающим десигнатом, но *не имеющим реального денотата*, например, когда речь идет о плодах фантазии, таких как фавны, дьяволы, кентавры и т.п., или об *абстрактных качествах*, таких как геройство, т.п., ... здесь выступает отражение действительности, хотя и опосредованное. Порождения фантазии складываются из кусочков реальной действительности; абстрактные черты и свойства представляют собой отражение свойств, отношений, поведений, т.п., – общих для элементов какого-либо класса предметов, т.е. присущих единичным материальным предметам» [Шафф 1963: 306].

Обратимся к примеру У. Эко, который рассуждает относительно небезызвестного Гамлетовского вопроса *Быть или не быть?*: «Что мы сказали бы, если бы переводчик на французский вывел такого Гамлета, который вместо *to be or not to be* («быть или не быть») говорит *vivre ou bien*

tourir («жить или же умереть»)?» [Эко 2006 (2003): 183]. Итальянский философ-языковед и семиотик делает следующее заключение о верифицируемости референта: «Акты референции воображаемого мира поддаются проверке в меньшей степени, чем акты референции, скажем, в газете» [Там же].

Выявленные и описанные несовпадения объемов понятий цветообозначающих слов и прочих словесных кодов семиотических сфер служат подтверждением национально-специфической образно-чувственной природы соотнесенности названных систем, а также демонстрируют динамику стереотипов восприятия и чувствования во времени [Бубнова 2010]. О **стабильности денотативного фокуса** в последней своей прижизненно опубликованной книге рассуждает Ю.А. Сорокин [Сорокин 2009: 31]. Представляется, что основные вопросы референции в отношении восприятия текста реципиентом можно было бы сформулировать следующим образом: «В какой степени восприятие текста реципиентом обеспечено наличием у него референтных знаний об актуализированном в тексте реальном или возможном мирах и какие речезыковые средства актуализированы в тексте для выражения референтных связей – внутритекстовых или внетекстовых – для маркировки референтных знаний»? (о референтных знаниях см.: [Йокояма 1992: 99; Йокояма 1986]). Изучение большого корпуса текстов метаотраслевой тематики и разного коммуникативного статуса позволяет предположить наличие **многообразных форм референционного соответствия** текста прототипической ситуации. Анализ этого соответствия проводился в целях поиска и мотивации приемов делакунизации иноязычных, в особенности англоязычных, текстов [Власенко 1996а,б, 2006, 2009б; Власенко, Сорокин 2007а; Сорокин 1977а,б, 2003а], что облегчает классификацию областей референции текста [Власенко 1999а,б, 2008б; Власенко, Сорокин 2007б; Сорокин, Власенко 1998].

Для определения сложности иноязычного текста и выбора техники его адекватной интерпретации необходимо различать области референтных связей текстовых единиц с фрагментами реального (возможного, виртуального и т.п.) мира, с особенностями конкретного акта коммуникации с точки зрения прозрачности–непрозрачности *референционной перспективы* текста. Однако, оставляя в стороне вопрос о доминантности той или иной области референтных отношений, который выходит за рамки тематики настоящей статьи, мы видим свою основную задачу в их мотивированной дифференциации.

Актуальность дифференциации областей референции подтверждается многочисленными сопоставительно-переводческими исследованиями, позволяющими обосновать факт многообразного варьирования языковых средств при межъязыковом означивании однотипных, референтно тождественных, ситуаций. Вследствие этого вовсе не случайно определение, которое дают межъязыковому переводу Т.А. ван Дейк и В. Кинч, утверждающие, что «перевод – это не просто операция по превращению одной поверхностной формы в другую, но скорее соотнесение текстовых представлений через посредство ситуации» [Дейк ван, Кинч 1988: 180]. Не менее уместно их мнение о том, что разграничение терминов *значение* и *референция*, характерное для лингвистов и нехарактерное для психологов, устраняется с помощью модели ситуации, в которой отражается воспринимаемый нами мир [Там же: 178].

Основной установкой для дифференциации областей референции явилось утверждение В.А. Маринчака о том, что текст референтен определенному континууму [Маринчак 1982: 161], комментируя которое Ю.А. Сорокин и Е.Б. Левченко отмечали, что «текст является прежде всего некоторой координатной сеткой, фиксирующей смыслы..., которые интерпретируются реципиентом (адекватным

или неадекватным образом)» [Сорокин, Левченко 1989: 43]. Логично предположить, что попытка выявить именно области этих координат и классифицировать их отвечает убежденности в наличии *референтного потенциала (референтных возможностей* по Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1982: 10]) не только у индивидуальных текстовых единиц, но и у всего текста как совокупности отдельных языковых воплощений.

Таким образом, наше допущение о референтности текста внетекстовому пространству, представленному неким смысловым континуумом, дает основание рассматривать *области референции текста* как *области референтного континуума*, образованного связями и отношениями текста с внетекстовым миром. Учитывая, что речь идет об *экзореперенции*, представляется возможным считать, что существуют следующие области *экзореперентных связей* текста с внетекстовым пространством: *номинативная, предикативная, атрибутивная и модальная*.

Область номинативной референции предполагает идентификацию субъектов и объектов, действия или состояния которых отражены в тексте или его фрагменте в виде речезыковых воплощений и которые участвуют в создании номинативного ядра высказывания. В эту область включается *субъектная и объектная референция*.

Характерно утверждение Е.С. Кубряковой о том, что «к существенным референциям мы относим прежде всего номинативную» [Кубрякова 1984: 13–22]. Сошлемся и на мнение С.Л. Сахно, которая указывала, с чем нельзя не согласиться, на «исключительную важность номинативных действий говорящего», которые тем, что «номинативные процедуры неотделимы от процессов познания. Познание и освоение объекта человеком предполагает наречение этого объекта. Чем глубже и разностороннее наше знание об объекте, тем совершеннее способы именован

объекта, его качеств и свойств, а также его отдельный частей» [Сахно 1986: 34]. С.Л. Сахно также отмечала, что «акты именованья играют большую роль в организации речевой деятельности. Приоритет номинативного компонента над синтаксисом в порождении речи не всегда признается лингвистами» [Сахно 1986: 36], и ссылалась на Е.С. Кубрякову, разделяя мнение последней о том, что «несмотря на существование значительной литературы, акты речи описываются в настоящей время безотносительно к используемым в них номинативным средствам и приемам, т.е. так, как если бы акты номинации не составляли их неперемного и обязательного компонента. Между тем акты наречения отдельных фрагментов действительности или выбора имен для описания этих фрагментов требуют отдельного описания: прежде чем рассказать о чем-либо, надо назвать это что-то и дать ему подходящее обозначение» (цит. по: [Сахно 1986: 34]).

Субъектная референция идентифицирует субъекты, действия или состояния которых отражены в тексте или его фрагменте, представленным неполным или законченным фразовым или сверхфразовым единством; может быть выражена любыми частями речи, употребление которых допустимо в составе номинативного ядра (субъектные актаны) фразового или сверхфразового единства.

В этой связи приведем рассуждения В.З. Демьянкова о семантической интерпретации высказывания, непосредственно касающиеся субъектно-предикатной структуры предложения: «Референция субъектной составляющей предложения частично определяет релевантность того, что в предложении говорится. Иначе говоря, если из всего предложения нам известно подлежащее, то мы выдвигаем некоторые экспектации–гипотезы о том, насколько нам существенно все остальное, что в предложении будет сказано далее; а это зависит, в свою очередь, от того, насколько существенны для нас объекты

или индивиды, описываемые субъектной составляющей» [Демьянков 1985: 29].

«Чужие» реалии, как правило, также гипотетичны. Так, например, сигнификативный ряд английского существительного *manager* крайне широк: *директор, управляющий, заведующий, начальник, руководитель*, – и если иерархическая структура предприятия или организации, которую представляет *manager*, неизвестна, то его референция непрозрачна, что, в свою очередь, позволяет говорить о *гипотетической номинативной референции* (ср.: «референция с непредметным значением» у Е.В. Падучевой [Падучева 1986: 23–31]). А в *task manager* – актуализированное референтное пространство становится еще более «размытым», поскольку *task* – слово широкозначное, и номинация сводится фактически к гипотетическому реконструированию возможного смысла → *руководитель текущей стадии реализации проекта (темы, разработки, т.п.)* (ср. со «сдвоенной денотативной характеристикой» у Е.В. Падучевой [Падучева 1979]).

Принцип *гипотетической интерпретации* представляет процесс, который В.З. Демьянков видит как «постепенное расширение и (или) сужение текущего набора гипотез относительно результирующей интерпретации» [Демьянков 1985: 31], оценивая интерпретацию-процесс именно как «пульсирование гипотез», цепочки предвосхищений [Там же: 31], которые последовательно верифицируются при обращении к микроконтексту (внутритекстовые связи) и макроконтексту (внетекстовые связи, затекст). Это красноречиво доказывают следующие англо-русские соответствия.

Экспликация референтного пространства номината. Уместно сравнить экспликацию референтных пространств с построением рефлексивных цепочек [Со рокин 2009: 31]. Небезынтересными могут оказаться наши наблюдения за расширением вербальной массы в связи с «нащупыванием» референтного пространства

номинатов, выраженных лексемами во множественном числе, в особенности в их сочетаемостных смысловых валентностях¹:

- *fraud and irregularities* (админ. право; предприн. право) → (а) факты мошенничества и нарушения принятых норм какой-либо области деятельности (например, практики ведения бухгалтерского учета), (б) примеры мошенничества и ненадлежащего порядка выполнения каких-либо действий в рамках ведомственных полномочий, (в) эпизоды мошенничества и несоблюдения принятой практики осуществления (какой-либо деятельности); (г) случаи мошенничества и недобросовестной практики;
- *skills* (предприн. право) → (а) экспертные знания профессионалов; (б) профессиональные навыки сотрудников организации (ведомства, компании);
- *reasonable skill and care* → соответствующий профессиональный уровень и соблюдение разумной степени осторожности;
- *procedures* (админ. право) → порядок;
- *legal awareness* (правовед.) → правосознание;
- *safety precaution* (экон. труда; произв. медиц.; техн. безоп.) → мера предосторожности в обеспечение безопасности;
- *an alien* (админ. право, труд. право) → проживающий в данной стране подданный другого государства; иностранец, проживающей в другой стране;
- *temporary labor certification* (экон. труда, труд. право) → проверка обоснованности временного использования иностранной рабочей силы.

¹ Здесь и далее по тексту англо-русские соответствия приводятся в авторской редакции на основе следующих англо-русских отраслевых словарей: [БАРФЭС 2000; БАРИОС 2003; НАРБЭС 1995; ТСПСПК 2006; ФСАР 2005; АВВУУ 2006].

Объектная референция идентифицирует объекты, действия и состояния которых отражены в текстовом фрагменте и употреблены в качестве прямого и (или) косвенного дополнения в составе номинативного ядра (объектные актанты) фразового или сверхфразового единства.

Референтность английской фразы *There is every reason to ask the facilitator* не очевидна вследствие размытости значения актанта *facilitator*. Видимая «предметность» этого английского существительного обманчива, выступая явным оператором лакуны, *лакунизатором* [Власенко 1996а,б]. Не имея в русском прямого и однозначного соответствия, эта лексема требует затекстового выхода – обращения к прототипической ситуации для означивания с функциональных позиций.

Область предикативной референции объединяет темпоральную и пространственную, или пространственно-временную референцию. Как отмечалось выше, еще У. Куайн придавал большое значение референтным аспектам предикации, подчеркивая значимость референтного статуса языковых единиц, входящих в предикативное ядро высказывания [Куайн 1986: 64–69]. Вероятно, понимание предикативности как особого, отдельного вида референтных отношений логически вытекает не только из изучения предикативности в русле традиционно семантических исследований, классификации предикатных типов разных языков (см., в частности: [Булыгина 1982: 7–85; Селиверстова 1982: 86–157], др.), но также из анализа грамматического функционирования глагольных категорий: времен, аспекта, залога, вида (см., например: [Адмони 1988; Дородных 1988; Шведова 1984] др.).

В.Г. Адмони указывал на то, что в любом языке «для грамматической системы крайне важны <...> отношения, существующие между грамматическими единицами и объективной действительностью, как тем содержанием, которое так или иначе, в том или ином преломлении выражается в семантике грамматических

форм» [Адмони 1988: 87]. На референтность предикативных отношений указывает используемая в научных трудах терминология: **предикативный денотат** [Селиверстова 1982: 151], **референция к факту, референция к событию, референция к пропозиции** [Арутюнова 1982: 36] (см. также [Гециридзе, Хухуни 1986; Падучева 1985]), **референт–процесс** [Кошелев 1988: 30–52], **референтно значимые признаки глаголов** [Кошелев 1990]. В этом аспекта характерную детализацию проводит Н.Д. Арутюнова, полагавшая, что «**референция к факту** обслуживается **предикатами** психической реакции, логических отношений (каузации, уступки, импликации и др.), знания и коммуникации, оценки. **Референция к событию** сочетается с **предикатами** физического восприятия и воздействия, с предикатами обстоятельственного значения и образа действия, предикатами длительности [Бондарко 1988] и протекания процесса, фазисными предикатами, предикатами реализации» [Арутюнова 1982: 36].

Даже знание русскоязычными коммуникантами прототипической ситуации не гарантирует полного понимания предикативного ядра, содержащего английской глагольной лексемы *to outsource*, способной принимать в русском следующие значения: (а) *извлекать данные или ресурсы из внешних источников (в отличие от получения данных или ресурсов собственными силами)*; (б) *переводить производство из региона с более дорогой рабочей силой в регион с менее дорогой, тем самым снижая себестоимость производства и, следовательно, выпускаемой продукции*; и (в) *решать внутренние проблемы предприятия посредством привлечения ресурсов внешних предприятий*. Рассматриваемая лексема, явно воплощающая сценарную организацию кодирования смысла единицами лексического уровня, характерную для английского языка, представляет сжатую пропозицию, воплощающая сценарную организацию кодирования смысла единицами лексическо-

го уровня. Ее производным является распостраненный термин и коммерческого права *outsourcing*, преимущественно используемый в предикативных комплексах как переводное заимствование *аутсорсинг* и трактуемое как *привлечение внешних ресурсов для решения внутренних проблем/задач компании (предприятия, организации) или заключение субдоговора на выполнение работ с внешними фирмами (особенно иностранными или теми, которые не имеют профсоюза)*. Многообразие вариантов означивания корневого глагола, из которого произведен *аутсорсинг*, потребовало глубинной когнитивной адаптации семы «внешний» или «истребованный извне», и именно она позволяет в переводе использовать «свою» русскоязычную трактовку передачи смысла (на основе [АВВУУ 2006; ТППСПК 2006: 90]).

Исходным для дифференциации данной области референции явилось утверждение В.Г. Адмони о том, что «референциальное отношение, полностью касающееся <...> предложения – это отношение семантики предложения к таким общим формам бытия, как пространство и время», и называл их «отношениями приуроченности» [Там же: 88] (также об этом [Селиверстова, Швейцер 1988]). Не менее важно его указание на то, что пространство и время являются той сферой, «в которой семантически существует каждое предложение» [Адмони 1988: 122].

Временная (темпоральная) референция фиксирует временную соотнесенность или *приуроченность* (термин В.Г. Адмони [Адмони 1988: 88]) текстового фрагмента через последовательную локализацию актуализированных в тексте действий, событий или состояний на временном континууме; выражается текстовыми единицами, участвующими в формировании предикативного ядра высказывания. Ю.А. Сорокин, анализируя поэтические тексты, называл отраженный в них временной континуум «обездвиженным временем, не-мерным временем» [Сорокин 2003б: 62], утверждая, что это позво-

ляет «развернуть цепь бытия в горизонтальном времени» [Там же].

Пространственная референция фиксирует пространственную соотнесенность текстового фрагмента через последовательную локализацию описываемых действий, событий или состояний в пространственном континууме; выражается текстовыми единицами, участвующими в формировании предикативного ядра высказывания. Так, когнитивные психологи справедливо полагают, что «пространственно-временной контекст задает смысл многим понятиям. – И далее утверждают, – Понятие «образ мира» было предложено А.Н. Леонтьевым как наиболее обобщенное понятие пространственно-временного контекста, в который вписывается вся поступающая информация, и который определяет ее смысл» [Когнитивная психология 2002: 161].

Область модальной референции детализирует модальную рамку текстового фрагмента, указывая на речезыковые носители модальности, а также на реальности–нереальности, вероятности–невероятности или очевидности–неочевидности описанных в тексте действий, событий или состояний.

Выделяя данную область референции текста в отдельную, мы исходили из двух базовых утверждений В.Г. Адмони о том, что (1) «отношение модальности – это определяемое говорящим отношение семантики какой-либо синтаксической связи к действительности. Иначе говоря, это оценка реальности или нереальности такой связи», а также что (2) «модальные отношения в той или иной форме свойственны каждому случаю синтаксического связывания каких-либо словоформ, но особенно существенны для предложения» [Адмони 1988: 88].

Следует особо остановиться на этом виде референции, поскольку существуют две альтернативы для определения ее статуса: (1) выделение вида модальной референции в рамках предикативной и (2) выделение самостоятельной области мо-

дальной референции (что мы и предпочли). По замечанию А.Г. Баранова, детально изучавшего проблему модальности текста, можно выделить две модели описания категории модальности – таксономическую и функциональную (прагматическую) [Баранов 1993: 98–145]. Согласно первой модели, «модальность рассматривается в качестве одного из выразителей предикативности предложения (высказывания)» [Там же: 98] (ср.: мнение Н.Д. Арутюновой о том, что «контексты, в которые входит выражение, имеющее референцию к пропозиции, принадлежит кругу модальности» [Арутюнова 1982: 36]).

Согласно второй модели, модальность референтна *сфере отношений человека к миру*, являясь маркировкой его собственной картины мира, его самоидентификацией. Вопрос, однако, состоит в том, с чем, собственно, следует соотносить модальность? По всей видимости, модальность следует соотносить с индивидуальной когнитивной системой (ИКС) [Баранов 1993: 95], с аксиолого-модальным континуумом, на котором фиксируются универсальные (в центре) и национально-специфические (на периферийных участках) ценности человека в их комбинации с отношением к этим ценностям [Там же: 127–154]. Этот взгляд мы приняли за основу при классификации категории модальности.

Итак, модальность – область референции, имеющая по меньшей мере двусоставную структуру.

Эмотивная референция во многом определяет феномен многозначности речевых воплощений, характерное отсутствие строгости и точности, и эластичность языка/речи, позволяющие удовлетворять неограниченные экспрессивные потребности участников коммуникации [Шафф 1963: 315]. Признаки и свойства эмотивности воплощаются в тексте многообразными модальными средствами вне зависимости от частеречной дифференциации.

Гипотетичная референция сложна

по своему характеру, указывая либо на «пустой» денотат, либо на неопределенность, неоднозначность референтных связей текста с внетекстовым миром в силу своей квазиреальной (мифологичной, сказочной, прогностической и т.п.) природы. Подчеркивая гипотетичность референции при восприятии мифологических и сказочных сюжетов, С.Ю. отмечал, что денотаты, «неотделимые» от объективной реальности, или, напротив, представляющие квази-реальность, лежат в основе референтных связей, на которых формируются ментальные модели и презентации в сознании коммуникантов (об этом см.: [Неклюдов 1995: 667–674]).

Этот вид референтных отношений может быть представлен любым из вышеперечисленных видов референции в тех случаях, когда они оказываются носителями гипотетического смысла и в случаях неадекватного использования языковых/речевых средств, т.е. при нарушении языковой нормы.

В отношениях гипотетической референции с действительностью способны находиться любые речевые манифестации текста, представляющие один из языковых уровней – лексический, грамматический, синтаксический. Однако в силу своей природы эта гипотетичность выступает и причиной разрыва смыслового контура текста, т.е. нарушения нормального функционирования текстовых связей, символизируя «чужую» для адресата лингво-когнитивную парадигму, иными словами, служит фактором лакунизации текста [Власенко 1995, 1996б: 5, 13–14, 42].

Например, английскому языку свойственна четкая хроносическая сложность с точки зрения перцептивной парадигмы русскоязычных коммуникантов: синтаксические формы выражения гипотетических значений с помощью сослагательного наклонения (имеющего две формы, *Subjunctive I*, референтную простому прошедшему или будущему времени, и *Subjunctive II*, референтную пропрошедшему времени, обе из которых зависят от

того, какая точка отсчета выбирается автором текста на временном континууме – ретроспективная (относительно настоящего времени назад, в прошлое) или проспективная (относительно настоящего времени вперед, в будущее). Следовательно, в любых типах англо-американских текстов, в которых представлено формами *Subjunctive II* (отсутствующими в русском), сослагательное наклонение, требуя от коммуникантов «ретроспективной» временной направленности, представляет гипотетическую для русскоязычной аудитории схему ориентации во времени.

В область атрибутивной референции входят любые виды определений, относящихся к представленному в текстовом фрагменте предмету, действию, событию или состоянию, а также дейктические речевые средства – артикли, указательные местоимения, прилагательные, служебные слова, которые выражают разнообразные признаки, качества, состояния и авторские сравнительные оценки предметов или действий, включая идиоматические, употребленные в атрибутивной функции.

Подробный анализ смысловой структуры категории атрибутивности изложен в целом ряде трудов, например, в работе Т.П. Скориковой, рассмотревшей особенности функционирования атрибутивных средств в корпусе речевых текстов [Скорикова 1988]; Т.В. Шмелевой, изучавшей национально-культурную специфику «эталонов» сравнения в английском и русском языках [Шмелева 1988], и В.И. Постоваловой, проведшей ретроспективный анализ атрибутивности в статье «Атрибутивные характеристики картины мира» [Постовалова 1987: 44–56].

Примером экспликации референтного пространства атрибута может служить следующие словосочетания:

- **unincorporated** (*предприн. право*) → *не обладающий статусом юридического лица*;
- **high leverage firms** (*предприн. право*,

фин. право) → *компания с высокой долей заемных средств в общем объеме капитала*;

- **environmental awareness** (*экол. право*) → *осознание необходимости охраны окружающей среды*;
- **poor governance** (*админ. право; упр.*) может пониматься как → (а) *низкий уровень корпоративного правления*, (б) *несоблюдение принятых норм корпоративного управления*; (в) *нарушение стандартов корпоративного управления*; (г) *слабость корпоративного управления*;
- **an ad hoc accounting matters advisory** (*общефин. банк.; предприн. право*) → (а) *предоставление консультационных услуг по ведению бухгалтерского учета в особых (специальных) случаях*, (б) *проведение консультационной деятельности по конкретным вопросам бухгалтерского учета*, (в) *консультационная деятельность по конкретным вопросам бухучета*, а также (г) *оказание оперативного консультационного содействия по бухгалтерскому учету* или (д) *оперативное консультирование по бухучету*.

Показательно, что Н.Д. Арутюнова указывала на использование термина «атрибутивный» К. Доннелланом как на разновидность дескрипций. По его мнению, при атрибутивном употреблении значение выражения входит в смысл высказывания [НЗЛ 1982: 159], т.е. является частью пропозиции. Как полагает Дж. Хофман, «решающую роль в опознавании объекта играет... информация о его признаках» (цит. по: [Кубрякова 1992: 21]), что указывает на очевидную значимость атрибутивного, а не только номинативного класса референтных связей.

О важности выделения данной области референтных связей свидетельствует и мнение Г.П. Щедровицкого, утверждавшего, что «среди атрибутивных знаний – простейшее по форме, однозначное, называемое *номинативным*» [Щедровицкий

1995: 592]. Анализируя природу атрибутивного знания, Г.П. Щедровицкий, в частности, утверждает: «Знание, обладающее простейшей категориальной характеристикой, на основе которого строятся все другие мысленные знания, так называемые *атрибутивные*. <...> Атрибутивное знание есть знание, полученное посредством одной или нескольких операций «практически-предметного сравнения». Эта операция принадлежит к тому этажу мышления, где последнее еще не отделилось от практической деятельности с реальными предметами. Она дает нам возможность открывать в предметах такие стороны-свойства, которые недоступны одному чувственному созерцанию» [Там же: 592].

Рассматривая категорию атрибутивности, уместно привести утверждение А. Шаффа, который, полагая, что отношения, свойства и качества вещей, процессы, события, состояния непредметны, хотя они всегда касаются материального мира, утверждает о том, что «все связи, отношения, качества и свойства состояния и действия <...> составляют предмет познания не как самостоятельные или идеальные предметы, но как объективно выступающие отношения, качества, состояния, т.п. каких-то предметов <...> мира. Следовательно, они являются объективным предметом познания» [Шафф 1963: 224–225].

Область атрибутивной референции мы подразделяем на две: (1) *референцию качественных признаков* и (2) *референцию количественных признаков*. Первая позволяет соотнести конститутивные и неконститутивные единицы высказывания с координированными распространителями (в т.ч. идиоматическими) которые выражают те или иные признаки, состояния и авторские сравнительные оценки актуализированных в тексте референтных пространств.

Вторая позволяет идентифицировать исходное – объемлющее – множество, относительно которого происходит квантификация одного из признаков текстовых

единиц, входящих в номинативный и (или) предикативный комплекс высказывания. *Референция количественных признаков* сложна для означивания в переводе вследствие не всегда прозрачной идентификации квантифицируемого множества или признака (действия, состояния). Она бывает часто сопряжена с бинарным или множественным прочтением общей пропозиции высказывания.

Собирательные лексемы демонстрируют интересные примеры несовпадений экзистенциального и предметно-деятельностного опыта в картинах мира англоязычных и русскоязычных, что закреплено в формальноязыковом выражении квантора множественности. Интересными представляются случаи несовпадения множественного числа в отраслевых языках:

- *overs-and-shorts* (банк., бухг. уч.) → несбалансированность банковского счёта; кредитовое или дебетовое сальдо;
- *outstandings* (банк., общефин., фин. упр.) → непогашенный долг; суммы непогашенного долга (кредита); неиспользованные средства;
- *music crossovers* (муз.) → исполнительские межжанровые музыкальные попурри; межстилевые музыкальные произведения, воплощающие идею исполнительского «всесмешения»; эклектические музыкальные произведения, построенные на объединении в рамках одного исполнения произведений разных музыкантов из разных стран, творческих школ и эпох;
- *exposure* (общефин., банк.) → общая сумма кредиторской задолженности (банка, финансового учреждения), составляющая основной фактор риска; счета к получению; дебиторские счета банка (или иной кредитной организации);
- *credentials* (дипл., политол.) → мандат; удостоверение личности; рекомендательное письмо;

- *germ warfare* (воен., политол., дипл.) → война с применением бактериологического оружия;
- *skill mix* (труд.право, экон., социол.) → структура профессиональной занятости.

Большую россыпь собирательных лексем находим в экономики: *overstocks* → залежалые товары, неходовые товары; *nonliquids*; *multiplies* → однотипные магазины (одной фирмы); *tradables* = *vendibles* → ходовые товары; *firsts* → товары высшего качества; *intermediates* → полуфабрикаты; *water utilities* → водо-

проводное хозяйство; *public utilities* = *public amenities* → жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ); *woolens* → изделия из шерсти, др. Отметим случаи частого несовпадения категории числа в английском и русском как языках-коммуникантах.

Дифференциация областей референции текста представлена ниже в таблице, где суммированы характеристики предложенных нами в статье областей экзореперенции текста.

Таблица. Области экзореперентных связей текстовых единиц с внетекстовой реальностью по критерию смысловых и структурно-функциональных связей во фразовых или сверхфразовых единствах (семантико-синтаксическая функция)

Вид ЭКЗОРЕФЕРЕНТНЫХ СВЯЗЕЙ ТЕКСТА ПО ОБЛАСТЯМ И СИНТАКСИЧЕСКИМ СВЯЗЯМ В ТЕКСТЕ	ХАРАКТЕРИСТИКА ЭКЗОРЕФЕРЕНТНЫХ СВЯЗЕЙ ТЕКСТОВЫХ ЕДИНИЦ ПО КРИТЕРИЮ СМЫСЛОВЫХ И СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ ВО ФРАЗОВЫХ ИЛИ СВЕРХФРАЗОВЫХ ЕДИНСТВАХ (семантико-синтаксическая функция)
ОБЛАСТЬ НОМИНАТИВНОЙ РЕФЕРЕНЦИИ	
Субъектная референция	идентифицирует субъекты, действия или состояния которых отражены в тексте или его фрагменте, представленным неполным или законченным фразовым или сверхфразовым единством
	может быть выражена любыми частями речи, употребление которых допустимо в составе номинативного ядра (субъектные актанты) фразового или сверхфразового единства
Объектная референция	идентифицирует объекты, действия или состояния которых отражены в тексте или его фрагменте, представленным неполным или законченным фразовым или сверхфразовым единством
	выражена текстовыми единицами, выступающими в функции прямого или косвенного дополнения в составе номинативного ядра (объектные актанты) фразового или сверхфразового единства
ОБЛАСТЬ ПРЕДИКАТИВНОЙ РЕФЕРЕНЦИИ	
Темпоральная референция	идентифицирует временную соотнесенность действий, процессов, событий или состояний, описанных в текстовой последовательности, с помощью их последовательной локализации на временном континууме по отношению к заданной коммуникативным актом точке отсчета и

	по отношению друг к другу
	выражена единицами текста, участвующими в формировании предикативного ядра фразового или сверхфразового единства
Пространственная референция	идентифицирует пространственную соотнесенность действий, процессов, событий или состояний, описанных в текстовой последовательности, с помощью их последовательной локализации на пространственном континууме по отношению к заданной коммуникативным актом точке отсчета и по отношению друг к другу
	выражена единицами текста, участвующими в формировании предикативного ядра фразового или сверхфразового единства
ОБЛАСТЬ МОДАЛЬНОЙ РЕФЕРЕНЦИИ	
Эмотивная референция	детализирует модальную рамку текстового фрагмента посредством эмотивных единиц–носителей модальности во фразовом или сверхфразовом единстве
	позволяет определить степень вероятности–невероятности или очевидности–неочевидности описанных в тексте или отдельной текстовой последовательности действий, событий, процессов, состояний или признаков
	выражена речезыковыми средствами, участвующими в формировании предикативного ядра фразового или сверхфразового единства
Гипотетическая референция	указывает либо на «пустой денотат», либо на неопределенность или неоднозначность референтных связей определенной текстовой единицы с внетекстовой действительностью в силу своей квазиреальной – условной, мифологической, сказочной, прогностической, виртуальной и др. – природы, обуславливающей отсутствие адекватных ассоциативно-вербальных реакций у реципиента (коммуникантов)
	в отношениях гипотетической референции с реальностью способны находиться речезыковые средства любого из языковых уровней, представленных в тексте – лексического, грамматического, синтаксического, – при условии, что они передают значение гипотетичности описанных в тексте или его фрагменте действий, событий или состояний
	способна усложнить нормальное функционирование текстовых связей и породить внутритекстовые противоречия либо в силу своей природы, либо вследствие нарушения коммуникантами речезыковых норм словоупотребления и (или) формоупотребления, служащих причиной разрыва смыслового контура текста (случаи нарушения когезии)

ОБЛАСТЬ АТРИБУТИВНОЙ РЕФЕРЕНЦИИ	
Референция качественных признаков	соотносит конститутивные и неконститутивные единицы текста или текстовой последовательности с координированными и (или) некоординированными распространителями, в том числе идиоматическими, которые выражают те или иные признаки, качества, состояния, а также авторские сравнительные оценки описываемых прототипических ситуаций
Референция количественных признаков	позволяет установить исходное – объемлющее – множество, относительно которого происходит квантификация одного из признаков тех единиц, которые входят в номинативный или предикативный комплекс неполного или законченного фразового или сверхфразового единства
	установление сопряжено с наличием альтернативного понимания: бинарным или множественным прочтением общего смысла высказывания вследствие не всегда прозрачной идентификации квантифицируемого множества или его признака(ов) фразового или сверхфразового единства
	частый фактор неопределенности и непрозрачности референционной перспективы, в особенности во фразах с негативным смыслом, требующим согласования смысла, правила которого не совпадают в английском и русском языках при их соположении
	является частой причиной коммуникативных неудач вследствие непрямого – нелинейного – референционного соотношения с квантифицируемым множеством или его признака(ми); частый фактор неопределенности и непрозрачности референционной перспективы фразового или сверхфразового единства

Заключение

В заключение отметим, что предложенные области экзофорической референции текста, по всей видимости, следует рассматривать как текстовые проекции. Под ними следует понимать *управляемые реципиентами потоки рефлексии, которые «отвечают» за интериоризацию (распредмечивание) воспринимаемого ими текста с целью идентификации деятеля (агенса), пациенса, собственно действия и характеризующих его атрибутов, что позволяет реципиентам реконструировать событийную канву текста в своем сознании и уяснить пропозицию.*

В статье предложена гипотеза, согласно которой *процесс референции* рассматривается как процесс ассоциирования, позволяющий определить синтаксически связанные границы компонентов высказывания – лексем, грамем, синтаксем, которыми управляет реципиент, осмысленно воспринимающий текст с целью его распредмечивания и дальнейшего анализа. При этом, минимально «пригодными» для ассоциирования и, следовательно, стереотипизации в сознании реципиента, можно полагать традиционно выделяемые синтаксические компоненты высказывания, а именно: *предикативное ядро, актантную структуру, определители предиката и актан-*

тов, детерминанты, квалификаторы, др. Иными словами, референция сводима к поиску реципиентом минимальной структурной составляющей текста или его фрагмента, которая представляется ему доступной с точки зрения семантизации и стереотипизации в рамках «своей» когнитивной парадигмы и «своей» перцептивной парадигмы.

Текст обладает связями по линии *экзофорической референции*, *экзореференции*, и соотносим с выделенными в ней областями в их взаимосвязи с *эндофорической референцией*, *эндореференцией*. Наряду с этим, в настоящей статье предложено понятие *референционной перспективы*, или проекции, под которой понимается способность как отдельной текстовой единицы, так и группы текстовых единиц, объединенных в синтагму, незаконченное или законченное фразовое единство, характеризоваться определенной степенью *референционной определенности* и прозрачности как на уровне эндофорических (внутритекстовых) связей, так и на уровне *экзофорических* (внетекстовых) связей с актуализиро-

ванной в тексте событием–прототипом в реальном или возможном мире.

Выявленные в ходе многолетнего анализа языкового материала разного жанрового и коммуникативного статуса в англо-русских параллелях, области референции текста позволяют детализировать процедуры текстологического, контекстологического и сопоставительно-переводческого анализа в языковой паре английский–русский применительно к сфере профессиональной коммуникации и, таким образом, ее оптимизировать.

В контексте проведенных рассуждений симптоматичны слова И. Бродского, которые хотелось бы использовать как заключительную ремарку: «С каждым днем в душе человека меняется многое, однако способ выражения часто остается одним и тем же. Способность изъясняться отстает от опыта» [Бродский 1988]. Вероятно, в этом и кроется основная проблема референции текста смысловому континууму и частая тщетность наших попыток найти координаты, позволяющие исчерпывающе точно выразить то, что принципиально точно невыражаемо.

Список литературы

1. Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. – Л., 1988. – 240 с.
2. Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 13: Логика и лингвистика (Проблемы референции). – М., 1982. – С. 5–40.
3. Арутюнова Н.Д. Референция // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 411–412.
4. Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста. – Ростов н/Дон, 1993. – 182 с.
5. Бондарко А.В. Интерпретационные аспекты семантики длительности в русском языке // Язык: система и функционирование. – М., 1988. – С. 35–44.
6. Бродский И. Полторы комнаты. Речь на стадионе // Перев. с англ. Елены Касаткиной. – Brodsky J. Speech at the Stadium // On Grief and Reason. – Michigan: Ann Arbor, 1988. http://lib.norcom.ru/BRODSKIJ/br_essays.txt_Piece40.01
7. Бубнова И.А. Насколько субъективно субъективное значение? // Жизнь языка в культуре и социуме : Материалы конференции, посвященной 75-летию докт. филол. наук, проф. Е.Ф. Тарасова. – М., 2010. – С. 68–70.
8. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. – М., 1982. – С. 7–85.

9. *Василевич А.П.* Цветонаименования и проблемы перевода текста // Текст и перевод : Сб. науч. ст. / Отв. ред. А.Д. Швейцер. – М., 1988. – С. 84–96.
10. *Василевич А.П., Савицкий В.В.* Слова, описывающие телосложение, и их денотативная отнесенность // Речь: восприятие и семантика. – М., 1988. – С. 69–76.
11. *Вежбицкая А.* Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // Язык. Культура. Познание / Пер. с англ. – М., 1996. – С. 231–290.
12. *Власенко С.В.* Интерпретация социального контекста: гипотетическая референция как проблема перевода // Problems of Sociolinguistics. Language and Social Contacts. Proceedings of the Fifth International Sociolinguistic Conference / Сб. трудов на англ, болг., русс. языках. – Sofia: INSOLICO, Bulgaria. 1995. – С. 80–84.
13. *Власенко С.В.* Лакунизаторы ментального и текстового пространства // Социально-психологические проблемы ментальности : Материалы 2-й общероссийской научной конференции. – Смоленск, 1996а. – С. 16–18.
14. *Власенко С.В.* Факторы лакунизации текста (на основе анализа англо-американских и русских текстов разного коммуникативного статуса) : Автореф. дис. ... канд. филол. наук / РАН. Ин-т языкознания. – М., 1996б. – 44 с.
15. *Власенко С.В.* Проблема референции в переводе // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации : Сб. научн. тр. МГЛУ № 444. – М., 1999а. – С. 24–33.
16. *Власенко С.В.* Перевод: акт коммуникации или акт референции? // Теория перевода и методика подготовки переводчиков : Материалы научно-практической конференции. – М.: Военный университет, 1999б. – С. 38–43.
17. *Власенко С.В.* Перевод лакунизированного текста как процесс принятия переводческих решений в условиях неопределенности // Межкультурная коммуникация и перевод : Материалы пятой межвузовской научной конференции МОСУ. – М., 2006. – С. 211–214.
18. *Власенко С.В.* Адаптивность русского как переводящего языка в англо-русском коммуникативном взаимодействии с позиций переводоведения // Язык, сознание, коммуникация / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М., 2008б. – Вып. 36. – С. 70–82. http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_36.pdf
19. *Власенко С.В.* Грамматические трансформации в англо-русском отраслевом переводе с позиции теории лакун // Грамматические исследования: лингвистическая парадигма и современная дидактическая идеология : Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. – Вып. 553. – М., 2009б. – С. 35–46.
20. *Власенко С.В., Сорокин Ю.А.* Текст как плотно лакунизированное пространство (на материале англо-русских текстовых фрагментов) // Вопросы психолингвистики. – 2007а. – № 5. – С. 41–45. <http://iling-ran.ru/index.php?part=616>
21. *Власенко С.В., Сорокин Ю.А.* Текст и области его референции (на примере англо-русских соответствий) // Коммуникативные технологии в образовании, бизнесе, политике и праве XXI века: Человек и его дискурс–3. – Сб. науч. ст. – Волгоград, 2007б. – С. 87–111.
22. *Воркачев С.Г.* Любовь как лингвокультурный концепт. – М., 2007. – 284 с.
23. *Гециридзе Д.З., Хухуни Г.Т.* Фразовые тексты как объекты перевода // Очерки по истории западноевропейского и русского перевода. – Тбилиси, 1986. – С. 165–197.
24. *Гудков Д.Б., Ковшова М.Л.* Телесный код русской культуры : материалы к словарю. – М., 2007. – 288 с.
25. *Дейк Т.А. ван, Кинч В.* Стратегии понимания связного текста // НЗЛ. Вып. 26: Когнитивные аспекты языка / Перев. с разн. яз. – М., 1988. – С. 153–211.

27. Демьянков В.З. Основы теории интерпретации и ее приложения в вычислительной лингвистике. – М., 1985. – 76 с.
28. Дородных А.И. Варьирование глагольных форм в современном английском языке. – Харьков, 1988. – 176 с.
29. Жаботинская С.А. Числительное: Пасынок или любимец английских грамматик? // Теория грамматики: Лексико-грамматические классы и разряды слов. – М., 1990. – С. 120–138.
30. Йокояма О. Теория коммуникативной компетенции и проблематика порядка слов в русском языке // Вопросы языкознания. – № 6. – 1992. – С. 94–102.
31. Ковшова М.Л. Семантика и прагматика эвфемизмов : Краткий тематический словарь русских эвфемизмов. – М.: Гнозис, 2007. – 320 с.
32. Когнитивная психология : Уч. для вузов / Под ред. В.Н. Дружинина, Д.В. Ушакова. – М., 2002. – 408 с.
33. Кошелев А.Д. О референциальном подходе к изучению семантики вида (опыт референциального описания видовых значений) // Логический анализ языка. Референция и проблемы текстообразования. – М., 1988. – С. 30–52.
34. Кошелев А.Д. Классификация аспектуальных значений процессных глаголов по референтно значимым признакам // Тождество и подобие, сравнение и идентификация. – М., 1990.
35. Куайн У.О. Слово и объект // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 18: Логический анализ естественного языка. – М., 1986. – С. 24–98.
36. Кубрякова Е.С. О номинативном компоненте речевой деятельности // Вопросы языкознания. – 1984. – № 4. – С. 13–22.
37. Кубрякова Е.С. Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структуры представления знаний. – М.: ИНИОН РАН, 1992. – С. 4–38.
38. Леонтьев А.А., Сорокин Ю.А., Базылев В.Н., Бельчиков Ю.А. Понятие чести и достоинства: психолингвистический анализ. – М.-Калуга, 2009. – 72 с.
39. Лотман Ю.М. Текстовые и внетекстовые структуры // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М., 1994. – С. 201–239.
40. Маринчак В.А. Анализ семантико-синтаксической организации текста (на материале русской научной речи) : Дис. ... канд. филол. наук. – Харьков, 1982.
41. Неклюдов С.Ю. Отношение «текст–денотат» и проблема истинности в повествовательных традициях // Лотмановский сборник. – Вып. 1. – М., 1995. – С. 667–675.
42. НЗЛ 1982: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13: Логика и лингвистика (Проблемы референции). – М., 1982. – 432 с.
43. Падучева Е.В. Об именных группах со двоякой денотативной характеристикой // Семиотика и информатика. – Вып. 11. – М., 1979. – С. 134–141.
44. Падучева Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). – М.: Наука, 1985.
45. Падучева Е.В. О референции языковых выражений с непредметным значением // Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы. – № 1. – М., 1986. – С. 23–31.
46. Пак Сон Гу. Запахи в различных языках и культурах. Попытка сопоставительного анализа (на материале корейских, японских и русских фразеологизмов) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. ст. / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М., 2009. – Вып. 39. – С. 30–40. http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_39.pdf

47. *Постовалова В.И.* Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М., 1987. – С. 8–69.
48. *Сахно С.Л.* Следы номинативной деятельности говорящего в тексте // Проблемы перевода текстов разных типов: Сб. науч. тр. / Отв. ред. А.Д. Швейцер. – М., 1986. – С. 34–45.
49. *Селиверстова О.Н.* Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // Семантические типы предикатов. – М., 1982. – С. 86–157.
50. Селиверстова О.Н., Швейцер А.Д. Пространственно-экзистенциальные предложения в русском и английском языках (их соотношение и перевод) // Текст и перевод : Сб. науч. ст. – М., 1988. – С. 130–144.
51. *Скорицова Т.П.* Теория функционально-семантического поля и проблема соотношения системности – функциональности – коммуникативности // Языковая системность при коммуникативном обучении. – М., 1988. – С. 86–94.
52. *Сорокин Ю.А.* Метод установления лагун как один из способов выявления специфики культур // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М., 1977а. – С. 120–136.
53. *Сорокин Ю.А.* Роль этнопсихолингвистических факторов в процессе перевода // Национально-культурная специфика речевого поведения : Сб. ст. – М., 1977б. – С. 166–173.
54. *Сорокин Ю.А.* Психолингвистические проблемы восприятия и оценки текста // Ю.А. Сорокин. Психолингвистические аспекты изучения текста. – М., 1985. – С. 5–34.
55. *Сорокин Ю.А.* Лагуны: еще один ракурс рассмотрения // Лагуны в языке и речи : Сб. науч. тр. – Благовещенск, 2003а. – С. 3–11.
56. *Сорокин Ю.А.* Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. – М., 2003б. – 160 с.
57. *Сорокин Ю.А.* Девять статей о поэтическом тексте. – М., 2009. – 146 с.
58. *Сорокин Ю.А., Власенко С.В.* Переводческая рефлексия: эмпирический и гипотетический референт в переводе // *Hermeneutics in Russia : Online Journal.* – Tver State University, Russia. – 1998. – Vol. 2. – No. 2. <http://www.tversu.ru/Science/Hermeneutics/1998-2/1998-2-10.pdf>
59. *Сорокин Ю.А., Левченко Е.Б.* Общение и текст // Лингвистическая прагматика и общение с ЭВМ. – М., 1989. – С. 34–49.
60. *Степанов Ю.С.* Безличность и неопределенная референция // Язык: система и функционирование. – М., 1988. – С. 226–236.
61. *Фрумкина Р.М.* Об отношениях между методами и объектами изучения в современной семантике (в связи с изучением семантики цветообозначений) // Семиотика и информатика. – Вып. 11. – М., 1979. – С. 149–174.
62. *Фрумкина Р.М.* Цвет. Смысл. Сходство. Аспекты психолингвистического анализа. – М., 1984. – 175 с.
63. *Шафф А.* Введение в семантику / Перев. с польск. – М., 1963. – 376 с.
64. *Шаховский В.И.* Национально-культурная специфика эмоций в языке оригинала и ее отражение в языке перевода // Тетради переводчика : Науч.-теор. сб. / Под ред. проф. В.Н. Комиссарова. – Вып. 23. – М., 1989. – С. 74–83.
65. *Шаховский В.И.* Эмоции как объект исследования в лингвистике // Вопросы психолингвистики. – 2009. – № 9. – С. 29–43.
66. *Шаховский В.И., Коробкина Н.И.* Континуальное понятие «добро – зло» и его психологическая составляющая // Жизнь языка в культуре и социуме : Материа-

- лы конференции, посвященной 75-летию доктора филологических наук, проф. Е.Ф. Тарасова. – М., 2010. – С. 107–109.
67. Шведова Л.Н. Трудные случаи функционирования видов русского глагола (к проблеме конкуренции видов). – М., 1984. – 110 с.
68. Шмелева Т.В. К проблеме национально-культурной специфики «эталона» сравнения (на материале английского и русского языков) // Этнопсихоллингвистика. – М., 1988. – С. 120–124.
69. Щедровицкий Г.П. О строении атрибутивного знания // Избранные труды. – М., 1995. – С. 590–630.
70. Эко У. Референция и глубинный смысл // У. Эко. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / Пер. с итал. А.Н. Коваля. – СПб., 2006 (2003). – С. 166–191.
71. Yokoyma O.T. Discourse and Word Order. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publ. Comp., 1986. – 362 p.

Словарно-энциклопедические издания

72. БАРФЭС 2000: Большой англо-русский финансово-экономический словарь / Сост. А.Г. Пивовар. – М., 2000. – 1064 с.
73. БАРИОС 2003: Большой англо-русский юридический словарь / Сост. Пивовар А.Г. – М., 2003. – 864 с.
74. НАРБЭС 1995: Новый англо-русский банковский и экономический словарь / Сост. Федоров Б.Г. – СПб., 1995. – 848 с.
75. ТППСПК 2006: Теория и практика перевода в сфере профессиональной коммуникации: толковый словарь / Сост. С.В. Власенко // Власенко С.В. Договорное право: практика профессионального перевода в языковой паре английский–русский. – М., 2006. – С. 16–90.
76. ФСАР 2005: Финансовый словарь. В 2-х тт. / Сост. В.Я. Факов. – М.: Международные отношения, 2005. – Т. I. Англо-русский словарь. – 728 с.; Т. II. Русско-английский словарь. – 496 с.
77. АBBYU 2006: АBBYU LINGVO 12: Electronic Multilingual Dictionary, Version 8. – АBBYU Software Ltd., 2006. < www.Lingvo.ru >

УДК 81'23

О.В. Балясникова

ФЕНОМЕН «ЧУЖОГО» В ИНТЕР- И ИНТРАКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье рассматриваются особенности функционирования лексемы «чужой» и ее эквивалентов в качестве лексических лагун в интра- и интеръязыковом аспектах. В первом аспекте лагунарность выражается в нивелировании ряда грамматических признаков лексемы «чужой», которые проявляются в спонтанной речи; во втором – в несовпадении значений, связанных со словами-эквивалентами в русском и английском языках.

Ключевые слова: лексическая лагуна, актуальное значение, метод субъективных дефиниций.

Одной из целей теории лагун является изучение «стратегий совмещения «своего» и «чужого» сознания при выборе тактик достижения понимания «чужой» культуры» [Марковина, Сорокин 2008: 4. *Курсив авт.*]. Можно сказать, что оппозиция «свой - чужой», формирующая этническое самосознания, является «изначально данным» критерием, в соответствии с которым воспринимается реальность. Как отмечает В.Б. Иорданский, еще для древнего сознания, характерна дуалистичность, отражающая двойственность и «извечную конфликтность» реальности.

В основе формирования оппозиции, по-видимому, лежало пространственное разделение, что нашло отражение в языке. Например, Э. Бенвенист указывает, что в поздней латыни и некоторых современных романских языках слова-дериваты от названия двери обозначают объекты внешнего пространства: *foranus, foresticus, forestis – foris, foras*, также итал. *forestiere* «иностранный», англ. *foreign* «иностранный» [Бенвенист 1995].

Несмотря на всеобщность «своего - чужого» как универсальной константы (Ю.А. Степанов), или принципа культуры (И.Ю. Марковина), эта оппозиция имеет в разных лингвокультурах свои особенности. Образы «своего» и «чужого» одновременно и абстрактны, и конкретны. Первое проявляется в том, что оба они со-

держат ригидное «архаическое» ядро, в котором закреплены мифологические представления: проведенное нами исследование представлений о «чужом» в языковом сознании русских показало, что «чужой» характеризуется инородностью, потенциальной опасностью и агрессивностью, обусловленной готовностью его вторжения в пространство «своих», причем эти качества являются постоянными, даже при его неопределенности и непознаваемости самого «чужого» как объекта. Поэтому оппозиция «свой - чужой» лежит и в основе стереотипов, которые, как известно, формируются и при недостатке информации об объекте.

«... Этнос, существует в виде процессов трансляции и мены семиотическими продуктами, имеющими соответствующую ценность и являющимися формой и способом опредмечивания его менталитета...» [Сорокин 2007: 8-9], и, переходя из области культуры в сферу языка как способа «опредмечивания» культурных значений, можно констатировать, что сами компоненты оппозиции – лексические единицы «свой» и «чужой» - являются лагунарными. По классификации Ю.А. Сорокина и И.Ю. Марковиной их можно отнести к частичным лексическим лагунам – причем лагунарность носит как меж-, так и в монокультурный характер.

Последнее видно в способах рефе-

рентной соотнесенности, которая заключается в прагматической нерелевантности грамматических характеристик лексем, точнее смещении их грамматических показателей в сторону обобщенности и отвлеченности от пола и количества референтов, что выражается в нерелевантности категории рода и числа:

- *Карина, чужие* (хозяин собаке, подбежавший к незнакомому человеку). – *Не бойся, это свой!* (об одном человеке, женщине). *Моя мама никогда не считала, что дочь ее отца будет в семье своим человеком...* (из письма) и под. Воспринимаемый объект идентифицируется как представитель категории, причем для этого используются «базовая» грамматическая форма – мужского рода, а для указания на единичный объект – множественное число. Средний род маркирует неодушевленные или абстрактные объекты: *Это чужое, не бери. Не свое не жалко.*

Интеръязыковая лексическая лакунарность обусловлена чаще всего несовпадением объема понятий, стоящих за словами-эквивалентами в разных языках (Другие критерии существования языковых лакун подробно в: Марковина, Сорокин, 2008; Марковина, 2004). Лакунарность такого типа представлена в словарях, однако «наглядное» несовпадение объема понятий для одних слов, как и кажущееся полное соответствие для других скрывает более частные несовпадения, которые обнаруживаются при анализе субъективных дефиниций, данных носителями языка-нелингвистами. Очевидно, что между словарными дефинициями и значениями/смыслами, закрепленными за данными языковыми значениями в сознании носителей языка, существует разница.

С целью сравнения актуального значения слов – репрезентантов образа *чужой* в английской и русской лингвокультурах мы использовали метод субъективного дефинирования, предложив носителям английского языка дать определения ряду признаков слов – эквивалентов русскому слову «чужой». В данном слу-

чае представляли интерес: 1) характер объекта атрибуции (или его тип, понятие), 2) признаки, обуславливающие данную атрибуцию (выделяемые из референтной ситуации). Как в дефинициях, так и в примерах, иллюстрирующих употребление слова, респонденты выделяли наиболее актуальные (с их точки зрения) компоненты его значения.

В условиях ограниченного времени респонденты опирались на свою языковую компетенцию, эксплицируя свои представления о типичных объектах и ситуациях, в которых функционируют данные объекты и в которых они могут получить определение (характеристику) «чужой».

Таким образом, объект и его характеристики означаются языком и включаются в адекватный контекст. Референтная ситуация отражает социокультурный опыт данной группы испытуемых, а контекст определяется семантическими особенностями предлагаемых для описания слов. Работа проводилась на родном языке респондентов, что минимизировало случаи употребления анализируемых единиц в неадекватном контексте или создание неадекватной референтной ситуации. Ирреальные ситуации, не нарушающие цельности данных испытуемыми текстов, также являются адекватными.

Поскольку предлагаемые в анкете слова представляли собой прилагательные, типичными стратегиями испытуемых было включение их в конструкции *Adj + N*. Объекты, выступая в таких конструкциях в роли определяемых слов, являются именно теми, которые в английском языке (в сознании его носителей) могут получить соответствующее определение – в частности «чужой». Указанная стратегия позволила выявить объекты атрибуции для каждого тестируемого слова, сделать выводы о специфике субъект-объектной связи в ее отношении к референтной ситуации в целом, а также уточнить критерии, по которым респонденты разделяли и противопоставляли объекты. Параллельно

мы сравнивали субъективные дефиниции, данные русскими испытуемыми к слову *чужой* и его синонимам-эквивалентам.

Материал, включенный в анкету, составлялся по данным переводных (двуязычных англо-русских и русско-английских) словарей, указывающих на соответствие англ. *strange, foreign, alien* русской лексеме «чужой», Ассоциативного тезауруса английского языка, словарей синонимов, толковых словарей и нек. др.

В опросе приняли участие 18 человек, для которых английский язык является родным; возраст респондентов - от 20 до 30 лет.

При анализе данных респондентами дескрипций мы выделяли следующие критерии: 1) субъект атрибуции; 2) объект(ы) атрибуции; 3) признаки объекта, раскрывающие и уточняющие значение термина: логические (понятийные) и перцептивные (аффективные).

Предложения-иллюстрации содержали а) локусные, темпоральные и др. особенности референтной ситуации; указание на (не)повторяемость или (не)типичность ситуации (например, с помощью маркеров типа *usually*); б) субъект восприятия – участник или наблюдатель; в) особенности (канал) восприятия объекта: визуальный, аудиальный, тактильный; д) объект и его признаки.

Результаты показали, что определяющим критерием для отнесения объекта к классу «своих» или «чужих» является его принадлежность к своей (*own*) или другой (*another*) стране/местности или иному локусу. Отметим частотность глагольных форм, имплицитных отношений связи, принадлежности: *belonging (to), connected (to), referring (to), associated (with)*.

Объектом атрибуции **strange** может выступать любой предмет, воспринимаемый как *незнакомый*. Темпоральное наречие «*before*» часто отсылает к прежнему опыту субъекта, в котором не находится прецедентных примеров. В итоге объект может оцениваться как «*strange*» уже на

начальном этапе восприятия, когда субъект еще не может отнести его к классу знакомых (*familiar*) объектов. В другом случае, он может представлять собой совершенно новую реалию. Респонденты используют для описания данного объекта определения, содержащие компонент «не соответствующий норме»: *abnormal; out of place; unusual*.

Высказывания, содержащие атрибуцию «*strange*», могут включать оценку ситуации, отдаленной во времени от момента речи; при этом маркируется нетипичность, эпизодичность ситуации: *Something strange happened to me this morning. I experienced a strange sensation.*

«*Strange*» характеризует преимущественно некоторое событие (эпизод), которое в известной степени нарушает существующее или нормальное положение дел (соотносимое, по нашему мнению, с нормой культуры), например: *He arrived in Africa and was surrounded by strange faces*, где, очевидно, речь идет либо о совершенно незнакомых объектах, либо (что представляется менее вероятным) об особом выражении лиц.

«*Strange*» соотносит объект с прежним опытом субъекта, в дескрипциях содержится указание на повторяемость / частотность совершаемых с объектом действий, его взаимодействия с субъектом или повторяемость / частотность всей ситуации. Объекты, определяемые как «*strange*», характеризуются непродолжительностью действия (*noise, idea*), при этом сама ситуация, в которой он функционирует, может оцениваться как обычная.

Foreign чаще всего соотносится со страной и требует конкретизации локуса: *He is a foreign man, from Spain!; You can tell the English people in Moscow by their foreign style of clothes*. В центр ситуации нередко помещается субъект восприятия 1 лица: *I enjoy studying foreign languages, they help me understand the cultures of different countries*. Критерием атрибуции также может выступать извест-

ность/неизвестность. Кроме того, *foreign* обычно определяет единичный объект (*person, thing*). Таким образом, по названному критерию (*(well)known*) классифицируются либо непосредственно сами объекты, либо место (страна), с которыми он связан: *“Foreign” usually indicate that the thing being described is from a different country and thus in some way unknown.*

Примеры и дескрипции содержат эгоцентрики, притяжательные местоимения в атрибутивной функции с определяемым «страна». Так, для объяснения значения слова *foreign* требуется указание на объект отношения: *“Foreign” – belonging to another country, or something strange, that you’re not used to.*

Интересны единичные случаи подмены атрибута его близким синонимом или описанием ситуации, причем сама лексема отсутствует. Так, иллюстрируя употребление слова «foreign», респондент опирается на вызываемый в сознании образ, где объект характеризуется по факту необычной внешности или поведения: *Look at that crazy Belgian!*¹

Поскольку «foreign» определяется через соотношение с некоторым локусом (территорией, страной, местом), он приобретает свои характеристики, как правило, именно через эту соотнесенность. «Foreign» не всегда воспринимается непосредственно; это «инородный предмет», однако обнаруживаются и коннотации, описывающие эмоциональное восприятие объекта. Отметим, что прилагательное «foreign» входит в состав названий официальных учреждений, внешнеполитических организаций и ведомств, и в этих сочетаниях может быть интерпретирована по предназначению объектов для органи-

зации взаимодействия с иностранными (внешними по отношению к «своему») государствами (ср. рус. «вопросы внешней политики», «внешнеполитические ведомства», «Министерство иностранных дел» (и «Министерство внутренних дел»), «внешняя разведка», «внешняя и внутренняя политика» и т.д.). Однако ни одного подобного словосочетания респондентами дано не было.

Наибольшее расхождение между дескриптивным и иллюстративным материалом отмечено при употреблении **alien**. Если в первом содержится лишь одно указание на значение слова - «иностранец», то иллюстративная часть содержит три таких значения, например, в объяснительном описании (*I am an alien when I am not in Britain*) или в прямой апелляции к факту (*There are a lot of illegal aliens in Miami*). Некоторые случаи воспроизводят ситуацию, сходную со «strange»: *This music is alien to me (never heard); This Mongolian bore crunching music is alien.* Пребывание в новом месте может вызвать эмоциональную реакцию: *I felt very alienated in this new city; I can’t stand this alien country!*

Особенно часто «alien» определяет вземной объект: *The aliens have landed! See their spaceship!* В роли такого объекта может выступать не только инопланетное существо, но и особенности пространства (например *alien landscape*). Сочетание «alien land / country» синонимично «foreign land / country»; различие состоит в степени проявления признаков «different» и «unknown».

«Alien» характеризуется большей, нежели «foreign» и «strange», интенсивностью данных признаков: от «другой», «неизвестный» до «очень отличный, непохожий на какой-либо знакомый, беспрецедентный» и «не поддающийся познанию, не раскрывающий своей сущности». Референты «alien» – объекты необъяснимой, непонятной природы, часто соотносящиеся с существами иного мира

¹ Аналогичные случаи были выявлены в опросе русских респондентов. Несмотря на то, что в инструкции предлагалось составить осмысленные предложения со словом *чужой*, испытуемые составляли предложения с другими, близкими по значению, например *посторонний*. Это единичные случаи, обусловленные ослаблением контроля респондентов за процессом выполнения задания.

(планеты)¹. «Alien» – единая номинация/атрибуция, обозначающая и «инопланетянин», и «ненатурализованный иностранец». Эта единица сочетает в себе два значения: «существо непознаваемой природы»² и «потенциально враждебный» и, соответственно, «вызывающий опасение, неприятие» – как в силу своей необъяснимой сущности, так и в силу того, что он является «пришельцем».

Результаты анализа иллюстративного материала представлены в *Таблице*.

узком значении, чаще всего как «существо и другой планеты». Частотность дефиниции «alien» – «инопланетянин, существо из другого мира» объясняется характером определенного источника, предъявляющего данную единицу в соответствующем контексте, а также возрастом респондентов. В русской выборке также встречается понимание «чужого» в этом значении с той разницей, что, во-первых, номинации инопланетного существа связываются только с фильмом, а во-вторых,

Таблица

Определение	Объект	Характеристика
ALIEN	Лицо, предмет, ситуация	Неизвестной природы/ непостижимый/ вызывающий отрицательные эмоции
STRANGE	Признак, ситуация, эпизод	Странный/ нехарактерный/ ненормальный/ вызывающий удивление, недоумение
FOREIGN	Лицо, предмет	Иностранный/ приезжий/ прибывший

«Alien», «strange» и «foreign» имеют пересекающиеся, но не идентичные референтные области: «strange» чаще всего определяет частные признаки не ожидаемого нового, проявляющего себя в характерном поведении, состоянии (как правило, эпизодах) обычно знакомого объекта. «Foreign» имплицитно означает «граница», обозначая объект вне его основного (естественного, первоначального, «нормального») окружения. В отличие от ситуации «strange», объект и субъект атрибуции и оценки в ситуации «foreign» находятся по разные стороны подразумеваемой границы.

Наибольшее разнообразие дефиниций обнаруживает лексема «alien». Часть испытуемых понимает «alien» в каком-либо

такие значения единичны. Это можно объяснить большим синкретизмом образа «чужого» в русском языковом сознании, а также меньшей дифференцированностью самого значения слова как лексической единицы: в русском языке отсутствует отдельное наименование для чужого как инопланетного существа; слово «инопланетянин» не может претендовать на статус эквивалента из-за отсутствия необходимых коннотаций. «Alien» в этом значении может быть описан словосочетанием «инопланетный агрессор», что, несомненно, также является примером интерязыковой лакунарности.

¹ Обращает на себя внимание дистантность типичных локусов объектов «foreign» (страна) и «alien» (планета) от «my/ this» – локуса (place, country), который субъект определяет как «свой» и «нормальный».

² Ср., например, рус. «неопознанный летающий объект» – не относящийся ни к одному из известных классов/типов объектов.

Список литературы

1. *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. – М., 1995. – 456 с.
2. *Марковина И.Ю.* Метод установления лакун в исследовании этнопсихолингвистической специфики культуры // Вопросы психолингвистики, №2, 2004. – С. 58-64.
3. *Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А.* Культура и текст: введение в лакунологию. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2008. – 144 с.
4. *Сорокин Ю.А.* Лингвокультуральные конфликты: ретроспективный анализ // Вопросы психолингвистики, №4, 2006. – С. 80-92.
5. *Сорокин Ю.А.* Этническая конфликтология (теоретические и экспериментальные фрагменты). – М., Институт проблем риска, 2007. – 120с.

ПУБЛИЦИСТИКА

Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина

АЛЕКСАНДР ЛАЦИС КАК «КРИТИК» (ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»)

Данная публикация представляет собой открытое письмо в редакцию Литературной газеты, появившееся в 1986 г. в совместном сборнике Института языкознания АН СССР и Всесоюзного центра переводов «ТЕКСТ, КОНТЕКСТ, ПОДТЕКСТ» (М.: АН СССР, 1986). Причиной появления этой и нескольких более ранних статей стала неожиданно резкая, и мало научная публикация в знаменитой и любимой тогда «Литературке», называвшаяся «Удар по лакунам». Автором «нападения» (или исполнителем?) был А. Лацис. Со свойственным ему азартом, Ю.А. ринулся в бой, пошел на прием к главному редактору, добился официального извинения на страницах газеты (чего в те времена практически не случалось: «К опубликованным материалам не возвращаемся» – ответили нам после первой попытки добиться справедливости). Статья любопытна тем, что является опытом соединения элементов научной дискуссии и эффектного публицистического стиля, которым виртуозно владел Ю.А.

Публикация «Удара по лакунам» на 16-й странице газеты («Литературная газета», 27 июня 1984 г.) поставила нас, как мы сначала думали, в «тяжелое» положение: эта страница считается юмористической и сатирической, таковым, казалось нам, должен быть и ответ. Но Вы оказали нам, по-видимому, невольную услугу, выбрав в качестве автора фельетона А. Лациса: мы постараемся быть юмористичными и сатиричными в той же мере, как и он, ибо это, оказывается, не столь трудно, как предполагали мы. Нам, специалистам, этот фельетон, как и всякое сочинение «постороннего человека», конечно, показался смешным. Но мы опасались, что он покажется смешным, но уже в силу своих «профессиональных» достоинств, и другим людям. В этом отношении нам, если не крупно, но также повезло. Другим этот «удар» показался не смешным. Предугадывая ваши возражения, сразу же огово-

римся: этих других не так уж много, и они наши коллеги и знакомые, которые делились с нами своими впечатлениями относительно вашего «Удара». Возможно, что другие читатели вашей газеты и смеялись. Но в этом позволительно усомниться. И вот по какой причине: и юмор, и сатира, по-видимому, строятся на том, что характеристические (глубинные) черты человека или явления, идеи или текста берутся в целостности и переакцентируются, подаются под неожиданным и дерзким углом зрения («заостряются») в таком контексте, который «непривычен» для них. Но именно целостность понимания рассматриваемой – юмористически или сатирически – сущности проблемы и отсутствует, на наш взгляд, в фельетоне А. Лациса. Но зато присутствует нечто другое, нечто от чеховского Сисоя, который любил повторять лишь одно: «Не ндравится мне!» Если такое сравнение покажется вам неубе-

длительным и малоприемлемым, то можно предложить другое: сравнение с Карениным, который, как известно, «...в области политики, философии, ...сомневался или отыскивал, но в вопросах искусства и поэзии, в особенности музыки, понимания которой он был совершенно лишен, у него были самые определенные и твердые мнения». Этот каренинский «синдром» – «синдром» определенности и твердости мнения без достаточности понимания существа проблемы – характерен, по нашему мнению, для фельетона А. Лациса. Поэтому-то автор фельетона и может с завидной самоуверенностью писать следующее: «Прежде чем подумать, что классик о чем-то не подумал, следует хорошенько подумать», не полагая возможным, что совет о необходимости «хорошенько подумать» может быть адресован и ему: ведь если у него есть определенные и твердые мнения, то, вне всякого сомнения, они единственно верные и окончательные. Сомневаться самому и позволять это делать другим – вредно, бесполезно и излишне. Все уже решено. Пути предначертаны.

Фельетоны пишутся к определенному сроку на основе одной статьи или, в лучшем случае, книги и без сомнений в чем-либо. Какие могут быть сомнения у определенного и твердого человека? Читать и понимать художественные произведения нетрудно. Трудности – от лукавого и ученых. Задача критика-фельетониста – понять, не допустить и защитить. Даже в том случае, когда никто не собирается нападать и ударять; речь идет о весьма сложной проблеме смыслового восприятия художественных текстов, о тех фрагментах в них, которые создают неадекватное понимание и влияют на эстетико-аксиологическую оценку этих текстов читателями. Речь идет о выявлении (предположительном) механизмов создания художественных текстов, о материалах, позволяющих судить о влиянии среды, культурного фона и фонда на художественные произведения, о роли авторской

и социальной памяти в творческом процессе или делать предположения о структуре психических типов авторов и читателей.

Обо всем этом можно было бы узнать, если не ограничиваться советом другим «хорошенько подумать», но и сделать это самому. И прочитав не статью И.Ю. Марковиной в журнале и не статью Ю.А. Сорокина в соответствующей книге, а всю книгу, на которую ссылается фельетонист. При желании можно было бы узнать также, что проблема изучения смыслового восприятия текстов (с точки зрения имеющихся в них лакун) не является новой. Она рассматривалась в работах Тикнора, Евлахова, Волошина, Пиксанова, Томашевского, Степанова, Лотмана, Муравьева, Свинцова и ряда других ученых. То, что наши фамилии упоминаются в фельетоне вне этого научного соседства и даже, более того, в соседстве с А.С. Пушкиным и Н.В. Гоголем – высокая, но излишняя честь. Хотя можно понять и фельетониста: упоминание фамилий других ученых искажило бы желаемую картину. Ему, вероятно, хотелось, чтобы читатели убедились в том, какими «пустышками» занимаются некоторые (и кто они такие?) ученые. Видимо поэтому он и решил умолчать о тех, кто занимался и занимается указанными выше проблемами. А заодно и о тех писателях, в чьих произведениях, как полагают исследователи, имеются лакуны (Шекспир, Л. Толстой, Лесков, Ремарк).

Немаловажен и следующий факт: в фельетоне не говорится о том, что случайные и ненамеренные лакуны являются лишь одним из видов лакун – лексических, грамматических, стилистических, этнографических, психологических, поведенческих, кинесических, наличие которых в художественных текстах крайне затрудняет их понимание и оценку. И этот «ход» фельетониста вполне понятен: он не читал диссертации И.Ю. Марковиной, а именно в этой работе рассматриваются виды лакун, влияющих на процесс адек-

ватного понимания художественных текстов, но не поколебался бросить тень на качество этой работы. В глазах читателя «фельетонная» картинка не должна искажаться! Тем более, если речь идет о каких-то пустяках, вроде гоголевских «несообразностей». Ведь в основном-то, – говорил фельетонисту его определенный и твердый внутренний голос, – художественная литература читателя и понимается адекватно».

А вот в этом-то и позволительно усомниться на фоне следующих выводов социологов, изучающих не художественную литературу, а лишь тексты газет: «...в 7 случаях из 10 предъявленные читателям газетные тексты интерпретировались ими неадекватно цели сообщения, так что замысел коммуникатора оставался нереализованным. <...> ...многие читатели газет вовсе не знают или имеют неверное представление о многих видных деятелях науки, искусства, литературы, политики, спорта...» [Массовая информация в советском промышленном городе. М., 1980, с. 242,244]. Но об этих фактах А. Лацис, очевидно, и не догадывается. Иначе он бы не был столь поспешен, определен и тверд в своих выводах, особенно в последнем, который он в духе своего фельетона назвал лакуническим, т.е. пустым в смысловом отношении, непонятным и странным, ибо лакуны характеризуются именно такими признаками. Или лакунический вывод А. Лациса не что иное, как шутка? Может быть, шутя, он забыл упомянуть и о том, что мысль в фокусе логического внимания принадлежит не И.Ю. Марковиной, а В.И. Свинцову? Или это – мелочь, не стоящая упоминания в фельетоне, в котором главное не точность, а «художественность» обработки материала? Наверное, все-таки, мелочь, ибо, когда показываешь статью И.Ю. Марковиной Н.В. Гоголю, можно забыть обо всем.

Мы не будем спрашивать 6-ю страницу: «Сколько же лет Аристарху Платоновичу?» мы понимаем, что это «художественный прием», правда, довольно зано-

шенный и ветхий. Мы помним, что стоит хорошенько подумать, прежде чем задавать вопросы, и что когда у оппонента отсутствуют доказательства, то он охотнее всего использует старейший прием ссылки на авторитет. Как известно, «осуществляется» этот прием разными способами: или ссылается на встречу с автором, или цитирует автора. В нашем случае использованы сразу два способа: А.Лацис встречается с Н.В. Гоголем и цитирует то, на что Н.В. Гоголь «молча ткнул пальцем» и «отчеркнул в своей повести». С чем мы и поздравляем фельетониста: не каждому такое удастся.

Смешно? Может быть. Но еще и грустно. Грустно оттого, что читатели должны принимать на веру рассуждения человека, который плохо разбирается в том, о чем он пишет, и оттого, что перед ними разыгрывается «урок» журналистского (писательского) мастерства не очень высокого качества. И вдвойне «грустно» из-за стараний автора, у которого отсутствуют аргументы убедить читателей в том, что лакуны в тексте «Евгения Онегина» следует рассматривать как никому не мешающую «мелочь» (здравому смыслу все кажется мелочью), что А.С. Пушкин «обозначил» в черновом варианте, как следует понимать слово «ягоды», и что читатели А.С. Пушкина могут быть спокойны, ибо А. Лацис начеку и защитит их и автора «Евгения Онегина» от происков Ю.А. Сорокина.

Все это дано, конечно, нашим уважаемым фельетонистом не прямо, а косвенно, так сказать, художественно: смеркается, дескать, в лесу раньше, чем в поле, в доме за столом раньше, чем в саду, да и вообще у тогдашних девушек зрение было не испорчено чрезмерным чтением, а вот «для людей с ослабленным зрением становится темновато чуть ли не на час ранее». Мы согласны не обращать внимания на эти лацисовские «мелочи», помня, что имеем дело с художественном реализацией поговорки «в огороде бузина, а в Киеве дядька», что перед нами вновь разыгрываемый

«урок» логики «несообразностей» в его журналистском варианте. Логика, упрощенной до предела. Рассчитанной на читателей, которых убеждают с помощью еще одного «художественного» приема. К такой логике ни А.С. Пушкин, ни Н.В. Гоголь, конечно, не имеют никакого отношения, хотя, как свидетельствует А. Лацис, Николай Васильевич и «молча ткнул пальцем на строки», указывая на нее. По-видимому, А.Лацис перепутал одну логику с другой, обыденную логику своего понимания (текста) с той логикой абсурда как художественного приема, которая все же не была чужда Н.В. Гоголю. И, возможно, именно на такие моменты и указывают лакуны в гоголевском тексте. Но так обстоит дело с нашей точки зрения. По мнению А.Лациса, этого не может быть, потому что не может быть никогда.

Такая точка зрения не только удобна, но и, по-видимому, позволяет А. Лацису и 16-й странице не ограничиваться фельетонами на литературные темы. Мы не удивимся, если А. Лацис напишет что-нибудь по поводу научных работ, в которых рассматриваются или гипотезы относительно механизмов старения, или гипотезе Сепира-Уорфа, или, в крайнем случае, теории глобальной тектоники плит.

Как говорят, на чужой роток не накинешь платок.

В заключении мы хотели бы задать следующий вопрос, хотя он, может быть, и плохо увязывается со всеми изложенным раньше: «Что же все-таки случилось с 16-й страницей за последние полтора года?» Мы задаем этот вопрос серьезно, надеясь получить серьезный, не гаерский ответ.

ГЛЕБ АРСЕНЬЕВ:
поэтическое творчество Ю.А. Сорокина

*Стихи 2004 г. публикуются по тексту рукописи, подаренной автором
И.Ю. Марковиной в октябре 2006 г.*

Дорога глиняная
вязкая
взгорбки дыбом
еще чуть чуть
и дом под вязами
и зонтик
утреннего дыма
кого-то ждут
и радость и теплынь
и разговенье разговорами
мед слуху
попрошак и разинь
хлеб взгляду странника и вора.

20-21 июля 2004 г.

Это солнечный ветер
на музыку Верди
это еще не аминь
это еще аллилуйя
кто-то машет вослед
и вдогонку целует
здравствуй
старый сосед
ты опять незнаком
день прощанья
себя не услышал
хоть уставший
литавровый гром
ходит тише и тише
кто-то опять прельщает
тлеет
солнечное огниво
еще Бокаччио
не в печалях
себе в загляденье
и Богу на диво.

23-24 августа 2004 г.

А церковь
вся резные кружева
а церковь

гулкая мансарда камнелюба
прохладу цедит
мне на губы
остужая шопотную робость
улыбчатых упреков непокой
Иоанна семитрубный рокот
вмурованный затейливой резьбой.

1-2 сентября 2004 г.

Кормлюсь напраслиной
и на проценты суеты
жалуюсь на праздники
бессонницы святых
когда алчба смиренна
и голос пересох
и дорожает мена
выдоха на вдох
но все-таки украдкой
листает ангел лести
книгу свою сладкую
макая пальцы в перстни.

3 сентября 2004 г.

Пять утра
петухи заголосили
ветра резкое ура
и непочатой силы
серебряные пятаки
луж проточных
и колодобин
взапуски мутны
гнутся
и себя коробят
расшвыривая
горстью тени
выбивая клинья криков
идут невидимые гости
настичь цветущие сирени
на окликаемом погосте.

6 июля 2004 г.

Жара: Зной

ты рядом со мной?

Зной: Жду тебя с утра

озябшая сестра

поскорей рассмейся

переведи сонный дух

о настырном дождей семействе

выпал последний слух

в моде загар и веснушки

платьев легчайший кураж

впору весело слушать

улыбок и шепотов блажь

Жара: Июлем запахла герани

синих улыбок костры

обильно цветет геральдика

в зеркале огня пустоты

на молитвах травных

дремать легко и завидно

кто их бормочет неплавно?

кто этот ангел заика?

Зной: О чем ты?

приспели причуды?

За кудыкины горы зовут?

Жара: Хлеб вздоха

засохший и черствый

крошу в зарастающий пруд

пусть рыбы

накормятся вдоволь

повеселеют мальки

и черные маки

и вдовы

и подорожников малахит

Зной: Нам

тяжело и томно

перекипает пот

у цепких зарослей дерна

а тени глянцевого ворон

отгонного взмаха ждет

Жара: Рядом твои

слюдяные стрекозы

слышишь удушья ау?

ты рядом

и дробно

сверчки стрекочут

в нашем наркотном раю.

7-9 июля 2004 г.

Слетыш из травы

испуганно

под ливень настырный

тучи угловаты

с подпушкой угольной

застыли

над Кучками

прилепился к дому

божьей улиткой

ярится печь

пожирая

вишневые сучья

снует в щербатой пасти

ожоговая улыбка

плавится

смоляной пот

и прибудное счастье.

14-15 июля 2004 г.

Они простятся

и оплачат нас

черные подсолнухи платков

завязывая туже

(отечные круги

провальных глаз

как высохшие лужи)

нам принесут

нечетность залежалых слов

перемолвок легкую прохладу

вынесут

под голубиное

нищее курлы

Всеvyšний нам позволит рассмеяться

И с ангелом разочек покурить.

4-5 сентября 2004 г.

Открою дверь

в яблочную прель

отмахнусь

от липкости колкой

репейников

петух голосит

над хлебными корками

словно Коперник

рисующий

звездную акварель.

6 сентября 2004 г., Кучки

УДК 81:372.881

А.М. Шахнарович

ОБУЧЕНИЕ ВТОРОМУ ЯЗЫКУ

В статье, опубликованной в 1996 г. обобщается ряд классических положений (Л.С. Выготский, Л.В. Щерба, А.Н. Леонтьев), а также опыт практического обучения иностранному языку, с целью сделать важный методический вывод о том, что ситуация обучения детей второму языку должна быть построена иначе, чем ситуация овладения родным языком, поскольку на занятиях отсутствуют те условия, которые заставляют ребенка извлекать из языкового материала правила. Автор доказывает, что эффективное обучение второму языку должно расширять представления о родном языке и строиться с учетом его структуры.

Ключевые слова: обучение второму языку, двуязычие, языковая способность, детская речь.

Обучение второму языку – одна из немногих реальных возможностей вывода ребёнка из культурного шока. Не будет преувеличением, если сказать, что культурный шок – следствие разного рода и характера (о которых сейчас говорить неуместно) нарушений общения. Язык, или, как принято говорить в последнее время, текстовая деятельность человека, деятельность общения, речевая коммуникация – способ связи человека с миром вещей и миром людей. Мы не располагаем данными о том, каковы расхождения переживании культурного шока у тех, кто этого языка не знает. Однако мы можем предположить, что эти расхождения по силе шока будут значительны.

Всё это важно иметь в виду, когда мы обсуждаем проблемы обучения второму для учащихся языку. И это важно не столько для установления необходимости такого обучения – она несомненна, – сколько для того, чтобы это обучение было целенаправленным и могло бы избежать груза чужих (имеется в виду наших) ошибок. Вот почему важно проанализировать советский опыт обучения языкам и

увидеть, в чем же, помимо очевидного, причины его неудач.

Сразу заметим, что, как во многих других областях, в этой области (обучения языкам) резко расходились теория и практика. Для прикладных областей, для практики в СССР было характерно полное игнорирование теории. Если слово «игнорирование» кажется слишком сильным, то можно заменить его более слабым словом «неучёт». Тем не менее, в течение многих лет создавалась парадоксальная ситуация, когда достижения филологии (лингвистики прежде всего), психофизиологии, психологии и смежных наук не брались на вооружение, никак не трансформировались в практику обучения языкам. Мы многое узнавали о том, как устроен язык, как сконструированы языки, как люди овладевают языками и как можно было бы этим процессом управлять. Практика же обучения исходила из ограниченного числа традиционных не всегда верных, а чаще – неадекватных представлений и не желала выходить за рамки этих представлений.

В теории нам хорошо известно (в этом

заслуга Л.В. Щербы – выдающегося лингвиста и методиста), что язык как система существует в качестве триады: язык, речевая деятельность, языковая способность, где система противопоставлена процессу и механизму. Из одного этого обстоятельства следовало бы, что при обучении языку нельзя замыкаться в рамках только системы, но неправильно и ограничиваться речевой деятельностью, как это декларировано в программах по иностранным языкам.

Следует, как легко видеть, подходить к обучению как формированию механизма, обеспечивающего речь посредством специфических орудий – знаком языка. Такой подход должен был бы коренным образом изменить практику, чего, к сожалению, не произошло, хотя свои методические наблюдения, основанные на изложенном подходе к языку, Л.В. Щерба сделал в середине 50-х годов. Ему же принадлежат еще два, по меньшей мере, положения, чрезвычайно важные для практического обучения. Первое – о том, что овладение вторым языком при определенных условиях обучения расширяет представления о родном и о том, что речь, речевая деятельность – уникальная комбинация языковых явлений.

Из этих положений следует, в частности, что обучение второму языку должно строиться с учетом структуры родного. В принципе с этим никто не спорит, но на практике дело ограничивается декларациями. Между тем, как показал опыт обучения дошкольников (Е.И. Негневицкая), если ребенок смотрит на явления изучаемого языка сквозь призму родного, эффективность усвоения языкового явления повышается. Из положения об уникальном характере языковых комбинаций следует, что речевая деятельность – творческая по характеру, и потому не может быть алгоритмизирована в принципе. Между тем, при формировании механизма, обеспечивающего эту деятельность, следует опираться на данные об интимных процессах, составляющих сущность

психических явлений. Механизм, о котором идет речь – это совокупность способов решения коммуникативных задач тем выбором средств, которым располагает с помощью преподавателя учащийся.

Легко видеть, что, чем шире набор средств, тем проще использовать их. Чем эффективнее используются имеющиеся в распоряжении учащегося способы, тем успешнее решаются коммуникативные задачи. Это должно быть ясно каждому преподавателю языка и должно четко использоваться в практике обучения. Однако ничего подобного не происходит.

Большое наследство по части обучения языкам оставил Л.С. Выготский. Известна его работа «К вопросу о двуязычии и многоязычии» в детском возрасте.

В этой работе представлен своего рода проект формирования дву- и многоязычия, корректный в психолого-педагогическом аспекте. Более того, овладение вторым языком рассматривается в интересном для нас контексте – культурном. Как хорошо известно, иного пути для овладения культурой, кроме овладения языком, нет. Естественно ожидать, что расширение языковой базы должно привести к расширению культурных знаний, того, что составляет совокупность «фоновых знаний». Между тем, этого часто не происходит. Причина этого лежит в организации процесса обучения, в отрыве его от теоретической базы.

Для того, чтобы лучше понять это, обратимся к фактам языковой жизни советского общества.

В СССР функционировало более 1130 национальных языков – старописьменных, имевших большую письменно-книжную традицию, малописьменных, получивших письменность в 20-е – 30-е годы XX века, и бесписьменных. Первые и вторые были и языками обучения, и предметом изучения в республиках СССР и автономных образованиях, третьи – не были таковыми.

Языковая политика в СССР сводилась к декларациям о расцвете национальных языков и к практике сплошной русифика-

ции. Это не могло не привести к перекосам, результатом которых явилось практически полное незнание родных языков, в особенности представителями малочисленных народов (ительмены, чукчи, саамы, коряки).

Русификация или, как принято было это называть, овладение вторым родным – русским языком не могла не привести, по меньшей мере, к двум следствиям: к отторжению русского языка, а с ним и русской культуры, и к повышенному вниманию к родным языкам. Это, в свою очередь, да еще при слабом обучении второму языку приводило часто к тому, что можно назвать «полуязычием». Обучение вступало в противоречие с реальной социологической ситуацией и, будучи методологически неадекватным, приводило к слабому знанию обоих языков. Между тем, общение в двуязычном окружении требовало некоторого развития коммуникативной компетенции, что приводило к искажению обоих языков и образованию своего рода вразга.

Программы обучения второму (русскому) языку имели формальный характер, не были ориентированы на живое общение, не готовили учащихся к решению коммуникативных задач. Для такого обучения характерно игнорирование научных данных о процессе овладения языком, о стратегиях субъекта при формировании упоминавшегося механизма – языковой способности.

Таким образом, имели место две тенденции: стремление «снизу» к сохранению национальных языков, но часто нецивилизованным образом, и «сверху» – к внедрению языка «старшего брата». Эти тенденции развивались параллельно, хотя попытки их сблизить делались. В частности, это было при внедрении раннего национально-русского двуязычия. В 1980 году был введен курс русского языка как второго в программу национальных детских садов в союзных республиках. Наряду с детскими садами, где обучение и воспитание происходило на родном языке,

а русский язык изучался два раза в неделю на специальных занятиях, быстро росло число садов с многонациональным составом детей и русским языком обучения. Точный учет закономерностей овладения ребенком в таких условиях, взаимосвязь речевого развития с общим психологическим развитием ребенка является необходимым условием правильной организации учебно-воспитательного процесса. Как отмечал Выготский, в развитии ребенка могут возникнуть «затруднения, когда условия воспитания не гарантируют образования... более или менее самостоятельных сфер приложения каждого языка, когда ребенок отдан во власть случайной смеси языковых систем...», когда детское двуязычие развивается стихийно». Нигде, по мнению Выготского, направляющая роль воспитания не приобретает такого решающего значения для развития ребенка, как в случаях двуязычия и многоязычия.

До сих пор бытует мнение, что в детстве ребенок может легко и быстро овладеть несколькими языками, причем «чем раньше, тем лучше». В последнее время все больше исследований показывают, что проблема не так проста. Изучение процессов двуязычия в детских садах республик СССР, проведенное в свое время Негневицкой, показало, что в средней группе примерно треть детей слабо владели русским языком, в старшей и подготовительной к школе группах – почти половина. Цифры показали, что совершенство владения вторым языком не росло вместе с длительностью пребывания детей в детском саду. Объясняется это, в частности тем, что требования к владению вторым языком возрастали для каждой языковой группы, и отставание в развитии речи на втором языке становится все заметнее. Другим объяснением этого феномена может быть и слабость методики, отсутствие теоретической базы под таким обучением.

При выборе методов обучения методики, хотя бы они того или нет, руководствуются определенным взглядом на то,

как происходит овладение языком. Но важно, чтобы эти взгляды были не субъективными мнениями, а научно обоснованной концепцией. Можно привести примеры проблем чисто методического характера, при решении которых необходимо руководствоваться научными данными о том, как происходит процесс речевого развития. Считается, например, что дети воспринимают слова «стол» и «столы» как два отдельных слова, что их нужно запоминать как отдельные слова и считать отдельными словарными единицами. Аналогично на основе запоминания отдельных слов рекомендуется обучать детей правильно употреблять родовые окончания русских прилагательных. Эта позиция имеет теоретическое обоснование: считается, что в обучении маленьких детей второму языку не может быть места формированию правил языка, потому что в ходе естественного овладения языком никто не фиксирует внимание ребенка на отдельных фактах языка. Взрослые говорят, а ребенок повторяет.

Это отражение старого представления о том, что ребенок овладевает языком на основе подражания взрослым, имитации и практики, не проникая при этом в строение языка, не вычленяя его компонентов.

Между тем, среди открытий, круто изменивших наше представление о природе речи и внутренних механизмах овладения языком, на первом месте находятся данные о том, как ребенок овладевает грамматикой родного языка. За внешними речевыми действиями ребенка стоят сложные внутренние действия, неосознанная работа, в ходе которой ребенок обобщает слышаемое вокруг и выводит некоторое правило. Построенная ребенком языковая система оказывается иногда строже, точнее, чем реальная. Отсюда известная всем сверхгенерализация в детской речи.

Основное отличие овладения родным языком от владения вторым на специальных занятиях в том, что в последнем случае нет естественных оснований для неосознанной внутренней работы, которую

приходится проделать ребенку, чтобы общаться со взрослыми и со сверстниками. Отсюда мы можем сделать важные для методики выводы: ситуация обучения детей второму языку должна быть построена иначе, чем ситуация овладения родным языком, поскольку на занятиях отсутствуют те условия, которые заставляют ребенка извлекать из языкового материала правила. Обучение второму языку не должно повторять овладение родным языком, и в то же время нужно стремиться к тому, чтобы гарантировать внутренние результаты, внутренние этапы овладения языком. Как это сделать – это задача методики и психологии, но исследования детской речи и практика применения результатов этих исследований в обучении второму языку показывают, что это сделать необходимо. Бессмысленно прятать от ребенка непредметные элементы языка – он умеет их вычленять и пользоваться ими для создания новых способов выражения знаний.

Обучение детей второму языку – один из основных способов приобщения их к иной культуре – должно строиться как целенаправленный процесс с учетом разнообразных данных наук о человеке и его языке.

Именно неучет этих данных в течение многих десятилетий приводит к неуспеху школьного обучения языкам. Формализм, некоммуникативность учебных заданий и упражнений, отсутствие положительной мотивации, случайный выбор учебных текстов – все это и не может привести к успеху. Добавим к этому весьма невысокий уровень подготовки учителей иностранных языков и получим относительно полную картину обучения второму языку в России (как ранее в СССР).

Несколько поколений учителей выросли на грамматико-переводном методе, основанном на высказанном еще Сталиным в 1951 году положении о том, что грамматика – основа языка. Грамматико-переводный метод лишил учащихся возможностей каких-либо творческих прояв-

лений, и результатом его применения явилось выделение неспособных к языкам учащихся. Между тем, как справедливо многократно отмечает Негневицкая, учащийся овладел родным языком, а значит речевая деятельность как таковая ему доступна. Следовательно, при адекватном построении обучения не должно быть учащихся, для которых изменение способов уже известной деятельности было бы не по силам.

Подведем итоги. Язык – один из основных каналов получения культурной информации в процессе социализации ре-

бенка или, как назвал этот процесс А.Н. Леонтьев, «врастание ребенка в цивилизацию». При необходимости приобщения ребенка к иной культуре это уместнее всего сделать в процессе обучения его второму языку, а следовательно – в процессе вторичной социализации. Успех этого процесса в известной мере определяется тем, как будет организована учебная деятельность детей. При организации учебной деятельности и выборе способов обучения полезно обратиться не только к положительному, но и к негативному опыту, чтобы избежать ошибок и неудач.

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

В. БАТОВ. МОЙ ДРУГ ГЛЕБ АРСЕНЬЕВ. ПСИХОГЕРМЕНЕВТИКА СЛОВЕСНОГО ТВОРЧЕСТВА. М.: Гнозис, 2008. – 223 с.

Глеб Арсеньев – литературный псевдоним доктора филологических наук, профессора Юрия Александровича Сорокина, с которым В. Батов был знаком более 30-ти лет и считал его своим другом. Но персонажем рецензируемой книги является Глеб Арсеньев, «несуществующий» автор трех художественно-литературных книг. И психологическому анализу подвергается Глеб Арсеньев, а не Юрий Сорокин, поскольку именно первый является действительным автором исследуемых текстов.

Книга В. Батова – это попытка ответить на вопрос, что же является предметом и объектом современной психологии и можно ли изучать «психическое» без человека, а основное внимание уделяется проблеме, возможно ли отождествлять личность автора с тем личностным образом, который автор создает в своих произведениях. Для этого автор предлагает обратиться к новой, другой психологии – психогерменевтике (опирающейся на современную фундаментальную философскую герменевтику), которая позволяет рассматривать психику как объект эмпирического исследования.

Значительное место в книге уделяется критике методологического обоснования традиционного психологического исследования (Часть I, главы 1,2) и утверждению новой научной дисциплины – психогерменевтики.

Большая часть книги (Часть II, главы 3-5) – это описание возможностей применения методов психогерменевтики для экспликации личностного Я автора в тексте. Анализируются тексты из книг Глеба Арсеньева «Стихи», «Маргиналии», «Стихи и маргиналии». Автор исходит из предпо-

ложения, что вербальный текст несет психологическую информацию, отражающую какие-то грани личностного Я автора, а основное содержание, отражающееся в этих личностных гранях представлено в личностном смысле текста. В психологической же картине личностного смысла присутствуют оттенки мотива неудовлетворенности Я автора продуктом своего словесного творчества.

Результатом проведенного исследования явился следующий психологический «портрет» Глеба Арсеньева. «Сочетание ориентации на актуальное поведение, на внешнюю оценку и одобрение со склонностью строить свое поведение исходя из собственных принципов. Обеспокоенность своим социальным статусом. Гибкий и творческий ум, необычность суждений. Эгоцентричность при раздражительности и тревожности. Замыкании границ своего «Я». Трудности в общении. Безразличие к оценке о себе. Недоверчивость, осторожность. Опасение того, что откровенность может иметь неприятные последствия. Возможны гибкость мышления, быстрая смена установок, что может рассматривать как беспринципность» [Батов 2008: 209]. Насколько он совпадает с психологическим портретом самого Ю.А.Сорокина? Автор отвечает следующим образом: «...отчужденное в тексте Я автора не несть ни «Я-чужой», ни «Я-другой», ни «не-Я», а есть искаженное недоработанностью в своей материализации подобие, тем не менее сохраняющее основные сущностные признаки Я автора» [Батов 2008:215].

Н.В. Уфимцева

Ю.А. СОРОКИН. ДЕВЯТЬ СТАТЕЙ О ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ. – М.: ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН, 2009. – 146 С.

...индивидуальность стихотворению придают только сознательные отступления от общепринятого правила, причем они любят ридиться в бессознательные...

Н. Гумилев

Зачастую, слово *поэзия* употребляется в метафорическом смысле, означая изящество изложения и/или красоту изображаемого, и в этом смысле поэтичным может быть назван сугубо прозаический текст. Книга Юрия Александровича Сорокина «Девять статей о поэтическом тексте» написана «научной» прозой, но невероятно поэтическим языком.

В первой статье «Поэтический текст: в чем его тайна и притягательность» автор несколькими изящными определениями («Талантливые тексты как совокупность голосов (как некая чувственная ткань) являются совокупностью импрессивных образов», «поэзия внетелесно телесна...» и др.), дает свои «восчувствованные изнутри» ответы, на поставленные в названии статьи вопросы.

Статья вторая «Поэтический текст и его коммуникативная тактика (попытка прогноза)» насыщена цитатами, что позволяет читателю проникнуть в суть проблемы и сложность такого прогноза.

Статья третья «Заринэ Джандосова. Долгая дорога домой. Стихи 1979 – 2006. Москва, 2007 г., 240 стр.» и четвертая «Еще одно возвращение (Любовь Молоденкова. Вольная воля. Стихи. Париж – Москва, 1997 г., 171 стр.)», как следует из их названий, посвящены творчеству поэтесс, которых Ю.А. Сорокин выделил за их «несловесную поэтическую ауру».

В статье пятой «Чем художественный перевод отличается от нехудожественного? (предварительные и априорные рассуждения)», разумеется, нет однозначного

ответа на этот вопрос, ибо как указывает сам автор «любые ответы на эти вопросы ведут к спорам, множащим друг друга».

Статья шестая «Поэтический текст и его цветограммы (лингвоколоризмы)» посвящена исследованию, материалом для которого послужили десять старокитайских четверостиший, переведенных на русский язык. На основе полученных результатов, Ю.А. Сорокин выявляет наиболее предпочтительные цвета для каждого конкретного текста, что позволяет судить о цветовой «палитре» каждого стихотворения.

Статья седьмая «Елис. Васильева (Чебурина де Габриак) и ее “Домик под грушевым деревом”» – анализ цикла стихотворений в духе старокитайской поэзии русской поэтессы начала XX века Чебуриной де Габриак.

В восьмой статье «Китайская поэзия и принципы ее перевода» обсуждаются некоторые общие «правила» перевода стихотворений Ай Цина, и выявляются «те сложные соотношения, которые существуют между творчеством китайского поэта и культурологическим контекстом, влиявшим на создание тех или иных стихотворений».

Статья девятая «Верлибр: что же это такое» подводит своеобразный итог: «канонический стих устал. Ему необходима передышка...», именно поэтому «свободный стих/верлибр становится все чаще используемой стихотворной формой».

С.В. Дмитрюк

Ю.А.СОРОКИН. НЕКАНОНИЧЕСКАЯ РУСИСТИКА (Статьи, заметки, реплики). М.: Ариадна, 2008. – с. 172.

«Неканоническая русистика» очень сорокинская книга. Практически последняя, которую он собрал и выпустил сам.

Оправдывая выбранное название, автор сразу расставляет все точки над и – да, эта книга не о традиционной русистике и, добавим, не о русистике вообще. Заявляя, что в центре внимания книги – речевое поведение человека с улицы, его обыденная рефлексия и обустройство его «дома бытия», автор немного лукавит.

Торопясь и не имея времени многое написать подробно (да и всегда он был скуп на объем своих публикаций), он оставил нам этой книгой своё научное завещание. Ибо в совсем небольшой по объему книге – и абрис психолингвистики третьего тысячелетия с совершенно новыми направлениями исследования; и основные понятия новой дисциплины – антропосемиологии; и призыв к антропофилии (любовно-бережному вниманию к мельчайшим событиям и фактам не толь-

ко человеческого, но и соположенного с ним иного (природного) существования) в противоположность антропоцентризму; и обоснование понятия «семиотическая личность» взамен «языковой личности» Ю.Н.Караулова; и рассуждения о сознании и ментальности и о тексте (текст, контекст, подтекст, затекст, гипертекст, дискурс); и проблемы понимания/непонимания; и конкретные очень тонкие наблюдения и исследования особенностей семиосферы/ментосферы носителей разных культур; и «несколько безнадёжных мыслей о современной поэзии» и еще много тонких и разных наблюдений и зарисовок.

Эта книга – настоящая лаборатория научного творчества в действии, в попытках выйти за рамки принятого и устоявшегося, в напряженных поисках нового и вечного. Это очень сорокинская книга. Прочтите ее. Она написана для Вас.

Н.В.Уфимцева

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Базылев Владимир Николаевич**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А.С.Пушкина, профессор кафедры западноевропейских языков и переводоведения ИИЯ ГОУ ВПО МГПУ, e-mail: vladimir@4unet.ru
- Боронин Александр Анатольевич**, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков ГОУ ВПО Московский государственный медикостоматологический университет Росздрава; доцент кафедры западноевропейских языков и переводоведения факультета романо-германской филологии Института иностранных языков ГОУ ВПО Московский городской педагогический университет (совм.), e-mail: inloco@inbox.ru
- Власенко Светлана Викторовна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка при факультете права Государственного университета – Высшая школа экономики (ГУ–ВШЭ), e-mail: svetsign@stream.ru
- Всейкова Анна Андреевна**, старший преподаватель кафедры английского языка Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского.
- Дмитрюк Наталья Васильевна**, доктор филологических наук, профессор; Казахстан, г. Чимкент, кафедра русского языка Международного Казахско-турецкого университета им. Яссави, e-mail: nvd_mktu@rambler.ru
- Дмитрюк Сергей Валерьевич**, кандидат филологических наук, директор ООО «Медиа ЛогоС» Центр исследования медиа систем», ответственный секретарь редколлегии журнала «Вопросы психолингвистики», e-mail: dmitrserg@yandex.ru
- Красильникова Варвара Георгиевна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры западноевропейских языков и переводоведения ИИЯ ГОУ ВПО МГПУ, e-mail: vladimir@4unet.ru
- Марковина Ирина Юрьевна**, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков ММА им. И.М. Сеченова, профессор кафедры психолингвистики МГЛУ, ст. научный сотрудник Ин-та языкознания РАН, e-mail: irina_markovina@mail.ru
- Никитина Елена Сергеевна**, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора психолингвистики Института языкознания РАН.
- Панасюк Игорь Леонидович**, доктор филологии (ФРГ), в настоящий момент преподаёт теорию и практику перевода в институте переводоведения в Гейдельбергском университете, e-mail: igor_panasiuk@yahoo.com
- Сигал Кирилл Яковлевич**, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом экспериментальных исследований речи Института языкознания РАН, e-mail: kjseagal@yandex.ru
- Сорокин Юрий Александрович** (1936-2009), доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора психолингвистики Института языкознания РАН
- Уфимцева Наталья Владимировна**, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора психолингвистики Института Языкознания РАН, e-mail: nufimtseva@yandex.ru
- Шаховский Виктор Иванович**, доктор филологических наук, профессор заведующий кафедрой языкознания Волгоградского государственного педагогического университета, e-mail: shakhovsky2007@yandex.ru
- Шрёдер, Хартмут** (Schroeder, Hartmut.), профессор Института транскультурных медицинских исследований, Европейский университет Виадрины, Франкфурт-на-Одере, ФРГ
- Юрьева Надежда Михайловна**, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора экспериментальных исследований речи Института языкознания РАН, e-mail: ouyuriev@list.ru

ABSTRACTS OF ARTICLES

Yuri A. Sorokin

LINGUISTIC CULTUROLOGY, LACUNOLOGY, SOMATOLOGY AND THEIR A PRIORI INTERRELATION (AN ATTEMPT TO EXPAND THE TERMINOLOGICAL APPARATUS)

The introductory chapter of the future book "Fundamentals of Lacunology" considers the terminology currently used to investigate the problems of linguistic culturology, lacunology, and somatology. The critical assessment of a number of widely used terms is intended to design new ones or to limit the use of others. The author details the meaning of the term "culture" and introduces such new terms as "cultural attractors" and "cultural oscillators", "ethnointrusiveness" and "ethnoinvasiveness". The author also finds the use of the term "concept" in the investigational branches mentioned above ineffective.

Keywords: linguistic culturology, lacunology, somatology, culture, concept.

Irina Y. Markovina

PSYCHOLOGICAL AND SOCIAL-PSYCHOLOGICAL MECHANISMS OF CULTURAL LACUNISATION

The chapter of the future book "Fundamentals of Lacunology" views the ethnopsycholinguistic phenomenon of lacunisation from the perspectives of other sciences, namely, culturology, psychology and social psychology. Psychological mechanisms of cultural lacunisation are investigated. Based on the experimental data the problem of lacuna elimination is discussed.

Keywords: lacuna theory, culture, cultural lacunisation, elimination of lacunas.

Igor Panassiuk

DEFINITION OF THE LACUNA PHENOMENON IN THE THEORY OF TRANSLATION

The chapter deals with a problem of the definition of the lacuna phenomenon in the framework of the translation theory. The definition of the ethnopsycholinguistic phenomenon of lacuna is based on the definition of the equivalence by Roman Jakobson. According to his point of view the equivalence consists in difference, which is called as lacuna in the ethnopsycholinguistic studies. Lacuna as a semantic dimension of the equivalence determines the kind of the equivalence relations. The relationship of the lacuna and the equivalence is presented as relations between the two inversely proportional terms: the greater the semantic extent of an equivalence relation, the lower is the semantic intensity of the lacuna and vice versa. This is the rule of the inversely proportionality of two semantic dimensions, which determines difference and distance between cultures from the semiotic point of view and confirms the ethnopsycholinguistic postulate of the principle possibility of the intercultural communication, which variety the translation belongs to. The article considers the semantic degree of the equivalence, variety, a sort of the contextual equivalence based on the semantic intensity of the lacuna, in other words on the semantic contextual (denotative) shift.

Keywords: lacuna, equivalence, variety, denotate, semantic intensity of lacuna, semantic dimension of equivalence, semantic shift.

Vladimir N. Bazylev

THE DEPTH OF INSIGHT INTO A FOREIGN VERBAL ELEMENT

The article looks into the problem of translation of Classical Chinese poetry into Russian. The author assesses Prof. Yu.Sorokin's experience related to using the Chinese original and intermediary language text as a source.

Keywords: poetry, translation, Chinese, interpretational translation, word-for-word translation

Alexandr A. Boronin

THE NOTION OF *STYLE* FROM THE PSYCHOLINGUISTIC PERSPECTIVE

The paper considers the notion of style from the psycholinguistic point of view. The author stresses the fact that normal, subnormal and abnormal speech behaviour (both texts and textoids) should be interpreted to reveal the dominant and subsidiary stylistic features of a language personality. The notion of lacunary diegesis is introduced.

Keywords: style, anhistonim, lacunary diegesis, textoid.

Varvara G. Krasilnikova

METALINGUISTICS OF MODERNISM: M. BACHTIN AND J. JOYCE

The article analyses the "modern" trend in literature, which introduces the concept of "dialogue" viewed as the defining component of the 20th century aesthetic and culture-related thinking. Four literary works - by A. Beliy, J. Joyce, V. Woolf and J. Cortazar - are analyzed to illustrate four compositional metalinguistic levels.

Keywords: dialogue, metalinguistics, modernism, literary method

Elena S. Nikitina

GENERATION-UNDERSTANDING OF THE UTTERANCE FROM THE PERSPECTIVE OF COMMUNICATIVE PARADIGM

The article compares the characteristics of the process of generating-understanding of speech described in the activity approach to the study of communication and the axioms of communication that reflect some of its prime properties in the paradigm of general systems theory. The analysis revealed no consistency of structures of communication processes, although intuitively object of study seems to be the same - the semiotic organization of consciousness in the communication processes. It is concluded that it is

the configuration of approaches to describe such a complex phenomenon as verbal consciousness that can give more or less true picture of its structure and functioning.

Keywords: generation, understanding, utterance, text, axioms, communication, activity approach, dialogical paradigm, types of speech, space and time of communication.

Kirill J. Seagal

SPEECH MECHANISMS OF SYNTACTIC ARRANGEMENT OF WORD GROUPS WITH TWO ADJECTIVES (EXPERIMENTAL RESEARCH)

In this article it is shown that syntactic relationship (co-subordination vs. coordination) in word groups with two adjectives leans on the cognitive pattern, namely the pattern of unhomogeneous attributes. The use of this pattern is highly stable in speaking grammar. Even pragmatic purpose, associated with semantic accommodation of adjectives, not obligatory infringes its effect. However such a pragmatic influence on syntactic arrangement of two qualitative adjectives is more typical. All these conclusions are obtained in the experimental research.

Keywords: syntactic relationship, cognitive pattern, unhomogeneous attributes.

Victor I. Shakhovsky

EMOTIONS IN NATIONAL CHARACTERS AND STEREOTYPES AS A LINGUOCULTURAL AND LINGUODIDACTIC PROBLEM

The article deals with the problem of adapting to other cultural through languages. Touched the diachronical approach to cognatizing of native and foreign cultures. Rased up the aspect of emotional / emotive components of the communicative competence. Further on shown the interdependence of such subcompetence and national character of culture and its specific stereotypes. Argumented the urgent necessity of special linguodidactic attention it demads.

Keywords: emotive component of intercultural communication, national character, national stereotypes, emotional / emotive

subcompetence, linguodidactical necessity, adapting to other cultures.

Svetlana V. Vlasenko

TEXT AS REFERENCING PERCEPT

The paper features issues related to reference and referencing against the information continuum segment wherein cross-cultural communication is intermediated by the English–Russian interaction. Details are provided on the text-specific referential domains, or simply reference domains, which are believed to capture text-external ties with reality, as well as text-internal ties.

Keywords: reference, reference domains, referential coordinates, referential status, exophoric reference, endophoric reference, reference perspective, delacunization

Olga V. Balyasnikova

PHENOMENON OF ‘ČUŽOJ’ IN INTER- AND INTRACULTURAL ENVIRONMENT

The article explores peculiarities of the lexeme ‘čužoj’ and its equivalents as lexical lacunas in inter- and intralingual aspects. In the first aspect lacunarity is exposed in leveling grammatical features of the lexeme which are realized in spontaneous speech. In the second aspect lacunarity manifests itself as non-congruence of meanings associated with the equivalent words in English and Russian.

Keywords: lexical lacuna, cultural constant ‘svoj – čužoj’, relevant meaning, method of subjective definition.

Anna A. Voeikova

PSYCHOLINGUISTIC RESEARCH OF ADVERTISEMENT TEXTS

The aim of this article is to give a detailed account of the stages and the results of the psycholinguistic research of advertisement texts. The logics of the article corresponds to the stages of the research itself. Thus, on the first stage, the selected lexical units (denoting values) were analysed with the help of

the semantic differential technique. The second step was devoted to a descriptive analysis (called “semantic gestalt” technique) of the associative fields of the above-mentioned lexical units. The last (third) stage deals with the treatment of the core and the peripheral components of the Russian and the American verbal consciousness.

Keywords: verbal consciousness, advertisement texts, values, non-restricted associative experiment, semantic differential technique, semantic gestalt technique.

Nadezhda M. Yurieva

PROBLEM OF DEVELOPMENT OF NARRATIVE IN CHILD LANGUAGE

This article concerns the earlier period of the development of child’s narrative and the part adult plays in it. Observation results presented reveal that during the earlier stages of verbal communication ontogenesis the first forms of narrative develop in the dialogue between a child and an adult.

Keywords: Communication in ontogenesis, discursive competence, development of narrative, linguistic scaffolding, dialogue, monologue

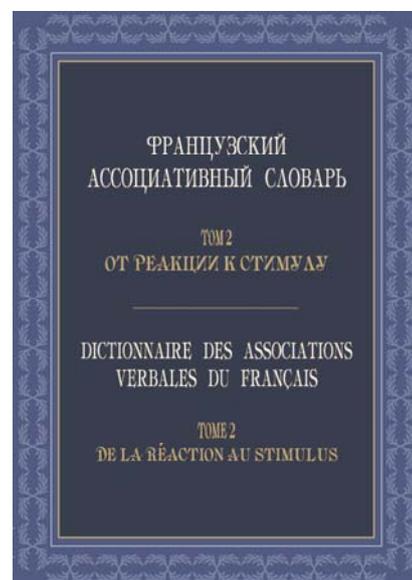
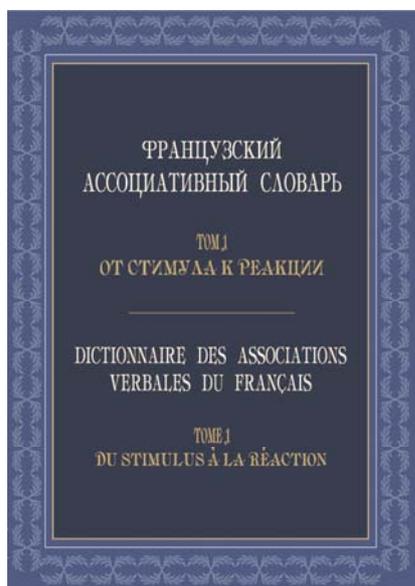
Aleksandr M. Shakhnarovich

SECOND LANGUAGE TEACHING

Based on classical ideas of L. Vigotsky, L. Shcherba, A.N. Leontiev as well as on practical observations, the article first published in 1996, draws important conclusions on successful second language teaching. First of all, the methods of second (foreign) language teaching should differ from those of the mother tongue acquisition. Another important conclusion is that successful teaching of the foreign language expands understanding of one’s native language and should use the learner’s native language structure as the basis

Keywords: second (foreign) language teaching, bilingualism, linguistic abilities, children’s speech.

**Новосибирский государственный университет
объявляет подписку на
Французский ассоциативный словарь**

Дебрэнн М. Французский ассоциативный словарь: в 2 т. / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2010. Т.1. От стимула к реакции. 252 с. ISBN 978-5-94356-895-4

Дебрэнн М. Французский ассоциативный словарь: в 2 т. / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2010. Т. 2. От реакции к стимулу 449 с. ISBN 978-5-94356-896-1

В первом томе словаря приведены 1100 стимулов, предложенных в ходе ассоциативного психолингвистического эксперимента с ноября 2008 по ноябрь 2009 и реакции на них. В эксперименте участвовали 5500 студентов, обучающихся во Франции. Это первая попытка овнешнения французского языкового сознания с помощью методики, предложенной Московской психолингвистической школой.

Во втором томе словаря приведены реакции и стимулы, вызвавшие эти реакции. Было получено 26255 разных ответов, из которых меньше половины – 12973 – единичны.

Приведенные в алфавитном порядке

стимулы и реакции на них позволяют оценить ассоциативные нормы носителей французского языка. Этот материал ценен как для психолингвистов, изучающих вербальные ассоциативные сети, так и для преподавателей французского языка, для которых важно знать, с чем ассоциируются слова, которые они преподают своим студентам. Он будет полезен лингвистам, изучающим содержание тех или иных концептов, переводчикам, которым необходимо проверять, подходит ли выбранный им вариант перевода, и всем желающим глубже узнать французский язык, а также для сопоставления с языковым сознанием других лингвокультур.

Книгу можно заказать (наложенным платежом):

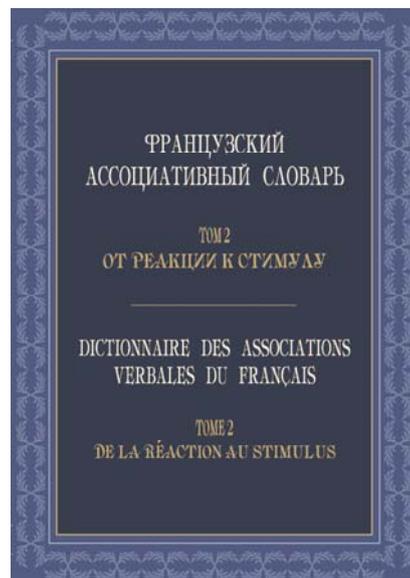
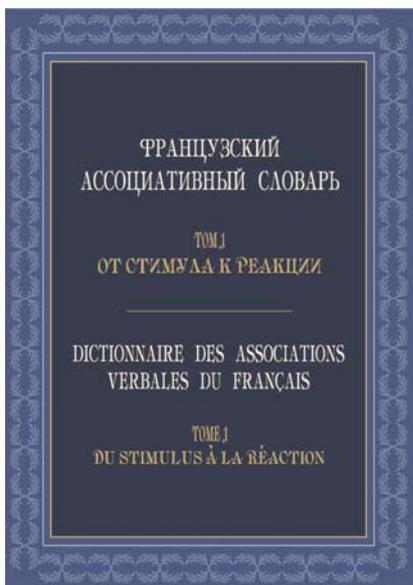
Новосибирский государственный университет, Редакционно-издательский центр
630090 г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2, главный корпус НГУ, к. 106.

Цена комплекта 1000 рублей (Т1: 340р.; Т2: 660 р)

Медведко Константин Анатольевич (директор), (383) 363-40-35, publisher@post.nsu.ru

Исакова Софья Викторовна (зам. директора), (383) 363-43-41, ed@post.nsu.ru

Dictionnaire des Associations Verbales du français

Debrenne M. Dictionnaire des associations verbales du français en deux tomes / Université d'Etat de Novossibirsk, 2010 T1 du stimulus à la réaction ; 252p. ISBN 978-5-94356-895-4
Debrenne M. Dictionnaire des associations verbales du français en deux tomes / Université d'Etat de Novossibirsk, 2010 T2 de la réaction au stimulus ; 449p. ISBN 978-5-94356-896-1

Ce dictionnaire présente la première tentative de révéler les normes d'associations verbales des francophones à l'aide de la méthodologie mise au point par l'école de psycholinguistique de Moscou. Dans le premier tome du dictionnaire on trouve dans l'ordre alphabétique les 1100 stimuli et toutes les réactions récoltées, rangées ordre de par fréquence décroissante. 5500 étudiants français ont pris part à l'expérience menée de novembre 2008 à novembre 2009.

Le deuxième tome contient les réactions en ordre alphabétique et les stimuli qui les ont provoqués. Au cours de l'expérience 26255 réponses différentes, dont 12973

uniques ont été obtenues.

Les données présentées dans le dictionnaire représentent un matériau de choix pour les psycholinguistes qui étudient les réseaux d'associations verbales, mais également pour les enseignants de FLE qui ont besoin de savoir quelles associations évoquent les mots qu'ils font apprendre à leurs étudiants. Ce dictionnaire sera utile aux linguistes qui étudient le contenu d'un concept, aux traducteurs qui doivent vérifier la valeur d'un mot, et pour tous ceux qui veulent mieux connaître la langue française et la comparer aux autres langues-cultures.

Le dictionnaire des associations verbales du français (25 euros) peut être commandé en envoyant un courriel à

Editions de l'Université d'Etat de Novossibirsk
publisher@post.nsu.ru ou ed@post.nsu.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

Для опубликования в журнале принимаются научные статьи, иные произведения и сообщения, обзоры и рецензии в соответствии с тематикой журнала.

Материалы проходят обязательное внутреннее рецензирование, по итогам которого редколлегия вправе принять решение об отклонении материала. Отбор экспертов-рецензентов – полномочия редакционной коллегии. Редколлегия рекомендует авторам предоставлять отзывы на свои материалы от докторов филологических наук из организации, где работа выполнялась (внешнее рецензирование).

Материалы к публикации в журнал «Вопросы психолингвистики» представляются на бумажном и электронном носителе (или по электронной почте) на адрес редакции editorial-vpl@yandex.ru или ответственному секретарю редколлегии Дмитрию Сергею Валерьевичу dmitrserg@yandex.ru.

Редакционная коллегия оставляет за собой право редактирования и отбора материалов для публикации.

Требования к предоставляемым материалам:

Первая строка – индекс УДК.

Вторая строка – заглавие статьи и Ф. И. О. авторов.

Третья строка – сведения об авторах: Ф. И. О. авторов полностью, ученая степень, ученое звание, место работы (должность) или учебы; электронный адрес.

Аннотация статьи на русском языке (не более 800 символов).

Ключевые слова.

Фамилия и имя автора, название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке (аннотация 70-80 слов, около 10 ключевых слов).

Основной текст статьи:

объем представляемого материала до 40 тыс. знаков (1 п. л.);

ссылки на источники, а также все поясняющие сноски даются на последней странице текста статьи. Нумерация ссылок и сносок в статье сквозная. Возможные иллюстрации должны быть предоставлены дополнительно в цифровом формате в виде отдельного JPG-файла или Gif-файла в электронном варианте.

Ссылки на литературу даются в тексте статьи в квадратных скобках, например [Текст как явление культуры 1989: 93].

Список литературы оформляется по образцу:

Вейлерт А. А. О зависимости количественных показателей единиц языка от пола говорящего лица // Вопросы языкознания, 1976. – № 5 – С. 138–143

Национально-культурная специфика речевого поведения // Под ред. А. А. Леонтьева, Ю. А. Сорокина, Е. Ф. Тарасова. – М. «Наука», 1977. – 352 с.

Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: Коллективная монография / Отв. ред. Купина Н. А., Хомяков М. Б. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. – 595 с.

Обратите, пожалуйста, внимание на необходимость указывать страницы!